



Л.А. Новосёлова,
*профессор, доктор юридических наук,
заведующая кафедрой интеллектуальных прав
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
член редколлегии Журнала Суда по интеллектуальным правам*

Редакторская колонка

Предлагаем вашему вниманию весенний выпуск Журнала Суда по интеллектуальным правам.

Пожалуй, самыми острыми и обсуждаемыми – как среди специалистов в сфере интеллектуальной собственности, так и всех юристов, являются темы, связанные с регулированием отношений по созданию, обучению, использованию систем так называемого искусственного интеллекта для различных целей. ИИ повлиял на все области жизни, широкий круг отношений между людьми; изменил традиционные схемы их связей. Появление таких систем стало вызовом для охраны интеллектуальных прав, личных неимущественных прав граждан. Всемирная организация по интеллектуальной собственности в одном из своих документов отмечала, что «появление генеративного искусственного интеллекта (GenAI) представляет собой беспрецедентные проблемы и возможности, требуя переоценки существующих правовых рамок и механизмов поддержки для решения сложностей, привнесенных этой технологией»¹.

Перед юристами встали новые проблемы, в том числе связанные с необходимостью четкого определения круга участников отношений, связанных с созданием, продвижением и использованием ИИ, с определением сферы, оснований и характера их ответственности, с квалификацией результатов применения таких систем, особенно в творческой деятельности, и многие, многие другие.

В нашей правовой системе длительное время о создании и использовании ИИ говорилось только на уровне стратегических и программных документов (Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года). Одновременно в России активно осуществлялся процесс стандартизации: было принято более 30 стандартов, регулирующих применение искусственного интеллекта в различных сферах, включая здравоохранение, образование и дорожное строительство.

¹ Развитие генеративного искусственного интеллекта с точки зрения авторских прав. Документ ВОИС URL: https://www.wipo.int/ru/web/frontier-technologies/frontier_conversation.

В качестве предпочтительного варианта регулирования первоначально был выбран «мягкий» сценарий – установление этических норм и требований: были приняты Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке.

Однако к настоящему моменту отсутствие регулирования на уровне закона становится самостоятельным фактором риска. Особенно остро отсутствие четких правил ощущается там, где использование ИИ влечет или может повлечь ущемление и нарушение прав граждан.

Не случайно в предлагаемом номере журнала многие материалы посвящены различным аспектам создания и использования систем ИИ.

Так, в статье М.А. Рожковой «Дипфейки в контексте права интеллектуальной собственности» анализируется возможность применения законодательства об интеллектуальной собственности к произведениям, преобразованным с помощью технологии дипфейка и дипфейковым ИИ-генерациям;

В.О. Калятин в статье «О некоторых вопросах определения субъектного состава при создании результатов интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта» рассматривает, как меняется субъектный состав лиц, участвующих в создании результата интеллектуальной деятельности, как это влияет на подходы к критерию творчества, на выработку модели общего права на результат интеллектуальной деятельности.

В статье Л.А. Новосёловой «Об использовании модели исключительного права при охране образа человека» обращается внимание на недостаточность механизмов, выработанных для охраны личных неимущественных прав, для обеспечения прав граждан на использование различных аспектов своей личности (голоса, внешности, образа в целом) для создания дипфейков.

В марте этого года Минцифры опубликовало для обсуждения проект закона об ИИ, многие положения которого требуют серьезного и всестороннего анализа. Не вызывает сомнений, что наши авторы активно включаются в дискуссию по затронутым в проекте направлениям.

Неизменный интерес вызывает актуальная тема принудительного лицензирования в фармацевтической отрасли (см. статью А.Н. Даркова, К.А. Колобова, А.З. Беспанова).

Различные аспекты авторского права анализируются в статьях Д.С. Еремина, который исследует критерии охраноспособности подготовительных материалов компьютерных программ по праву России и ЕС, а также И.В. Кучерук, Д.В. Козлова, Д.М. Мартыановой, которые рассматривают критерии охраноспособности произведения архитектуры. Исторические корни авторского права анализируются в статье Д.А. Братуся.

Большое практическое значение представляет проведенное Е.С. Четвертаковой исследование, посвященное наказанию агента, злоупотребившего доверием принципала путем присвоения себе его репутации и бренда.

Желаем нашим читателям полезного и увлекательного чтения и весеннего настроения!

Содержание



@IPC_MAG

Главный редактор:

Е.А. Ястребова

Главный научный редактор:

В.А. Корнеев

Ответственный редактор:

Л.В. Назарычева

Редакционная коллегия:

Л.А. Новоселова
В.А. Корнеев
М.А. Рожкова
Е.А. Павлова
В.О. Калятин
В.В. Байбак
А.С. Васильев
Е.А. Войниканис
А.А. Смола
Н.А. Шебанова
Н.И. Капырина
Е.Ю. Борзило
Д.А. Братусь
Д.В. Братусь
Е.С. Четвертакова

Редакционный совет:

Л.А. Новоселова
В.А. Корнеев
В.В. Витрянский
П.В. Крашенинников
Т.К. Андреева
Е.А. Суханов
И.А. Дроздов

**Дизайн, верстка,
цветокоррекция**

Д.В. Авданин

Корректор:

Е.В. Рыжер

ISSN 2313-4852

© Суд по интеллектуальным правам,
Фонд «Правовая поддержка», 2024

Учредители:

Суд по интеллектуальным правам
(Огородный проезд, д. 5, стр. 2,
Москва, 127254),

Фонд «Правовая поддержка»
(119991, г. Москва, Ленинские горы,
д. 1, стр. 77).

Контакты редакции:

адрес электронной почты:
ipc-magazine@garant.ru,
телефон:
8 495 647 62 38

Цифровая среда

Л.А. Новосёлова

7 **Об использовании модели исключительного права для охраны образа человека**

Традиционный взгляд на личные нематериальные блага человека как на объекты, не включаемые в оборот, в последнее время переживает попытки пересмотра, прежде всего, в рамках теории их коммодификации. Не разделяя ее основные постулаты о включении этих благ в оборот, следует признать усиление тенденции коммерциализации отдельных аспектов, прежде всего, связанных с личностью человека. Особую роль в этом играет распространение технологии создания «дипфейков» с помощью искусственного интеллекта.

В статье рассматриваются правовые проблемы квалификации отношений, возникающих с предоставлением согласия обладателя немущественного блага на его использование другими лицами. На примере права на имя доказывается недостаточность существующего регулирования в рамках охраны личных немущественных прав и персональных данных. Предлагается признать наличие самостоятельных имущественных прав, производных от личных немущественных прав субъекта, и применять к ним модель исключительного права.

В.О. Калятин

17 **О некоторых вопросах определения субъектного состава при создании результатов интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта**

Активное использование искусственного интеллекта приводит к усложнению субъектного состава лиц, участвующих в создании результата интеллектуальной деятельности и изменении их роли в создании такого объекта. В статье рассматривается, как меняется субъектный состав лиц, участвующих в создании такого объекта, какие проблемы возникают на практике и какие существуют направления для их решения. Это может выражаться в изменении подходов к критерию творчества, выработке модели общего права на созданный результат интеллектуальной деятельности и т.д., но пока только идет поиск оптимальных моделей.

М.А. Рожкова

25 **Дипфейки в контексте права интеллектуальной собственности**

В статье рассматривается феномен дипфейков в сопоставлении с более широким понятием фейков и проводится комплексный анализ их правовой природы. Автор последовательно разграничивает технологию дипфейка и создаваемый с ее помощью результат, выявляя их различную юридическую значимость. Обосновывается, что дипфейк как недостоверная информация, распространяемая под видом достоверной, затрагивает прежде всего сферу нематериальных благ и требует правового регулирования, отличного от регулирования обычных фейков.

Особое внимание уделено анализу применимости законодательства об интеллектуальной собственности к произведениям, преобразованным с помощью технологий дипфейка, и дипфейковым ИИ-генерациям. На основе судебной практики демонстрируется, что преобразование охраняемого произведения с использованием технологии дипфейка не лишает его статуса объекта авторских прав. Одновременно подчеркивается принципиальная неохранный способность ИИ-генераций как результатов автоматизированного процесса, что исключает их включение в сферу авторского права и предполагает квалификацию через категорию информационного продукта.

А.В. Севастьянова

35 **Нюансы законопроекта о деятельности по разработке**

и распространению видеопг на территории Российской Федерации

В статье рассматриваются основные вопросы, возникающие в связи с представленным в законопроекте «О деятельности по разработке и распространению видеопг на территории Российской Федерации» определениями. Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что по состоянию на 2025 г. в Российской Федерации не выработано единого законодательного подхода к регулированию видеопг, однако разрабатываются различные способы это сделать. Являясь актуальной попыткой урегулировать нерешенный вопрос, рассматриваемый в статье законопроект, по мнению автора, имеет ряд очевидных недостатков, которые в дальнейшем могут привести к формированию множества правовых проблем. Автор предлагает обратить пристальное внимание на предлагаемое в законопроекте определение видеопг, а также на ряд других моментов, таких как маркировка видеопг и их экспертиза.

Авторские и смежные права

Д.А. Братусь

40 **Романистические следы авторского права: генезис идеи защиты**

В отечественной цивилистической теории стабильно отрицаются античные корни авторского права. Редкие голоса правоведов (Н.Л. Дювернуа, С.А. Беляцкий и др.), утверждавших обратное, не были услышаны. Попытка разобраться в истории вопроса приводит к выводу о том, что доминирует одна из авторитетных научных школ. В действительности не авторское право в целом, а именно исключительное право является «молодым» институтом. Практическое значение вопроса – в отнесении к предмету авторско-правового регулирования личных неимущественных авторских отношений, в определении адекватных пределов коммерциализации творческой подотрасли. Недавно вышедшие крупные и важные комплексные работы [23; 41], в которых «романистические» аспекты авторского права незаслуженно остаются в тени или освещаются с точки зрения той самой школы, побуждают вновь (с новыми аргументами) обращаться к данной теме.

Д.С. Еремин

51 **Критерии охраноспособности подготовительных материалов компьютерных программ по праву России и Европейского Союза**

Автором предпринята попытка проанализировать законодательство и судебную практику России и Европейского Союза на предмет выявления подходов к правовому регулированию подготовительных материалов компьютерных программ. Актуальность исследования обусловлена существующим разрывом между техническими процессами разработки компьютерных программ и формальными требованиями закона.

В работе критически рассматриваются выявленные автором в ходе анализа ограничительные тенденции судебной практики (обозначенные в статье как «тест механического перевода»). На основе этого предлагается рассматривать подготовительные материалы в качестве самостоятельной формы выражения компьютерной программы, а для их квалификации применять разработанную автором трехуровневую систему абстракции.

И.В. Кучерук, Д.В. Козлов, Д.М. Мартыанова

63 **Критерии охраноспособности произведений архитектуры: теоретико-правовой анализ**

Статья посвящена теоретико-правовому анализу критериев охраноспособности произведений архитектуры в контексте действующего законодательства и судебной практики. Особое внимание уделяется разграничению архитектурного проекта как технического решения и архитектурного произведения как объекта авторского права. На основе анализа нормативных актов, международных соглашений, научных подходов и практики производства судебных экспертиз формулируются ключевые признаки, свидетельствующие о наличии авторско-правовой охраны. Подчеркивается необходимость дальнейшего развития правовой базы и методологии экспертной оценки, в том числе при рассмотрении споров о переработке архитектурных объектов. Материалы

исследования могут быть использованы для совершенствования судебной практики в сфере интеллектуальной собственности и при проведении судебных экспертиз архитектурных произведений. Проведенный анализ способствует углублению теоретического понимания правовой природы архитектурных произведений и формированию единых подходов к их правовой защите.

Патентное право

А.Н. Дарков, К.А. Колобова, А.Р. Баспанов

68 **Проблемы действующего регулирования института принудительного лицензирования в фармацевтической отрасли**

Статья посвящена рассмотрению актуальных проблем регулирования института принудительного лицензирования, установленного действующей редакцией п. 1 ст. 1362 ГК РФ, посвященной выдаче принудительной лицензии на основании недостаточного использования технического решения правообладателем, вызывающего недостаточное предложение товаров, работ или услуг. Авторы проводят анализ нормативно-правовых актов, практики правоприменения, и выдвигают предложения по устранению проблем действующего регулирования применительно к спорам между фармацевтическими компаниями. Актуальность статьи связана с резким увеличением споров в области принудительного лицензирования патентов в области фармацевтики в России. Новизна статьи заключается в предложении авторами конкретных способов определения критериев, требующих оценки судом при рассмотрении требования о выдаче принудительной лицензии. Подходы к определению таких критериев не были с достаточной подробностью раскрыты в предыдущих правовых исследованиях.

М.Е. Романов

75 **О природе режима патентного связывания**

В статье рассматривается режим патентного связывания (patent linkage) в контексте реформирования регуляторной системы Соединенных Штатов Америки, рассмотрены условия и предпосылки принятия Закона «Хэтча-Ваксмана» (Hatch-Waxman Act), а также особенности имплементации режима патентного связывания в национальные правовые системы Республики Корея и Китайской Народной Республики. На основании исследованного материала сделаны выводы о перспективности внедрения режима патентного связывания в правовую систему Российской Федерации в контексте инновационного развития отечественной фармацевтической отрасли. Предложена модель режима патентного связывания, основанная на релевантном законодательном опыте Республики Корея, предполагающая, в частности, формирование базы фармацевтических патентов, активно модернизируемой регистрационным органом; законодательное закрепление дифференцированных оснований для регистрации воспроизведенных лекарственных средств; увеличение продолжительности периода эксклюзивности для лица, первым обжаловавшего патент, до двенадцати месяцев. Сделан вывод о необходимости реформирования регуляторного и охранительного законодательства для формирования законодательной инфраструктуры регистрации воспроизведенных лекарственных средств, способной обеспечить эффективность применения режима патентного связывания.

Средства индивидуализации

Е.С. Четвертакова

90 **К вопросу о наказании агента, злоупотребившего доверием принципала и присвоившего себе его репутацию и бренды**

В данной статье на примере практики Суда по интеллектуальным правам описана методология применения положений ст. 6.septies Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. и подп. 5 п. 2 ст. 1512 Гражданского кодекса Российской Федерации при оспаривании предоставления правовой охраны обозначению, зарегистрированному в качестве товарного знака (знака обслуживания) на территории Российской Федерации.

98 **Заключения ученых в ответ на запрос Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-1321/2024**

Защита интеллектуальных прав

Н.В. Гуцин, Н.И. Капырина, М.А. Кольздорф, Р.А. Мелкумян

121 Обзор ключевых позиций президиума Суда по интеллектуальным правам № 4/2025 (июль–декабрь 2025)

В обзоре представлены ключевые позиции из постановлений президиума Суда по интеллектуальным правам, опубликованных в июле–декабре 2025. Президиум Суда по интеллектуальным правам рассматривает кассационные жалобы на решения суда первой инстанции, в частности, по делам, связанным с регистрацией объектов интеллектуальных прав и с оспариванием их правовой охраны. Соответственно, данный обзор преимущественно посвящен вопросам охраноспособности объектов патентных прав и средств индивидуализации, досрочного прекращения правовой охраны товарных знаков, а также отдельным процессуальным аспектам деятельности Роспатента и Суда по интеллектуальным правам.

В данном обзоре рассмотрены вопросы, связанные с правовой охраной товарных знаков, с патентами, а также с недобросовестной конкуренцией.

Для цитирования:

Новосёлова Л.А. Об использовании модели исключительного права для охраны образа человека // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2026. Март. № 1 (51). С. 7–16.

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_1

For citation:

Novoselova, L. A. Applying the exclusive right model to the protection of a person's image // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2026. March. N 1 (51). Pp. 7–16. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_1

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_1

Об использовании модели исключительного права для охраны образа человека



Л.А. Новосёлова,

профессор, доктор юридических наук,
заведующая кафедрой интеллектуальных прав Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Традиционный взгляд на личные нематериальные блага человека как на объекты, не включаемые в оборот, в последнее время переживает попытки пересмотра, прежде всего, в рамках теории их коммодификации. Не разделяя ее основные постулаты о включении этих благ в оборот, следует признать усиление тенденции коммерциализации отдельных аспектов, прежде всего, связанных с личностью человека. Особую роль в этом играет распространение технологии создания «дипфейков» с помощью искусственного интеллекта.

В статье рассматриваются правовые проблемы квалификации отношений, возникающих с предоставлением согласия обладателя немущественного блага на его использование другими лицами. На примере права на имя доказывается недостаточность существующего регулирования в рамках охраны личных немущественных прав и персональных данных. Предлагается признать наличие самостоятельных имущественных прав, производных от личных немущественных прав субъекта, и применять к ним модель исключительного права.

Ключевые слова:

«Дипфейк»; личные немущественные права; нематериальные блага; право на голос; право на изображение; персональные данные; коммодификация; исключительное право

В 2024 г. в Госдуму поступил законопроект о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹. Непосредственным поводом к разработке инициативы послужила ситуация с использованием голоса актрисы дубляжа А., которая по договору с банком «Тинькофф» сделала несколько записей и передала ему исключительные права на исполнение и фонограммы, включая переработку и передачу третьим лицам. Последние, в свою очередь, использовали записи для синтеза речи: голосом актрисы озвучивали игровые трансляции и видеоконтент сомнительного содержания.

Актриса предъявила иск², в котором потребовала обязать банк объявить на своем сайте, что он с помощью голоса актрисы создал технологию синтеза речи и этим нарушил ее права на неприкосновенность исполнения; предпринять меры для удаления ее синтезированного голоса со всех сторонних сайтов; прекратить использовать ее голос в технологиях синтеза речи, доступных для третьих лиц.

В средствах массовой информации появились публикации, что иск А. к банку судом был отклонен со ссылкой на то, что банк действовал в соответствии с договором, который позволял ему перерабатывать записи и использовать их анонимно³.

Как видно из многочисленных комментариев в СМИ, данный случай остро поставил вопрос о том, подлежит ли охране голос человека в ситуациях, когда он используется для синтеза речи и создания голосовой модели без согласия его обладателя.

По мнению разработчиков закона, современные технологии синтеза речи, которые позволяют имитировать голос гражданина, могут быть использованы в ущерб такому гражданину, однако

в правовом регулировании защиты нематериальных благ существует пробел.

Внесенный проект дополнял ГК РФ новой ст. 1523 «Охрана голоса гражданина».

В качестве общего правила предлагалось предусмотреть запрет на обнародование и дальнейшее использование «голоса гражданина (в том числе записи, в которой он содержится, или записи, в которой содержится воссозданный с помощью специальных технологий голос гражданина в отсутствие согласия самого гражданина, а в случае его смерти – согласия его детей, пережившего супруга или родителей)».

Совет по кодификации гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации представил отрицательное заключение на законопроект⁴, указав, что необходимость вводить в ГК РФ отдельную статью об охране голоса гражданина как нематериального блага отсутствует.

В качестве основного аргумента указывалось, что перечень нематериальных благ, принадлежащих гражданину и подлежащих защите, является открытым.

По мнению Совета, все перечисленные в п. 1 ст. 150 ГК РФ, а также прямо не названные в ней иные нематериальные блага, которые неотделимы от личности (к числу которых, бесспорно, относятся и внешность человека, в том числе артистический или даже повседневный образ, и голос, и другие доступные для восприятия проявления индивидуальности), защищаются в соответствии с ГК РФ и другими законами, для чего могут использоваться любые способы, совместимые с существом нарушенного права и характером нарушения.

Совет пришел к выводу, что проект не предлагает новых способов защиты, которые бы не были уже предоставлены гражданину законодательством, а предусмотренные проектом меры, например,

¹ Законопроект от 16 сентября 2024 г. № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (об охране голоса), внесенный сенаторами Российской Федерации А.А. Клишасом, А.Г. Шейкиным, Н.С. Кувшиновой, Р.В. Смашневым, депутатом Государственной Думы Д.В. Бессарабовым.

² Дело № М-6609/2023 Савеловского районного суда.

³ См., напр.: Публикация пресс-центра «Последние год-два исков от патентных троллей было невероятное количество» от 7 ноября 2024 г. [Электронный ресурс] / https://lexfort.ru/post_smi/poslednie-god-dva-iskov-ot-patentnyh-trollej-bylo-neveroyatnoe-kolichestvo/ (дата обращения: 29 января 2026 г.).

⁴ Официальный отзыв № 2.3.3-11/1339 от 22 октября 2024 г. на проект федерального закона № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенный сенаторами Российской Федерации А.А. Клишасом, А.Г. Шейкиным, Н.С. Кувшиновой, Р.В. Смашневым, депутатом Государственной Думы Д.В. Бессарабовым.

изъятие из оборота и уничтожение материальных носителей, содержащих записи голоса гражданина, являются частными случаями известных способов защиты (абз. 3 ст. 12, абз. 2 п. 2 ст. 150 ГК РФ).

Таким образом, предлагаемые изменения лишь дублируют регулирование, которое уже есть в ГК РФ – в тех случаях, когда перед судом встает вопрос о защите интересов гражданина, чей голос был «использован» (записан, воспроизведен) без его согласия, суд обращается к общим положениям о защите нематериальных благ, закрепленным в главе 8 ГК РФ.

Помимо этого, в заключении Совет указал на возможность применения норм об охране исполнения (п. 1 ст. 1315, п. 1 и 2 ст. 1317 ГК РФ) или фонограммы (п. 1 ст. 1323, п. 1 и 2 ст. 1324 ГК РФ), и об охране биометрических персональных данных (п. 1 ст. 3, ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», далее – Закон о персональных данных), предусматривающих, что любые действия с голосом гражданина, в том числе с использованием специальных технических средств, могут совершаться только при наличии надлежащего правового основания, в частности, письменного согласия носителя голоса (ст. 9, ч. 1 ст. 11 Закона о персональных данных).

Безусловно, если рассматривать выделенное в проекте «право на голос» исключительно как нематериальное благо, служащее отражением одной из граней индивидуальности человека, дополнение ГК РФ не требуется, поскольку это могло бы быть воспринято как необходимость каждый раз «называть» в законе конкретное личное благо, чтобы обеспечить его охрану.

Тем не менее нельзя не видеть серьезных проблем в регулировании отношений, возникающих вследствие использования современных технологий для создания «цифровой копии» отдельных характерных черт личности человека или его образа в целом (дипфейков). Но связаны эти проблемы не с защитой личных нематериальных прав, а с необходимостью защиты прав имущественных, принадлежащих человеку. Однако эти проблемы не были четко сформулированы авторами законопроекта, и, как следствие, не анализировались Советом по кодификации.

В традиционных ситуациях различные аспекты индивидуальности (голос, внешность, жесты, манера говорить и т.д.) проявляются самим их носителем, неотделимы от него, что и делает их с точки зрения гражданского права личными благами, объектами личных неимущественных прав.

Проявления индивидуальности можно зафиксировать, запечатлеть на каком-либо носителе, и сделать это может как сам человек, так и иное лицо. Фиксация, «запечатлевание» другим лицом образа человека требует согласия самого субъекта (за исключением специально оговоренных случаев), поскольку такое действие является вмешательством в его личную сферу и потенциально может повлечь умаление личного блага.

Охрана биометрических данных также осуществляется в отношении биометрической информации о человеке и защищает последнего от сбора такой информации без согласия субъекта.

Когда производится фиксация проявлений человеческой индивидуальности на материальном носителе (запись голоса, фото- и видеосъемка и т.д.), создается новый объект, с иным правовым режимом. Этот объект может охраняться авторским или смежным правами (исполнение, фонограмма, аудио-визуальное произведение), которые принадлежат либо самому человеку, либо иным лицам. В таком случае использование созданных объектов регулируется положениями об интеллектуальных правах.

Во всех этих случаях мы имеем дело с непосредственными проявлениями личности носителя и их фиксацией.

Вместе с тем, технические достижения последнего времени позволяют создавать «цифровую копию» человека и отдельных аспектов его личности (голоса, внешности), которые используются самостоятельно, создавая полную иллюзию, что речь идет о действиях реального человека. Наиболее ярким примером такого использования являются дипфейки, генерируемые системами искусственного интеллекта.

Принципиальное отличие от ранее рассмотренных ситуаций состоит в том, что черты и аспекты личности человека воспроизводятся технически, и на их основании генерируется результат, в создании которого сам «источник» не участвовал. Например, записывается сообщение,

которое носитель голоса не произносил, либо создается видео, в котором сам человек не снимался. Всем известны примеры использования в фильмах образов уже умерших актеров⁵. Нельзя не заметить, что изначально «неотчуждаемый» аспект личности, индивидуальности приобретает свойство отделяемости, хотя и сохраняет тесную связь с копируемой личностью.

Такие правовые механизмы, как необходимость получения согласия, меры по устранению и предотвращению нарушений, возмещение морального вреда достаточно успешно могут справиться с задачей защиты личных неимущественных прав лица, чьи индивидуальные черты были технически воспроизведены и использованы.

В случае создания с использованием голоса, образа человека результатов, охраняемых как объекты интеллектуальных прав (например, исполнения), обеспечивается и защита имущественных, исключительных прав: перечень способов использования таких результатов не является исчерпывающим, и создание технической «копии» голоса требует согласия правообладателя, которое оформляется по общему правилу на возмездной основе.

Затруднения, как это было в деле банка Тинькофф, могут быть вызваны тем, что стандартные устоявшиеся формулировки лицензионных договоров не были рассчитаны на ситуации использования записей исполнения для генерации голоса, которым в дальнейшем будут озвучиваться различные тексты. Это позволило одной стороне утверждать, что такое право не передавалось, а другой – что передача всех прав на исполнение означает согласие и на создание и использование цифровой копии голоса для любых целей.

Но в целом ряде случаев для создания цифровой копии могут использоваться записи голоса, не обладающие признаками объектов, охраняемых в качестве объектов интеллектуальных прав. В этих случаях возникает вопрос о том, имеются ли у обладателя голоса имущественные права и какова их природа.

Определяя характерные признаки личных неимущественных прав, М.Н. Малеина отмечает нематериальный характер личных прав, который проявляется в том, что они «лишены экономического содержания»⁶. К.Б. Ярошенко указывает на их производность от личности человека и связанную с этим неотчуждаемость⁷.

Полностью соглашаясь с этим, можно указать на ситуации, когда личные неимущественные права и личные блага становятся основой для появления имущественных отношений, прямо не урегулированных в законе.

Тенденция усиления имущественной составляющей в отношениях, традиционно связанных с реализацией личных неимущественных прав и нематериальных благ, отмечается многими и российскими, и зарубежными исследователями. Так, А.И. Савельев писал о «постепенном движении от личных неимущественных благ к имуществу особого рода»⁸.

Данное явление нашло отражение в теории коммодификации личных нематериальных благ, утверждающей, что личные нематериальные блага под влиянием экономических стимулов приобретают денежную стоимость, втягиваются в имущественный оборот и становятся товаром⁹. Как отмечает Т.С. Яценко, «проблема допущения сделок с нематериальными благами возникает неизбежно, если в обществе признается особая ценность человека и его атрибутов... Благо способно стать предметом

⁵ После трагической гибели Пола Уокера в 2013 г. создатели фильма «Форсаж-7», съемки которого шли в тот момент, решили воссоздать актера с помощью спецэффектов. См.: [Электронный ресурс] / https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d07f520f-69807dfc-9903dcd3-74722d776562/https/www.looper.com/184468/the-truth-about-recreating-paul-walker-for-fast-and-the-furious/ (дата обращения: 29 января 2026 г.).

⁶ Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М., 1991. С. 6.

⁷ Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных имущественных прав граждан. М., 1990. С. 9–20.

⁸ Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. 2021. N 4. С. 104–129.

⁹ Нансо М.Д. Коммодификация как современный тип рациональности // Народное образование. 2020. N° 3. С. 35; Фишман Л.Г. Коммодификация как фактор морального и политического прогресса // Полития. 2019. N° 2(93). С. 7.

оборота, если его признает в качестве товара общество»¹⁰.

В качестве примеров включения в оборот нематериальных благ приводят имя человека, изображение медийных лиц, тело человека и его части (при обсуждении донорства), суррогатное материнство и т.д.¹¹.

Формулировка о превращении личных благ в товар, если и имеет право на существование, то только в качестве публицистического обострения темы. Однако несомненная заслуга этой теории состоит в том, что она высвечивает реально происходящие процессы, (ранее либо вообще не известные, либо носившие экстраординарный характер), порождаемые коммерциализацией отдельных аспектов личной сферы человека, охрана которых традиционно обеспечивалась с использованием конструкции личных неимущественных прав.

В российской литературе эта проблема широко обсуждалась в связи с правом на имя, поскольку законодательство прямо предоставляет возможность использовать имя человека другим лицам в их творческой и экономической деятельности (абз.2 п. 4 ст. 19 ГК РФ).

Для раскрытия связи неимущественных благ с имущественными отношениями, стоит кратко проанализировать недавнюю дискуссию об использовании имени человека в качестве товарного знака, которая актуализировалась после рассмотрения ряда судебных споров, в частности, в отношении товарных знаков «Калашников»¹².

Имя гражданина ГК РФ называет в числе принадлежащих этому гражданину нематериальных благ, неотчуждаемых и непередаваемых иным способом (п. 1 ст. 150 ГК РФ).

Вместе с тем закон допускает использование имени гражданина иными лицами в их деятельности. Так, в соответствии с п. 4 ст. 19 ГК РФ, имя физического лица или его псевдоним могут быть использованы с согласия этого лица другими лицами в их творческой деятельности, предпринима-

тельской или иной экономической деятельности способами, исключающими введение в заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан, а также исключающими злоупотребление правом в других формах.

Как следует из подпункта 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ, возможно зарегистрировать товарный знак, тождественный имени известного в Российской Федерации на дату подачи заявки лица, если будет получено согласие этого лица или его наследника.

Практически такое согласие может быть дано безвозмездно, но чаще всего оно предоставляется на основании возмездного договора, при условии встречного, чаще всего – денежного – предоставления другой стороной. Таким образом, в отношении имени человека возникают имущественные отношения, характер которых законодатель прямо не определяет.

Признание возможности соглашений о предоставлении согласия на использование имени третьему лицу, особенно на возмездной основе, ставит вопрос о предмете заключаемого договора, его природе, а также о возможности цессии и отчуждения другому лицу как права на регистрацию товарного знака, так и исключительного права на сам товарный знак, включающий имя физического лица и т.д. Для их решения требовалось соотнести имя человека как личное неимущественное благо (по своей природе неотчуждаемое) и предусмотренную законом возможность использования имени в коммерческих целях, при согласии носителя имени, выдаваемого на основании возмездного договора.

По мнению ряда авторов, в данном случае право на имя (неимущественное по своей природе) «приобретает прямо предусмотренное законом имущественное содержание»¹³.

В отношении предмета соглашений, заключаемых для целей оформления согласия на использование имени гражданина в качестве товарного знака, разброс мнений так же достаточно широк. Так, Л.Ю. Михеева считает объектом сделки само имя как

¹⁰ Яценко Т.С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве// Вестник гражданского права», 2022, № 3. С. 118–144.

¹¹ Radin M.J. Contested Commodities: The Trouble with Trade in Sex, Children, Body Parts, and Other Things. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

¹² См. постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 мая 2020 г. по делу № А71-4896/2018.

¹³ Например: Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. М., 2019. С. 33.

нематериальное благо¹⁴. А.Е. Шерстобитов, разграничивая не отделимые от личности носителя личные блага и личные права, которые их охраняют, допускает использование последних в гражданском обороте¹⁵, таким образом, он признает право на имя имеющим определенное имущественное содержание.

В целом ряде публикаций право использования имени гражданина в товарном знаке, в доменном имени или в качестве псевдонима рассматривается как самостоятельное право.

Так, по мнению Е.А. Останиной, «предоставление права в результате согласия следует рассматривать как один из случаев производного приобретения»¹⁶. На основании принадлежащих гражданину личных нематериальных благ гражданин может «создать» право на использование имени, которое позволяет зарегистрировать товарный знак, включающий в себя имя физического лица, известного на день регистрации товарного знака в России или в мире¹⁷.

А.Г. Карапетов, комментируя положения п. 4 ст. 19 ГК РФ, отмечает, что право использования объекта первичного абсолютного права (права на имя, – прим. Л.А. Новоселовой) является производным абсолютным правом и дает обладателю производного права возможность собственных действий¹⁸.

Оба автора совпадают во мнении, а) говоря о возникновении по воле обладателя личного нематериального блага (в данном случае – права на имя) нового, имущественного по своему содержанию права – права на использование имени для определенных целей, и б) констатируя его производный характер. Такой подход позволяет утверждать, что «свобода, присущая праву на имя как личному нематериальному праву, сохраняется за обладателем имени полностью»¹⁹.

Эти выводы существенно отличаются от подхода, обосновывающего включение в оборот непосредственно самих благ²⁰, имеющих ценность для человека, различных аспектов его жизни, традиционно находящихся «вне оборота».

Предположение, основанное на выделении самостоятельного имущественного права, которое позволяет обеспечить имущественный интерес обладателя личного нематериального блага, представляется гораздо более взвешенным, чем попытка обосновать преобразование в товар различных аспектов человеческой жизни, включение в оборот самих благ либо поиск имущественного элемента в нематериальных правах.

Самостоятельный характер права на использование имени для определенных целей (в конкретном случае – для использования в товарном знаке) признает и судебная практика. В одном из судебных актов отмечалось: «Право гражданина на имя, под которым он приобретает и осуществляет права и обязанности, включает в себя, в частности, не только право иметь имя, но и права предоставлять свое имя для использования другими лицами в предпринимательской деятельности и запрещать другим лицам пользоваться тем же именем.

По смыслу указанных выше норм *право использования имени физического лица другим лицом в предпринимательской деятельности* является правомерным при соблюдении двух условий: получения согласия на использование имени соответствующим физическим лицом, а также непричинения вреда носителю имени другим использующим это имя лицом»²¹.

От того, как специалисты теоретически обосновывают возможность предоставления согласия, зависят их выводы в отношении возмож-

¹⁴ Михеева Л.Ю. Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права 2015 / Под ред. П.В. Крашенинникова. М. Статут, 2015. С. 160–161.

¹⁵ Гражданское право. Учебник: в 4-х томах. Т. 2. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные нематериальные права. Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. Переработанное и дополненное. М. Статут, 2019. С. 437 (автор главы – Е.А. Шерстобитов).

¹⁶ Останина Е.А. Право на использование имени как объект договора. Комментарий к определению судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22 марта 2022 г. № 43-КГ21-7-К6 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2023, № 1 С. 4–22.

¹⁷ Останина Е.А. Указ. соч.

¹⁸ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022. С. 154–156 (Автор комментария к ст. 307 – А.Г. Карапетов (п. 1.19 «Право использования объекта чужого абсолютного права»)).

¹⁹ Останина А.Е. Указ. Соч.

²⁰ Выше было уже процитировано мнение Т.С. Яценко, указывающей на превращение блага в товар.

²¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 мая 2020 г. по делу № А71-4896/2018.

ности перехода права на предоставление согласия в порядке наследования, о действии данного лицом согласия после его смерти, о возможности передачи (цессии) и залоге права на использование имени в товарном знаке или в доменном имени, о сроке действия этого права (правомочия) после смерти гражданина. Различным образом трактуется природа договоров о предоставлении согласия на использование имени.

Эти вопросы не являются надуманными, а возникают в конкретных ситуациях, являющихся объектом судебных дел. Например, в деле о товарном знаке «Калашников» одним из спорных вопросов являлся вопрос о сохранении обязанности платить за использование имени в товарном знаке после смерти его обладателя, поскольку, по мнению одной из сторон, право на имя в случае смерти носителя прекращается, что влечет прекращение обязанности платить за его использование. Суды, в свою очередь, сталкиваясь с расхождениями в доктрине и отсутствием законодательного решения, также расходятся в своих выводах при разрешении споров.

Поскольку нашей основной задачей является выявление проблем в регулировании отношений, связанных с фактическим коммерческим использованием отдельных элементов человеческой личности, традиционно охраняемых в качестве личных неимущественных прав и нематериальных благ; в рамках данной статьи нет смысла углубляться в полемику по всем названным выше вопросам.

Вместе с тем сказанное выше позволяет оценить существующие механизмы регулирования как неэффективные и не позволяющие разрешить проблемы использования голоса и шире – образа человека, на коммерческой основе. Они также не учитывают необходимость защиты имущественных интересов обладателей неимущественных благ в ситуациях, выходящих за пределы охраны с использованием конструкции исключительных прав.

В отсутствие законодательно закрепленных решений в российской литературе осторожно зву-

чат предположения о некотором сходстве между рассматриваемым нами праве и праве исключительном. Так, А.Е. Останина пишет: «Очень условно можно сравнить принадлежащие гражданину возможности коммерческого использования своего имени и принадлежащее автору исключительное право на произведение: и в том и в другом случае имеется нематериальный объект, и в том и в другом случае защита обосновывается трудом, вложенным правообладателем. Обоснованием защиты прав автора в свое время была идея поощрения за творческий труд, вложенный в произведение. Обоснованием защиты права на использование имени может быть труд (необязательно творческий, зато в ситуации с правом на использование имени – весьма долгий), вложенный во всю совокупность достижений, которыми гражданин запомнился современникам и потомкам»²². Шерстобитов А.Е. отмечает, что «допустимо использование имени физического лица или его псевдонима по договору между правообладателем и пользователем, построенному по модели лицензионного договора»²³. Использовать модель лицензионного договора в этих случаях предлагает и Л.Ю. Михеева²⁴.

От этих осторожных оговорок следует пойти дальше и признать, что исключительное право можно рассматривать как идеальную модель, обеспечивающую включение в оборот объектов, которые сами по себе неспособны к обращению по причине нематериального характера и тесной связи с личностью.

Личные неимущественные права и нематериальные блага, связанные с существованием и проявлениями человека как живого существа и субъекта отношений – право на изображение, право на голос, на образ, право на использование тела или его частей – неотделимы от личности и не могут являться объектами оборота, так же как и сами результаты творческой деятельности. Появление технических возможностей, позволяющих воспроизводить образ человека «отдельно» от личности, порождают необходимость созда-

²² Останина Е.А. Указ. соч.

²³ Гражданское право: Учебник: В 4 т. Т. 1: Общая часть / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 112 (Автор главы – А.Е. Шерстобитов).

²⁴ Михеева Л.Ю. Указ. соч.

ния конструкции, которая позволила бы включить в оборот производные от нематериальных благ имущественные права, без ущерба для содержания и объема прав личности. Таким уникальным механизмом, с нашей точки зрения, является конструкция исключительного права.

Исключительное право рассматривается в трудах российских цивилистов как абсолютное право на нематериальный объект²⁵, по сравнению с «абсолютным» правом для материальных вещей, в первое включен более широкий объем правомочий и средств защиты²⁶.

Один из основных идеологов современной системы регулирования интеллектуальных прав – В.А. Дозорцев – отмечал, что исключительное право как юридический механизм возникает в момент, когда появляется потребность в экономическом обороте результатов интеллектуальной собственности, а право собственности для таких операций не подходит²⁷. Иными словами, «возникновение рыночных отношений в новой сфере» влечет за собой создание «новой правовой системы для обслуживания этой сферы».

Акцентируя внимание на имущественном характере исключительного права, обеспечивающем товарный оборот результатов интеллектуальных прав, В.А. Дозорцев отмечает и вторую функцию исключительных прав – функцию по защите социальных интересов автора²⁸.

Проявления личности человека являются нематериальными объектами. Так же как и результаты творчества, они тесно связаны с личностью, и, как было отмечено ранее, само их включение в оборот невозможно. В связи с новыми техническими инструментами возникла возможность копировать голос, внешность и иные черты личности, и использовать их без участия самого человека.

Нельзя не увидеть здесь сходства с охраняемым смежным правом исполнением, ведь потребность охраны исполнения возникла только тогда, когда появилась техническая возможность фиксации звука, и исполнители фактически утратили контроль за созданным ими результатом.

Вместе с тем очевидно, что смежные права на исполнение и на фонограмму не охватывают всех ситуаций, где используются различные черты личности человека: далеко не всегда результат соответствуют критериям предоставления правовой охраны. Субъектом используемого блага потенциально может быть любой человек, в том числе не имеющий намерения создавать какие-либо произведения (например, просто говорящий по телефону, либо случайно сфотографированный).

Встречающиеся в литературе отдельные предположения, в частности, об аналогии между правом на использование имени и исключительным правом²⁹, показывают, что юридическая мысль движется к признанию сходства эти правовых конструкций.

Использование связанных с нематериальными благами выгод в коммерческих целях другими лицами может быть обеспечено с признанием абсолютного имущественного права – права использовать отдельные аспекты личности.

Право использовать определенные аспекты личности (имя, образ, отдельные черты образа) для извлечения дохода следует рассматривать как самостоятельное имущественное право, связанное с неимущественным благом и первоначально принадлежащим носителю самого блага. Данное право может быть реализовано посредством предоставления согласия на его использование другим лицам. Само личное благо при этом не ограничивается, и его носитель имеет возможность защищать его даже против лица, получившего со-

²⁵ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911., С. 367–368.

²⁶ Дозорцев В.А., Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исследовательский центр частного права. – М.: Статут, 2005.

²⁷ Дозорцев В.А. Указ. соч., С. 12–13, с. 112 и далее.

²⁸ Там же. С. 24.

²⁹ Яценко Т.С., Указ. соч.: «Аналогия здесь уместна потому, что, подобно имени, результат интеллектуальной деятельности неотчуждаем, но исключительное право на него может передаваться другим лицам по лицензионному договору» со ссылкой на то, что А.Е. Шерстобитов пишет: «такие личные неимущественные права являются оборотоспособными и могут выступать в качестве объекта своеобразных «лицензионных» соглашений» // Гражданское право: Учебник: В 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. С. 437

гласие, если он будет реализовывать полученное разрешение в ущерб носителю блага.

По существу, можно констатировать наличие самостоятельной категории имущественных прав, тесно связанных и основанных на обладании немущественными благами. Значение этой категории прав будет только увеличиваться.

Данная категория прав по своей природе очень близка к категории исключительного права.

Распространение правовой конструкции исключительного права на случаи коммерческого использования благ, связанных с личностью, позволяет разрешить большинство правовых коллизий, возникающих при использовании различных аспектов личности иными лицами. Наличие такого права, безусловно, требует согласия самого человека на использование всех черт его личности; срок действия права четко определяется в законе; объем правомочий, входящих в состав исключительного права по общему правилу, не ограничен, но может быть ограничен; договорные конструкции, обеспечивающие оборот (модель лицензирования), известны и отработаны. Кроме того, меры защиты и ответственности, присущие исключительному праву, вполне адекватны природе рассматриваемого права. При этом выделение такого права не умаляет и не прекращает личных немущественных прав, аналогично как при лицензировании не затрагивается личная сфера автора произведения.

Еще один плюс применения уже известной конструкции – в отсутствии необходимости создания еще одной системы правил, обеспечивающих включение в оборот связанных с личностью иму-

щественных благ. Система регулирования, выстроенная в расчете на включение в оборот творческих результатов, с незначительными изменениями способна работать в отношении использования голоса, изображения, образа в целом.

Но, как отмечают многие исследователи, исключительное право может быть основано только на законе³⁰, как отмечал В.А. Дозорцев, причем только на законе, который восполняет отсутствие «владения», возможное только в отношении физических объектов³¹. Следовательно, для устранения пробелов, связанных с регулированием отношений по использованию «технически отделимых» аспектов личности человека, в том числе включением в оборот синтезированных копий голоса, внешности, образа, можно предложить расширить в законе круг объектов, на которые может быть признано смежное исключительное право.

Введение в закон конструкции самостоятельного абсолютного имущественного права, включающего правомочия личности на самостоятельное использование принадлежащего ему блага и извлечение в допускаемых законом случаях из него дохода, а также запрет остальным участникам использовать это благо без согласия его обладателя, позволит устранить существующие пробелы и противоречия в правовой квалификации рассматриваемых отношений. Несомненно, наряду с этим необходимо решение множества задач, в частности, определение субъектов права, круга правомочий, возможные ограничения, сроки охраны и так далее, но эти задачи существенно упрощаются при выборе основной модели регулирования.

Список литературы:

1. *Radin M.J.* Contested Commodities: The Trouble with Trade in Sex, Children, Body Parts, and Other Things. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
2. *Radin M.J.* Market-Inalienability // *Harvard Law Review*. 1987. Vol. 100. № 8. P. 1849–1937.
3. Гражданское право: Учебник: В 4 т. Т. 1: Общая часть / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2019.
4. Гражданское право: Учебник: В 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные немущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2019.

³⁰ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) (под ред. А.Л. Маковского) // М., Статут, 2008.

³¹ Дозорцев В.А. Указ. Соч. С. 15.

5. *Дозорцев В.А.*, Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исследовательский центр частного права. – М.: Статут, 2005. 22. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) (под ред. А.Л. Маковского) // М., Статут, 2008.
6. Законопроект от 16 сентября 2024 г. № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (об охране голоса) внесенный сенаторами Российской Федерации А.А. Клишасом, А.Г. Шейкиным, Н.С. Кувшиновой, Р.В. Смашневым, депутатом Государственной Думы Д.В. Бессарабовым.
7. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022. С. 154–156 (автор комментария к ст. 307 – А.Г. Карапетов (п. 1.19 «Право использования объекта чужого абсолютного права»)).
8. *Малеина М.Н.* Защита личных неимущественных прав советских граждан. М., 1991.
9. *Михеева Л.Ю.* Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права 2015 / Под ред. П.В. Крашенинникова. М. Статут, 2015.
10. *Нансо М.Д.* Коммодификация как современный тип рациональности // Народное образование. 2020. N 3. С. 35.
11. *Останина Е.А.* Право на использование имени как объект договора. Комментарий к определению судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22 марта 2022 года № 43-КГ21-7-К6 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2023, № 1 С. 4–22.
12. Официальный отзыв № 2.3.3-11/1339 от 22 октября 2024 г. на проект федерального закона № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенный сенаторами Российской Федерации А.А. Клишасом, А.Г. Шейкиным, Н.С. Кувшиновой, Р.В. Смашневым, депутатом Государственной Думы Д.В. Бессарабовым.
13. *Савельев А.И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. 2021. № 4.
14. *Ульбашев А.Х.* Общее учение о личных правах. М., 2019.
15. *Фишман Л.Г.* Коммодификация как фактор морального и политического прогресса // Политика. 2019. № 2(93).
16. *Черепяхин Б.Б.* Правопреемство по советскому гражданскому праву // Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М., 2001.
17. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1911.
18. *Ярошенко К.Б.* Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных имущественных прав граждан. М., 1990.
19. *Яценко Т.С.* Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права», 2022, № 3.

Для цитирования:

Калятин В.О. О некоторых вопросах определения субъектного состава при создании результатов интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2026. Март. № 1 (51). С. 17–24.

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_2

For citation:

Kalyatin, V.O. On Certain Aspects of Defining the Subject of Intellectual Property Created with the Use of Artificial Intelligence // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2026. March. N 1 (51). Pp. 17–24. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_2

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_2

О некоторых вопросах определения субъектного состава при создании результатов интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта¹

**В.О. Калятин,**

кандидат юридических наук, доцент

профессор кафедры интеллектуальных прав

Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ,

доцент департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права

НИУ ВШЭ

Активное использование искусственного интеллекта приводит к усложнению субъектного состава лиц, участвующих в создании результата интеллектуальной деятельности и изменении их роли в создании такого объекта. В статье рассматривается, как меняется субъектный состав лиц, участвующих в создании такого объекта, какие проблемы возникают на практике и какие существуют направления для их решения. Это может выражаться в изменении подходов к критерию творчества, выработке модели общего права на созданный результат интеллектуальной деятельности и т.д., но пока только идет поиск оптимальных моделей.

Ключевые слова:

интеллектуальная собственность; авторское право; автор; творчество; работа редактора; искусственный интеллект; промпт

¹ Настоящее исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР – 1023032600016-0).

Одним из базовых вопросов в отношении формирования законодательства о создании законодательства, является установление круга лиц, участвующих в создании результатов интеллектуальной деятельности, их правовых взаимосвязей и правовых ролей каждого из участников процесса.

Традиционно в центре субъектов права на результат интеллектуальной деятельности в рамках континентальной системы стоял автор – человек, создавший объект своим творческим трудом. В настоящее время антропоцентричный подход к определению прав на результаты интеллектуальной деятельности ставит в центр системы субъектов такое лицо, как автор², который имеет первоначальные права и от которого исключительное право уже может перейти к его правопреемникам. Концепция, сформировавшаяся в эпоху романтизма, и предполагающая, что автор совершает нечто, недоступное простому человеку, в качестве основной задачи установления автора означала необходимость оценки его труда с целью отделить подлинно творческий труд от механической работы.

Решение этой задачи серьезно осложнилось в современном мире как в связи с увеличением числа лиц, участвующих в процессе создания результата интеллектуальной деятельности, так и с возрастанием значимости организационной составляющей. Так, можно говорить о появлении сложных систем совместного правообладания, развитии таких феноменов, как зависимое и фрагментарное правообладание и т.п.³

Усложняются и виды организационной деятельности. Так, в рамках привычной редакторской работы можно выделять техническое редактирование, редактирование-преобразование, редактирование-развитие⁴.

Особую роль приобретает деятельность лица, направляющего процесс создания результата интеллектуальной деятельности (продюсера).

Такое усложнение участия в процессе создания результатов интеллектуальной деятельности и размытие понятия творческой деятельности является объективным следствием развития форм создания таких объектов.

Однако качественный скачок в развитии системы субъектов – указанных лиц происходит при использовании искусственного интеллекта. Существенные изменения происходят в связи со следующими обстоятельствами:

– возрастает круг участников создания результата интеллектуальной деятельности;

– возрастает дифференциация участия таких лиц в создании результатов интеллектуальной деятельности, при этом их вклад становится разнотипным;

– во многих случаях уменьшается творческий вклад отдельных лиц, участвующих в создании такого результата интеллектуальной деятельности;

– происходит вытеснение человека из многих областей интеллектуальной деятельности, при этом меняется характер деятельности человека в оставшейся части.

Важно подчеркнуть, что общественная ценность создаваемых объектов сохраняется, а это означает необходимость обеспечить построение ясной и логически стройной системы участников процесса создания результата интеллектуальной деятельности (для того, чтобы на следующем этапе определить права на такие результаты с учетом характера и объема вклада каждого участника такого процесса).

Рассмотрение субъектного состава можно проводить в двух основных аспектах: в части определения творческого участия людей в создании соответствующих результатов интеллектуальной деятельности и в отношении оценки деятельности человека, содействующей созданию и использованию таких объектов.

² Автор, который, согласно п. 1 ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ»), определяется как «гражданин, творческим трудом которого создан такой результат».

³ См.: *Калятин В.О.* Проблемы определения системы правообладателей результатов интеллектуальной деятельности // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*, 2020, № 8. С. 35–48.

⁴ *Калятин В.О.* Проблемы редакторской доработки произведения В Сб. *Кадры и их влияние на развитие интеллектуальной собственности в России: сборник научных статей к 70-летию профессора И.А. Близнеца* /отв. ред. В.С. Витко. – Москва: Юрист, 2024. С. 270–292.

Кроме того, данный вопрос также может возникать в контексте разрешения вопроса о формировании модели закрепления прав на создаваемые результаты интеллектуальной деятельности, однако эта проблема уже носит самостоятельный характер.

Определение творческого участия людей в создании результатов интеллектуальной деятельности

Современное право интеллектуальной собственности базируется на таком положении, когда охраняемые результаты интеллектуальной деятельности создаются человеком при осуществлении им творческой деятельности. Примером такого подхода являются положения п. 3 ст. 1228 ГК РФ, который устанавливает, что «исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора».

В результате на первоначальном этапе реакции на внедрение искусственного интеллекта в сферу создания результатов интеллектуальной деятельности распространение получило разделение созданных объектов на созданные компьютером (*computer-generated works*) и созданные с помощью компьютера (*computer-assisted works*). При таком подходе само участие человека в создании результата интеллектуальной деятельности означало, что человек является автором, а компьютер используется исключительно как технический инструмент. В этом отношении искусственный интеллект «выступает более как инструмент, а не как машина, поскольку его функционирование связано с человеческой деятельностью»⁵.

При таком подходе отсутствует необходимость существенно изменять систему субъектов в сфере интеллектуальной собственности. В качестве примера осуществления этого под-

хода можно привести мнение, высказанное судом в деле *Haupt v Brewers Marketing Intelligence (Pty) Ltd*. Судья Верховного Апелляционного Суда ЮАР отметил, что «произведение квалифицируется в качестве созданного компьютером (*computer-generated*) только в том случае, если оно было создано при обстоятельствах, когда отсутствует человек – автор произведения. Если существует автор, являющийся человеком, то такое произведение должно быть квалифицировано в качестве произведения, созданного с помощью компьютера (*computer-assisted*), но не созданного компьютером (*computer-generated*)»⁶.

Проще всего этот подход реализуется в рамках англо-саксонской системы права, не требующей творческой деятельности человека для признания результата интеллектуальной деятельности охраноспособным. Так, закон Великобритании «Об авторском праве, дизайнах и патентах» определяет, что под машинным производением закон понимает «произведение, сгенерированное компьютером в условиях отсутствия автора-человека»⁷. В этой системе для признания лица автором было достаточно организационных усилий лица, в результате автором *computer-generated* произведений является лицо, «принявшее необходимые организационные меры для создания произведения»⁸.

Схожие формулировки использует и ирландский закон, ст. 2 (1) которого определяет «произведения, созданные компьютером» как «произведение, сгенерированное компьютером в условиях, при которых автором произведения не является физическое лицо», причем под «автором» закон понимает (ст. 21) «лицо, которое создает произведение», включая (f) «в случае произведения, сгенерированного компьютером, лицо, осуществившее необходимые организационные действия для создания произведения»⁹.

⁵ *Bakhteev D.V.*. Ethical-Legal Models of the Society Interactions with the Artificial Intelligence Technology // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. № 7 (2). С. 522.

⁶ *Haupt v Brewers Marketing Intelligence (Pty) Ltd* [2006] SCA 39 (RSA) [Электронный ресурс]. – <https://www.saflii.org/za/cases/ZASCA/2006/40.html> Дата обращения: 9 ноября 2025 г.

⁷ «“Computer-generated”, in relation to a work, means that the work is generated by computer in circumstances such that there is no human author of the work», Ст. 178 Copyright, Designs and Patents Act 1988.

⁸ Согласно ст. 9 (3), «In the case of a literary, dramatic, musical or artistic work which is computer-generated, the author shall be taken to be the person by whom the arrangements necessary for the creation of the work are undertaken».

⁹ <https://www.irishstatutebook.ie/eli/2000/act/28/enacted/en/print.html>. Дата обращения: 24 января 2026 г.

В рамках континентальной системы реализация такого подхода в полной мере была бы неэффективна, поскольку признание произведения, созданного компьютером без участия человека, сразу же выводило бы подобные объекты из сферы правовой охраны.

Однако это только первый этап законодательного осмысления проблемы. Дальнейшее развитие искусственного интеллекта и форм его использования показало, что искусственный интеллект уже является не только помощником, позволяющим отбирать материалы, осуществлять их предварительную подготовку и т.д., но берет на себя основную работу по созданию соответствующего результата интеллектуальной деятельности. Участие же человека в создании такого объекта может выражаться в самых разных формах, которые требуют учета правом.

В настоящее время делаются попытки провести различия между разными формами участия человека в создании объекта. Очевидно, что при всем многообразии творческой деятельности и сфер применения создаваемых результатов попытка описать каждую такую форму будет обречена на провал. Нужно искать определенные крупные группы. И подобные попытки уже есть.

Так, в законодательстве Сингапура различаются три формы участия человека в создании результата интеллектуальной деятельности с участием искусственного интеллекта:

– человек вне искусственного интеллекта (human-out-of-the-loop): для ИИ-инструментов, которые принимают решения без вовлечения человека (например, автоматизированные системы);

– человек над искусственным интеллектом (human-over-the-loop): для ИИ-инструментов, где пользователь играет роль контролера, способного взять на себя управление, когда система сталкива-

ется с непредвиденными ситуациями (например, при выборе маршрута в навигаторе);

– человек в искусственном интеллекте (human-in-the-loop): для ИИ-инструментов, где пользователь принимает решение на основе рекомендации машины¹⁰.

Здесь уже идет не о простой дихотомии «используется как инструмент/функционирует самостоятельно», а делается попытка определить ключевые моменты, влияющие на то, в какой мере искусственный интеллект «действует самостоятельно».

Такое разделение, безусловно, является важным шагом вперед, однако оно должно подкрепляться дифференциацией правового регулирования.

Важно заметить, что даже в Великобритании, где уже ранее, казалось бы, вопрос был разрешен (как рассмотрено выше), высказываются мнения о неясности закона в отношении применения критерия оригинальности, который традиционно связывается в судебной практике этой страны с деятельностью человека¹¹.

В настоящее время популярным направлением является поиск творческого вклада человека в создание соответствующего результата интеллектуальной деятельности. Такое участие может проявляться в разных формах: продумывание концепции объекта, формулирование задания искусственному интеллекту, запуск генераций, отбор, редактирование и интерпретация полученных вариантов и т.д. Эти действия могут дополнять и самостоятельное создание человеком отдельных частей объекта, объединяемых с фрагментами, создаваемыми искусственным интеллектом. Но такие действия могут быть малозначимы и не оказывать значительного влияния на созданное произведение, в таком случае вряд ли можно обосновать охрану произведения наличием указанного вклада человека.

¹⁰ Опыт Сингапура в ИИ-сфере и его применимость в России: рабочая тетрадь No 86 / 2024 / [М.М. Базлуцкая; Под ред. С.М. Гавриловой, А.Ю. Толстухиной, Д.О. Растегаева]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2024. С. 34.

¹¹ См.: Ответ на вопрос «Protecting works generated by AI» Ответ правительства на призыв высказать свое мнение об искусственном интеллекте и интеллектуальной собственности <https://www.gov.uk/government/consultations/artificial-intelligence-and-intellectual-property-call-for-views/government-response-to-call-for-views-on-artificial-intelligence-and-intellectual-property#ai-as-an-inventor> Дата обращения: 24 января 2026 г.

В этой связи возникает вопрос оценки ответственности вклада человека в создание объекта. Многообразие форм участия человека в создании объекта делает оценку этого обстоятельства достаточно субъективной. В известном деле, рассматривавшемся в Китае, суд признал охраноспособным текст статьи, сгенерированный программой Dreamwriter, на том основании, что «организация и подбор творческой команды в части ввода данных, настройки условий активации, выбора шаблонов и стиля основной части статьи представляют собой интеллектуальную деятельность, которая имеет непосредственную связь с конкретным выражением рассматриваемой статьи. Оформление статьи определялось индивидуальными решениями и выбором соответствующего персонала творческой команды истца, поэтому данная работа обладает определенной степенью оригинальности и относится к письменным произведениям, охраняемым Законом КНР об авторском праве»¹².

Одним из наиболее популярных вариантов является обоснование охраны объекта в связи с написанием «технического задания» искусственному интеллекту – промпта. Например, предлагалось «признать формулирование детального и подробного промпта творческим вкладом в создание произведения» и «исходить из презумпции наличия творческого вклада человека при формулировании промпта»¹³.

Однако очевидно, что содержание промпта и его характер будут различаться в каждом конкретном случае. Наряду со взглядом на промпт как универсальный механизм обоснования права на результат интеллектуальной деятельности существует и более скептический подход к ним, выраженный, например, Бюро по авторскому праву США. Оно признало, что сами по себе промпты не обеспечивают достаточного контроля человека за созданием произведения, это скорее опреде-

ленные пожелания пользователя при отсутствии возможности контроля процесса обработки запроса¹⁴.

Действительно, промпт не предопределяет создаваемый результат интеллектуальной деятельности и создаваемые по нему объекты могут серьезно различаться. Даже в случае прямого указания в промпте на необходимость включения или, наоборот, исключения из подготавливаемого результата определенных объектов, это не гарантирует полную реализацию этого указания.

В своих более ранних разъяснениях Бюро также отстаивало позицию, что при работе искусственного интеллекта на основании промпта «традиционные элементы авторства» определяются и выполняются технологией, а не пользователем-человеком, что означает невозможность получения охраны в рамках авторского права. В то же время отбор и упорядочение человеком созданных результатов может уже привести к возникновению охраноспособного произведения; в этих случаях авторское право будет защищать только аспекты работы, созданные человеком, которые «независимы» и «не влияют» на охраноспособность материала, созданного искусственным интеллектом¹⁵.

Здесь можно отметить выдвижение на первый план оценки контроля лицом процесса создания произведения. Это важный вопрос: должен ли человек обладать полным контролем над процессом создания объекта, для того чтобы претендовать на авторство? Можно заметить, что ответ даже для традиционного творчества в разных сферах человеческой деятельности будет различаться. Очевидно, что писатель полностью контролирует процесс создания произведения; в то же время при создании предметов, предполагающем химические и некоторые физические процессы, будет существовать неопределенность в получаемом результате (например, можно вспомнить керамику Врубеля).

¹² People's Court of Nanshan District, Shenzhen, Guangdong Province, (2019) Yue 0305 Min Chu No. 14010 Civil Judgment. November 24, 2019. Цит. по Zhou Bo. Artificial Intelligence and Copyright Protection --Judicial Practice in Chinese Courts https://www.wipo.int/export/sites/www/about-ip/en/artificial_intelligence/conversation_ip_ai/pdf/ms_china_1_en.pdf Дата обращения: 24 января 2026 г.

¹³ Артемова А.Н. Авторское право в эпоху нейросетей // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 3. С. 47–53.

¹⁴ Copyright and Artificial Intelligence Part 2: Copyrightability. January 2025. <https://www.copyright.gov/ai/Copyright-and-Artificial-Intelligence-Part-2-Copyrightability-Report.pdf> P. 18.

¹⁵ <https://www.federalregister.gov/documents/2023/03/16/2023-05321/copyright-registration-guidance-works-containing-material-generated-by-artificial-intelligence#footnote-27-p16192> Дата обращения: 9 ноября 2025 г.

Следовательно, отсутствие полного контроля за созданием объекта не лишает лица возможности считаться автором.

С другой стороны, полный контроль над процессом сам по себе еще не означает творческого характера деятельности человека.

Интересный вариант определения вклада человека в создание произведения был предложен в мае 2024 г. в Японии Правовым подкомитетом Совета по культуре в своде руководящих принципов «Общее понимание вопросов ИИ и авторского права в Японии». В этом документе было указано, что при определении охраноспособности контента могут учитываться следующие факторы: 1) количество и характер инструкций и входных запросов, направленных пользователем; 2) количество попыток генерации; 3) отбор пользователем материалов из нескольких вариантов на выходе; 4) любые последующие дополнения и исправления, внесенные человеком в работу, созданную с помощью искусственного интеллекта¹⁶.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что ввиду многообразия форм участия человека в создании результата интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта попытки выделить фиксированные роли человека, обеспечивающие признание наличия творческого вклада, не могут привести к успеху. Оценке должна подвергаться деятельность человека в рамках создания этого объекта в целом, и только базируясь на такой комплексной оценке, можно определить величину творческого вклада человека и установить охраноспособность объекта.

В то же время возможна доктринальная выработка типовых ситуаций взаимодействия человека и искусственного интеллекта, которая будет использоваться в качестве базового ориентира для судебной практики, правообладателей и пользователей.

Гораздо более важной и сложной задачей является выработка концепции изменения критерия творчества в сфере использования искусственного интеллекта. Очевидно, что смена характера деятельности человека влечет и необходимость изменения подходов к ее оценке, поскольку упор исключительно на творческом характере деятельности человека будет означать исключение многих объектов из сферы правовой охраны. Это означает, что критерий творчества в своей содержательной части может быть скорректирован применительно к объектам, созданным с использованием искусственного интеллекта. Такой подход не будет означать какое-то ущемление «творчества» человека, но лишь объективное изменение роли человека в создании произведения.

Еще одной проблемой является объединение разнотипных вкладов участников процесса в плане выработки общего права на созданный результат интеллектуальной деятельности – по сути преодоление явления многосубъектности¹⁷. Множественность субъектов с разнохарактерными вкладами осложняет распоряжение правами на созданный, его использование и защиту. Следовательно, законодательство должно предусмотреть механизм, позволяющий упростить принятие решений в отношении подобных объектов несмотря на большой круг лиц, участвовавших в его создании.

В качестве возможного варианта иногда рассматривается создание концепции «электронного лица» применительно к искусственному интеллекту в отдельности или в качестве дополнения к вкладу человека¹⁸. Однако в целом эта идея не вызвала поддержки как в связи со сложностью реализации, так и неясностью самой концепции.

В этой связи возможным представляется рассмотрение вопроса о включении в список сложных объектов результатов интеллектуальной деятельности, в которых основную роль сыграл

¹⁶ General Understanding on AI and Copyright in Japan. Overview. // https://www.bunka.go.jp/english/policy/copyright/pdf/94055801_01.pdf P. 17. Дата обращения: 1 ноября 2025 г.

¹⁷ Гринь Е.С., Богданова Е.Е. Славин О.А. и др. Интеллектуальные права в сфере технологий виртуальной и дополненной реальности. М.: Проспект. 2021. С. 21.

¹⁸ Морхат Л.М. Концепт гибридного авторства (юнит искусственного интеллекта как соавтор человека в создании результатов интеллектуальной деятельности) // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 3 (44). С. 295. Muzyka K. The Outline of Personhood Law Regarding Artificial Intelligences and Emulated Human Entities // Journal of Artificial General Intelligence. 2013. Vol. 4. № 3. P. 165.

искусственный интеллект. В качестве ориентира для выстраивания модели регулирования таких объектов могут быть взяты базы данных. Однако это требует обсуждения, в том числе и в части установления, в какой мере и какой форме искусственный интеллект должен использоваться в создании этого объекта. В любом случае является достаточно спорным, что продукт, созданный искусственным интеллектом, всегда будет иметь сложный состав в той степени, в какой было обоснованным включение их в эту категорию.

Оценка деятельности человека, содействующей созданию и использованию интеллектуальной собственности

Как было отмечено выше, при использовании искусственного интеллекта часто уменьшается творческий вклад отдельных лиц, участвующих в создании результата интеллектуальной деятельности. При этом, однако, возрастает роль людей, содействующих созданию и использованию таких объектов. Отражая эту тенденцию, современное законодательство все большее внимание уделяет таким лицам.

Если в Законе Великобритании «Об авторском праве, дизайнах и патентах», впервые закрепившем право на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, речь шла только о лицах, организовавших использование искусственного интеллекта, то сейчас перечень лиц, упоминаемых в законе в связи с созданием таких объектов, существенно вырос.

Так, например, в Регламенте ЕС об искусственном интеллекте указываются разработчик (“provider”) – лицо или организация, которые разрабатывают или вводят ИИ-систему на рынок под своим именем или товарным знаком; пользователь, внедряющий ИИ (“deployer”) – тот, кто применяет систему в своей профессиональной деятельности; импортер (“importer”) – лицо, которое ввозит систему ИИ на рынок ЕС; дистрибьютер (“distributor”) – лицо, которое делает систему доступной на рынке, не будучи разработчиком или импортером¹⁹.

Модельный закон СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» в ст. 2 вводит понятия оператора системы с использованием технологий искусственного интеллекта (субъект, осуществляющий деятельность по эксплуатации системы с использованием технологий искусственного интеллекта), пользователя технологии искусственного интеллекта (субъект, использующий технологию искусственного интеллекта и (или) систему с использованием технологий искусственного интеллекта для решения стоящих перед ним задач или выполнения определенных функций), производителя технологий искусственного интеллекта (субъект, который в установленном законодательством порядке занимается производством технологий искусственного интеллекта и (или) систем с использованием технологий искусственного интеллекта), разработчика технологий искусственного интеллекта (субъект, который в установленном законодательством порядке занимается разработкой технологий искусственного интеллекта и (или) систем с использованием технологий искусственного интеллекта), собственника технологий искусственного интеллекта (субъект, на имя которого зарегистрированы технологии искусственного интеллекта и (или) системы с использованием технологий искусственного интеллекта).

В Законе Республики Казахстана «Об искусственном интеллекте», принятом в ноябре 2025 г., содержится специальное регулирование изготовителя библиотеки данных, оператора национальной платформы искусственного интеллекта, собственников и владельцев систем искусственного интеллекта, пользователей²⁰.

Рассматривая тексты указанных документов, можно заметить, что в значительной мере содержание соответствующих норм направлено на обеспечение коммерческого использования систем искусственного интеллекта и установление ответственности соответствующих лиц за используемые им механизмы искусственного интеллекта, но очень мало учитывает роль этих лиц в создании результатов интеллектуальной деятельности.

¹⁹ Статья 2 Регламента об ИИ.

²⁰ https://prg.kz/document/?doc_id=34207749&pos=98;321. Дата обращения: 24 января 2026 г.

Так, можно заметить попытки провести аналогию с объектами вещных прав, говоря про собственников и владельцев соответствующих систем, импорт объектов и т.д. Фактически это приводит к созданию своеобразного «гибридного» объекта, одновременно отождествляемого с разными правовыми режимами и последствиями их применения. Подобный подход и применение вещно-правовой терминологии к технологиям искусственного интеллекта приведет к существенному усложнению правоприменительной деятельности и смешению различных отраслей по вопросам регулирования искусственного интеллекта.

В то же время важным является учет влияния участников процесса создания и использования искусственного интеллекта на создаваемые результаты интеллектуальной деятельности. Представляется, что ключевой точкой возникновения прав и обязанностей подобных субъектов применительно к создаваемым результатам интеллектуальной деятельности должно быть взятие на

себя «инициативы и ответственности» за их создание (по аналогии с правом на фонограмму – см. ст. 1322 ГК РФ). Очевидно, что наиболее часто взятие на себя такой ответственности будет осуществляться лицом, организовавшим использование соответствующей системы искусственного интеллекта, однако в конкретной ситуации это может быть осуществлено и другими лицами. Функциональный подход позволит избежать необходимости выстраивания сложной системы взаимоотношений лиц, участвующих в создании искусственного интеллекта в части установления правового контроля за создаваемыми объектами.

Таким образом определение в законе круга лиц, содействующих созданию произведения, в рассматриваемом контексте важно как для корректного выстраивания имущественных прав на создаваемый объект и эффективного регулирования отношений участников процесса, так и для распределения ответственности, обеспечивающего защиту интересов таких лиц, и общества в целом.

Список литературы:

1. *Bakhteev D.V.*. Ethical-Legal Models of the Society Interactions with the Artificial Intelligence Technology // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. № 7 (2). С. 520–539.
2. Copyright and Artificial Intelligence Part 2: Copyrightability. January 2025. <https://www.copyright.gov/ai/Copyright-and-Artificial-Intelligence-Part-2-Copyrightability-Report.pdf>
3. *Музыка К.* The Outline of Personhood Law Regarding Artificial Intelligences and Emulated Human Entities // *Journal of Artificial General Intelligence*. 2013. Vol. 4. № 3. P. 164–169.
4. *Артемова А.Н.* Авторское право в эпоху нейросетей // *ИС. Авторское право и смежные права*. 2024. № 3. С. 47–53.
5. *Гринь Е.С., Богданова Е.Е. Славин О.А.* и др. Интеллектуальные права в сфере технологий виртуальной и дополненной реальности. М.: Проспект. 2021.
6. *Калятин В.О.* Проблемы определения системы правообладателей результатов интеллектуальной деятельности // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*, 2020, № 8. С. 35–48.
7. *Калятин В.О.* Проблемы редакторской доработки произведения В Сб. *Кадры и их влияние на развитие интеллектуальной собственности в России: сборник научных статей к 70-летию профессора И.А. Близнаца* / Отв. ред. В.С. Витко. – Москва: Юрист, 2024. С. 270–292.
8. *Морхат П.М.* Концепт гибридного авторства (юнит искусственного интеллекта как соавтор человека в создании результатов интеллектуальной деятельности) // *Бизнес. Образование. Право*. 2018. № 3 (44). С. 292–296.
9. Опыт Сингапура в ИИ-сфере и его применимость в России: рабочая тетрадь No 86 / 2024 / [М.М. Базлуцкая; под ред. С.М. Гавриловой, А.Ю. Толстухиной, Д.О. Растегаева]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2024.

Для цитирования:

Рожкова М.А. Дипфейки в контексте права интеллектуальной собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2026. Март. № 1 (51). С. 25–34.

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_3

For citation:

Rozhkova, M.A. Deepfakes in the Context of Intellectual Property Law // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2026. March. N 1 (51). Pp. 25–34. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_3

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_3

Дипфейки в контексте права интеллектуальной собственности

**М.А. Рожкова,**

президент IP CLUB, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доктор юридических наук

В статье рассматривается феномен дипфейков в сопоставлении с более широким понятием фейков и проводится комплексный анализ их правовой природы. Автор последовательно разграничивает технологию дипфейка и создаваемый с ее помощью результат, выявляя их различную юридическую значимость. Обосновывается, что дипфейк как недостоверная информация, распространяемая под видом достоверной, затрагивает прежде всего сферу нематериальных благ и требует правового регулирования, отличного от регулирования обычных фейков.

Особое внимание уделено анализу применимости законодательства об интеллектуальной собственности к произведениям, преобразованным с помощью технологий дипфейка, и дипфейковым ИИ-генерациям. На основе судебной практики демонстрируется, что преобразование охраняемого произведения с использованием технологии дипфейка не лишает его статуса объекта авторских прав. Одновременно подчеркивается принципиальная неохраноспособность ИИ-генераций как результатов автоматизированного процесса, что исключает их включение в сферу авторского права и предполагает квалификацию через категорию информационного продукта.

Ключевые слова:

дипфейк; фейк; генеративный искусственный интеллект; ИИ-генерации; авторское право; нематериальные блага; изображение гражданина; недостоверная информация; информационный продукт; синтетический контент; интеллектуальные права; технологии дипфейка

1. Для четкого определения правовой природы дипфейка необходимо прежде всего соотнести его с созвучным понятием «фейк» (fake), который переводится с английского как «подделка», «фальшивка». Данный англицизм настолько прочно вошел в современный русский язык, что сегодня обычно употребляется в англоязычном варианте без перевода. При этом в юридических публикациях нередко подчеркивается, что *фейк напрямую связан с ложной или вводящей в заблуждение информацией, которая целенаправленно выдается за реальную*¹.

В то же время в юридической литературе встречаются чрезмерно пространные определения понятия «фейк». Например, он определяется как «любая ложная информация и, поддельные объекты, произведения, создаваемые с целью извлечения выгоды или побуждения к определенному виду деятельности»². Причем его содержание раскрывается крайне широко: «любые непроверенные или заведомо ложные сведения о чем-то... это создание фальшивых различных объектов, в том числе и произведений искусства, литературы, а также подделка брендовой одежды, техники... этим термином можно обозначать и поддельные монеты, купюры, документы и иные охраняемые законодательством от подделки объекты»³.

Подобное толкование представляется неверным, поскольку включает в себя явления, не относящиеся к теме фейков, и фактически подменяет уже устоявшиеся правовые категории – такие как «контрафакт» (в сфере права интеллектуальной собственности), «подделка» (в рамках уголовного права) и др. По сути, оно воспроизводит обыденное, бытовое понимание фейка, что приводит к размыванию его юридического смысла.

На мой взгляд, для целей права англоязычное слово «фейк» должно пониматься значительно уже – как **недостоверная информация, распространяемая под видом достоверной**. При этом понятием «недостоверная информация» охватываются различные ее виды: *заведомо ложная* (противоречащая реальным событиям и документам,

не подтверждаемая доказательствами), *искаженная* (когда события, объекты, явления специально представляются в неверном свете для создания ошибочного впечатления; представляющая собой фабрикацию), *полуправдивая* (содержащую достоверные данные, но подаваемые с манипулированием количеством или качеством информации).

Фейковым (содержащим недостоверную информацию, но при этом правдиво выглядящим) может быть, в частности, текст, фотография, аудио- или видеозапись. Причем совсем необязательно, чтобы их изготовление осуществлялось с помощью технологий ИИ, – фейк может быть создан и без применения новейших цифровых средств. Так, он может быть произведен, например, путем монтажа видеоклипов в видеозаписи, посредством вырывания фразы из контекста, размещения нового описания под старыми фотографиями, через фальсификацию аудиозаписи. То есть метод создания для фейков вторичен – определяющим для него является *факт представления (распространения) недостоверной информации под видом достоверной*.

Резюмируя, можно утверждать, что англоязычный термин «фейк» представляет собой, по сути, *собирательное понятие*, используемое для обозначения различных видов недостоверной информации, которая распространена под видом достоверной.

Вследствие этого только одобрения заслуживает то обстоятельство, что в российское законодательство упомянутый англицизм включен не был – вместо него обоснованно употребляется выражение «недостоверная информация». В частности, положения, регулирующие пресечение распространения «недостоверной общественно значимой новостной информации под видом достоверных сообщений» были введены Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 208-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

¹ См., например: Как распознать фейковые новости // URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/how-to-identify-fake-news?>

² Головкин Р.Б., Ходырев А.В. «Фейк» как один из факторов риска в праве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 143.

³ Там же. С. 142–143.

В то же время недостоверная информация может распространяться не только в форме новостей, нарушающих публичные (общественные) интересы, – она может затрагивать и частную сферу конкретных граждан, вторгаясь в нее в виде «порочащих сведений». В таких случаях подлежат применению нормы ст. 152 ГК РФ (об охране чести, достоинстве и деловой репутации), а при наличии соответствующего состава – и, в частности, положения уголовного законодательства (например, о клевете (ст. 128.1 УК РФ)).

Примечательно, что применительно к фейкам у большинства юристов не возникал вопрос о допустимости их отнесения к числу объектов интеллектуальных прав. Правовая оценка фейка строится на анализе того, имело ли место распространение ложных сведений, причинили ли они материальный ущерб, не нарушают ли охраняемые законом интересы граждан, не нанесли ли они последним моральный вред и проч.

Почему же такой вопрос возник применительно к дипфейкам?

2. В русскоязычных публикациях и выступлениях часто отмечается, что само слово «дипфейк» (deepfake) составлено из англоязычных «deep learning», которое принято переводить как «глубокое обучение», и «fake». Иногда даже при формулировании дефиниции на это обращается специальное внимание. Например, в одной из работ дипфейк был определен как «преднамеренно искаженные аудио, видео или иные файлы с использованием технологии глубокого обучения (определение производное от словосочетания «deep learning» – глубокое обучение, «fake» – подделка), которые изображают что-то вымышленное или ложное, что позволяет злоумышленникам использовать новый и сложный инструмент социальной инженерии»⁴.

Между тем появление самого термина «дипфейк» связано не с концептуальным сочетанием «глубокого обучения» и «подделки», а с конкретным жизненным случаем. В 2017 г. на платформе Reddit было опубликовано нескольких порнографических видеороликов, в которых лица реальных участников были заменены изображениями знаменитостей. Эти материалы были размещены анонимным пользователем с ником DeepFakes, и именно его никнейм впоследствии стал использоваться в качестве названия нового явления. Как отмечает В.О. Калятин, в действительности данный пользователь применял не собственно технологию дипфейка в современном его понимании, а метод face-swap (замены лиц)⁵.

В связи с этим важно отметить, что на заре своего появления создание дипфейков характеризовалось как довольно сложный и ресурсоемкий процесс: требовалось иметь доступ к значительным вычислительным мощностям и обладать специальными знаниями в области машинного обучения, позволяющими обучать нейросеть под конкретную задачу создания поддельного объекта. Это делало процесс доступным преимущественно профессионалам.

Сегодня ситуация существенно изменилась. Стремительное развитие генеративного ИИ привело к появлению множества **генераторов** – приложений и сервисов, способных за считанные секунды создавать разнообразные изображения, тексты и видеоролики, крайне схожие с результатами человеческого творчества. Используемый в таких приложениях и сервисах генеративный ИИ *позволяет обычному пользователю, не обладающему навыками программирования, без труда получать так называемый «синтетический контент» – текст, изображения, музыку, видео и прочие объекты, которые нередко схожи с авторскими произведениями, создаваемыми человеком*⁶ (далее

⁴ *Игнатенков Г.К.* Технология дипфейк как угроза информационной безопасности // Наука. Исследования. Практика: сб. ст. по материалам Международной научной конференции, СПб., 25 июня 2022 г. СПб.: Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2022. С. 74. См. также, например: *Добробаба М.Б.* Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 113.

⁵ *Калятин В.О.* Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? // Закон. 2022. № 7. С. 87.

⁶ *Рожкова М.А.* ИИ-генерации, плагиат и «самоплагиат» в контексте авторского права [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2025. 4 декабря. (URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/4/ii-generacii_plagiat_i_samoplgiat_v_kontekste_avtorskogo_prava); *Рожкова М.А.* Фейк и дипфейк – соотношение понятий [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2025. 9 декабря. (URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/9/fejki_i_dipfejki_sootnoshenie_ponyatij).

для обозначения «синтетического контента» будет использоваться слово «ИИ-генерация»).

Появление приложений и сервисов, специально предназначенных для создания контента с «подменой личности», позволяет практически любому пользователю создавать **дипфейковые ИИ-генерации**. Для этого заинтересованному лицу обычно достаточно загрузить в такое приложение или сервис исходный видеофайл, а также файл изображения лица для замены, чтобы получить результат их синтеза уже через несколько секунд. Причем результат генерации почти не зависит от пользователя – сами технологии очень быстро эволюционируют, вследствие чего дипфейковые ИИ-генерации почти не отличимы от реальных изображений или аудиозаписей, а их выявление требует применения специальных программ распознавания.

Таким образом, изготовление дипфейков сегодня, по сути, стало доступно каждому – посредством использования современных цифровых инструментов можно создавать имитации изображения или звучания голоса конкретного человека с такой степенью реалистичности, что они воспринимаются как аутентичные. Это обстоятельство позволяет сделать акцент на отличительной черте дипфейка, выделяющей его из прочих разновидностей фейков: *его создание предполагает применение цифровых технологий, обеспечивающих правдоподобную имитацию человека*.

3. Широкое употребление слова «дипфейк» в различных по тематике публикациях заставляет в целях настоящей работы заострить внимание на обязательности четкого разграничения двух самостоятельных явлений, обозначаемых одним и тем же термином «дипфейк».

Анализ литературы показывает, что данным термином обозначают как **саму технологию**, которая на основе применения цифровых инструментов обеспечивает синтез аудио- и визуального контента, внешне не отличимых от реальных фотографий либо видео- и аудиозаписей, так

и **конечный продукт** (применения технологии) в виде модифицированного изображения, аудио или видео, имитирующих образ реального человека. Очевидно, что эти два явления принципиально различны как в техническом, так и в правовом ключе.

Дипфейк как технология в публикациях обычно характеризуется как основанная на архитектуре генеративно-сопоставительных сетей (англ. Generative Adversarial Networks, GAN), включающих два взаимосвязанных компонента: *генератор*, который создает ИИ-генерации – синтетические видео-, аудио или изображения, и *дискриминатор*, который оценивает реалистичность созданной ИИ-генерации, ее сходство / различия с реальным контентом⁷. Их алгоритмы работают в тандеме, обеспечивая создание имитаций внешности, голоса и поведенческих особенностей реального человека с высокой степенью правдоподобия.

Однако, как уже указывалось, создание дипфейка возможно не только с использованием технологии дипфейка, *но и на базе других цифровых инструментов и технологий*. Среди них, например, упоминавшаяся технология замены лиц (face swaps), «кукловодства» (puppeteering), синхронизации движений губ (lip-syncing), клонирования голоса (voice cloning), «дорисовывания» изображения (inpainting) и другие методы⁸. В связи с этим использование словосочетания «технология дипфейка» неизбежно носит условный характер: **в юридическом смысле принципиально не имеет, какой именно технологический подход был применен для создания внешне правдоподобного, но фактически недостоверного изображения, видеоролика или аудиозаписи**.

В то же время надо признать, что сами по себе технологии, обеспечивающие создание дипфейков, юридически нейтральны. Они представляют собой лишь инструмент обработки данных и не образуют правонарушений по факту своего существования или использования вне вредоносного контента. Этот вывод находит подтверждение

⁷ Асеева Н., Гузий В. Дипфейк – технология для творчества, лишаящая уверенности в подлинности [Электронный ресурс] // Российская газета. 01.12.2021 (URL: <https://neurotoday.ru/journal/tehnologiya-dipfeyk>).

⁸ См., например: *Игнатъев А.Г., Курбатова Т.А. Аналитический обзор «Дипфейки в цифровом пространстве: основные международные подходы к исследованию и регулированию»*. М., 2023. С. 16–17.

в литературе: «Сам по себе синтез изображений, видео или аудио при применении дипфейк-технологий может не иметь социально опасных целей и не затрагивать права других граждан, более того их польза очевидна в кино, искусстве, рекламе. Так, в киноиндустрии с помощью дипфейк-технологий можно искусственно омолодить или составить актеров, придать дублерам большее сходство с актерами, синхронизировать движения губ при дубляже перевода или даже доснять фильм с изображением внезапно умершего или переставшего участвовать в съемках актера»⁹.

Таким образом, отсутствуют основания криминализировать саму технологию, позволяющую создавать дипфейки. Она может использоваться в общественно-полезной и полностью правомерной деятельности (не только в искусстве, но также, например, в обучении, медицинских разработках). Аналогичным образом фотографическая технология сама по себе не противоправна, тогда как изготовленные ее посредством фотоснимки в случаях их злонамеренного использования способны стать инструментом нарушения частной жизни граждан.

Дипфейк как конечный продукт (результат) применения технологий синтеза аудио- и визуального контента сегодня в большинстве случаев производится в форме дипфейковых ИИ-генераций. Их отличительной особенностью является то, что они обычно имитируют конкретное лицо, вследствие чего способны затрагивать его субъективные права и законные интересы. Причем правонарушение может возникнуть даже при отсутствии злого умысла со стороны создателя и распространителя дипфейковой ИИ-генерации.

Вследствие этого правовой анализ должен быть сосредоточен прежде всего на конечном продукте (результате) применения технологий – собственно дипфейке, поскольку именно он, а не технология может выступить инструментом правонарушения. Нарушение, совершенное с использованием дипфейка, требует не только оперативного пресечения, но и применения мер ответственности к правонарушителю. И здесь надо признать, что существующие правовые механизмы отчасти

обеспечивают защиту нарушенных прав, но в ряде случаев их возможностей оказывается недостаточно. Это подтверждает обоснованность выводов о необходимости разработки специального правового регулирования, ориентированного на противодействие дипфейкам-правонарушениям.

4. Подводя промежуточные итоги, следует признать, что **дипфейк**, будучи одной из разновидностей фейка, представляет собой **недостоверную информацию, распространяемую под видом достоверной**. Но изложенное выше позволяет обозначить его особенности, выделяющие среди иных форм фейков.

Во-первых, ключевой характеристикой дипфейка выступает его направленность на *имитацию индивидуальных признаков конкретного человека* – внешности, голоса, индивидуальных черт, манеры поведения (причем необязательно в негативном ключе). Подобное воспроизведение личной идентичности даже в нейтральной или юмористической форме, неизбежно вторгается в сферу нематериальных благ человека. Это формирует самостоятельную правовую проблематику дипфейков, отличную от вопросов, традиционно связанных с обычными фейками.

Во-вторых, специфика дипфейка обусловлена *обязательным применением современных цифровых технологий*, включая технологии генеративно-го ИИ. Предлагаемые ими инструменты позволяют моделировать изображение внешности или звучание записи голоса таким образом, что конечный продукт становится максимально реалистичным и воспринимается как подлинный, достоверный. В отличие от обычных фейков, которые, как указывалось выше, нередко «изготавливаются вручную», создание дипфейка предполагает использование современного технологического инструментария, хотя и необязательно специализированных технологий дипфейка в узком смысле.

Обозначенные особенности дипфейков определяют несколько иную отраслевую принадлежность законодательства, подлежащего применению, по сравнению с фейками. Если ответственность за распространение фейков связана

⁹ Дობробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 113.

преимущественно с введением в заблуждение и причинением ущерба публичным интересам, то ответственность за дипфейк обусловлена главным образом незаконным использованием образа личности. Даже нейтральная, не дискредитирующая имитация внешности или голоса конкретного человека, созданная без его согласия и позволяющая его идентифицировать, представляет собой вмешательство в сферу его нематериальных благ и поэтому является противоправной.

В российском праве уже существуют правовые инструменты, позволяющие защититься от правонарушений, совершаемым посредством дипфейков, включая дипфейковые ИИ-генерации.

Так, в соответствии со ст. 152.1 ГК РФ использование **изображения гражданина** допускается только с его согласия, за исключением прямо установленных законом случаев. Поскольку дипфейк опирается на использование изображения, позволяющего идентифицировать конкретное лицо, его создание и (тем более) распространение требуют согласия изображаемого лица, даже если дипфейк не нацелен на дискредитацию этого лица и носит нейтральный или юмористический характер. Дипфейк, созданный и распространяемый без согласия гражданина, подлежит удалению по его требованию.

Те же подходы должны применяться и к **записям голоса**, которые прямо не поименованы в законодательстве в качестве охраняемого объекта, но, строго говоря, не особо нуждаются в специальных нормах¹⁰. Это связано с тем, что перечень нематериальных благ является открытым (ст. 150 ГК РФ), а положения ст. 152.1 ГК РФ могут распространяться и на записи голоса в порядке аналогии закона (ст. 6 ГК РФ).

Если дипфейк содержит *порочащие сведения о человеке, изображает его в аморальных ситуациях, дискредитирует в профессиональной сфере, унижает его честь, достоинство или репутацию или иным образом формирует ложное представление о нем, негативно влияющее на общественную оценку*, применению подлежит уже другое законодательство. Это прежде всего нормы ст. 152 ГК РФ **об охране чести, достоинства и деловой репутации**. Кроме того, в зависимости от содержания дипфейка и способа его использования он может образовывать состав административных или уголовных правонарушений: **клеветы** (ст. 128.1 УК РФ), **оскорбления** (ст. 5.61 КоАП РФ), **мошенничества** (ст. 159 УК РФ), совершенного посредством имитации голоса или видеосвязи. Разрабатывается и специальное законодательство, направленное на противодействие «подмене личности» и предусматривающее уголовное наказание за такого рода преступления¹¹. Это связано с тем, что в отдельных случаях правонарушения, совершаемые посредством распространения дипфейков, не всегда удается квалифицировать в рамках действующего уголовного законодательства¹².

Таким образом, феномен дипфейков требует многоуровневой правовой оценки, охватывающей как защиту нематериальных благ личности, так и иные частные и публичные интересы.

5. Юристы нередко поднимают вопрос о применимости **законодательства об интеллектуальной собственности** к дипфейкам.

Иногда подобные рассуждения строятся на ошибочном предположении, что использование голоса, внешности, образа конкретного человека (в том числе актера) само по себе может рас-

¹⁰ Надо признать, что законопроект, внесенный в Госдуму в 2024 г. и предполагающий дополнить ГК РФ новой ст. 152.3 для установления охраны голоса как объекта личных неимущественных прав гражданина по аналогии с изображением гражданина (речь о законопроекте № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации (об охране голоса)» (URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8>), было сложно поддержать в изначально представленной редакции. Это связано с тем, что в законопроекте четко не разграничиваются понятия «голос» и «запись голоса», тогда как различать физиологические особенности человека (голос, внешность, черты лица) и результаты их технической фиксации (запись голоса, изображение гражданина) необходимо во избежание противоречий в правовом регулировании.

¹¹ Речь о законопроекте № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности)» (URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8>).

¹² См., например: *Капитонова Е. А.* Шантаж «нюдсами» и смежные деяния: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2021. № 6. С. 19–27.

смаиваться как нарушение авторских прав¹³. Однако такое предположение не соотносится с предметом авторского права: индивидуальные признаки личности не могут расцениваться как «результаты творческой деятельности» и, следовательно, не могут выступать объектами авторско-правовой охраны.

В то же время гораздо чаще обсуждение ведется в ином ключе – о допустимости квалификации дипфейков в качестве объектов авторских прав¹⁴.

В русле таких обсуждений обычно упоминается известное дело № А40-200471/2023¹⁵, в рамках которого компания–правообладатель видеоролика, предъявила к другой компании иск о незаконном использовании данного ролика в рекламных целях. Ответчик, оправдывая несогласованное использование спорного видеоролика, ссылался на тот факт, что данный объект был создан с применением технологии дипфейка: изображение снявшегося в ролике актера было заменено на образ Киану Ривза. По мнению ответчика, такое преобразование исключало возможность признания видеоролика объектом авторских прав.

По результатам рассмотрения дела суд первой инстанции признал, что спорный видеоролик выступает результатом творческой деятельности нескольких лиц – сценариста, оператора-постановщика, моушн-дизайнера, актера, тогда как технология дипфейка в свою очередь применялась в качестве дополнительного инструмента обработки (технического монтажа)¹⁶. Суд апелляционной инстанции согласился с таким выводом, отметив, что частичное преобразование видео-

записи с помощью алгоритмов «не исключает тот факт, что исходный видеоряд создан творческим трудом авторов»¹⁷. Кроме того, суд подчеркнул, что применение технологии дипфейка «само по себе не свидетельствует о том, что видеоролик доступен для свободного использования (без согласия правообладателя), или о том, что группа лиц, обеспечившая написание сценария видеоролика, видеосъемку, его аудиосопровождение, не внесли личный творческий вклад в создание видеоролика и не признаются его авторами»¹⁸. С учетом установленных обстоятельств суды всех инстанций последовательно признали искивые требования подлежащими удовлетворению, взыскав с ответчика 500 000 рублей, что было поддержано судом кассационной инстанции¹⁹.

Судебные акты по указанному делу позволяют сделать следующий вывод: **авторское произведение, частично преобразованное посредством использования технологии дипфейка либо аналогичных цифровых инструментов, сохраняет статус охраняемого объекта авторских прав.**

Раскрывая данный вывод, следует отметить, что подобное преобразование с использованием технологии дипфейка *может повлечь возникновение нового – производного – произведения*, но только при условии, что в результате применения технологического инструментария была изменена творческая концепция оригинала (по сравнению с первоначальным авторским замыслом), была модифицирована сюжетная линия либо было оказано иное воздействие на форму первоначального

¹³ См., например: *Добробаба М.Б.* Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 115.

¹⁴ См., например: *Кастерин Н.* Нарушение авторских прав созданием дипфейков [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2023. 5 мая. (URL: https://zakon.ru/blog/2023/5/5/narushenie_avtorskih_prav_sozdaniem_dipfejkov); *Постарнак А.М.* Анализ зарубежного правового регулирования дипфейков: проблема защиты интеллектуальной собственности // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 269–273; *Рахматулина Р.Ш.* Технология deepfake в праве интеллектуальной собственности // Юрист. 2022. № 2. С. 52–55.

¹⁵ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb>.

¹⁶ Решение Арбитражного суда города Москвы от 30 ноября 2023 г. по делу А40-200471/23-27-1448 (URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb/8dedc372-21f6-4751-ab3c-8a320fe435ce/A40-200471-2023_20231130_Reshenija_i_postanovlenija.pdf).

¹⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2024 г. № 09АП-642/2024 по делу А40-200471/23 (URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb/ca413425-2897-4e84-9763-19828971dcb6/A40-200471-2023_20240408_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 августа 2024 г. по делу А40-200471/23 (URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb/07f50431-2227-4197-9137-084c5b61ed74/A40-200471-2023_20240819_Reshenija_i_postanovlenija.pdf).

произведения, позволяющее квалифицировать произошедшее как переработку в смысле ст. 1260 ГК РФ. Если же технология дипфейка использовалась исключительно как технический инструмент, не влияющий на существенные характеристики произведения, то оснований считать полученный результат производным произведением не возникает – это будет *исходный объект, который претерпел некоторые изменения*.

Важно, что в любом из указанных случаев требуется получение двух видов согласий.

Первое согласие. Для правомерного использования производного произведения его автор обязан получить *согласие правообладателя первоначального произведения* (п. 3 ст. 1260 ГК РФ). При отсутствии такого согласия автор производного произведения фактически лишается возможности осуществлять принадлежащие ему авторские права: обнародовать производное произведение, иным образом использовать его, отчуждать исключительное право на него и т.п.²⁰

Если применение технологии дипфейка не приводит к созданию производного произведения, но влечет изменение или дополнение исходного произведения, то такое использование произведения также *требует согласия его автора* (п. 1 ст. 1266 ГК РФ). Более того, если в результате изменения произведение было извращено, искажено либо подверглось иному воздействию, порочащему честь, достоинство или деловую репутацию автора, последний вправе требовать их защиты (п. 2 ст. 1266 ГК РФ).

Второе согласие. В силу п. 1 ст. 152.1 ГК РФ замена внешности или голоса лица в авторском произведении, выполненная с применением технологии дипфейка или родственной ей технологии, *должна быть согласована с лицом, изображенным*

в итоговом «продукте» (или с лицом, уполномоченным законом давать такое согласие). Подобное согласие презюмируется, когда лицо предоставляет возможность использовать собственный цифровой образ в дипфейках (сообщалось, первым в Голливуде это сделал Брюс Уиллис²¹, что, впрочем, позднее было опровергнуто²²).

При отсутствии указанного согласия произведение должно быть квалифицировано как нарушающее требования закона²³. В связи с этим примечательно, что в контексте авторского права такое произведение сохраняет статус охраняемого объекта. Однако в силу п. 2 ст. 152.1 ГК РФ при установлении судом подобного нарушения оно может быть уничтожено без какой-либо компенсации на основании соответствующего судебного решения. Тем самым **защита неимущественных благ получает приоритет перед охраной авторского произведения**.

Как было продемонстрировано, с помощью технологии дипфейка охраняемое произведение может быть качественно переработано, что позволит квалифицировать полученный результат как производное произведение. Однако вероятна и другая ситуация, когда обработка данных с использованием указанной или подобной ей технологии только отчасти изменяет охраняемое произведение, не порождая новый объект авторских прав. Следовательно, вопрос о признании или непризнании результата преобразований посредством технологии дипфейка производным произведением должен разрешаться по общим правилам ст. 1260 ГК РФ с учетом характера и глубины воздействия на форму первоначального произведения.

6. В отличие от рассмотренной выше ситуации, когда технология дипфейка применяется к создан-

²⁰ См. об этом: Иванов Н. Защита прав на переработку при отсутствии согласия обладателя прав на оригинальное произведение [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2021. 30 апреля. (URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/30/zaschita_prav_na_pererabotku_pri_otsutstvii_soglasiya_obladatelya_prav_na_originalnoe_proizvedenie).

²¹ Allen N. Deepfake tech allows Bruce Willis to return to the screen without ever being on set // The Daily Telegraph. 28 September 2022. (URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/09/28/deepfake-tech-allows-bruce-willis-return-screen-without-ever/>).

²² Громова Я. Брюс Уиллис опроверг продажу «цифрового близнеца» дипфейк-компания. Представитель актера заявил, что его слова были неверно истолкованы [Электронный ресурс] // РБК. 12 января 2024. (URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63397e189a79477e25792efe>).

²³ Поскольку произведение является не самим действием, а продуктом (результативного) действия, возможность признания его недействительным исключена (см. о недозволенности и результативных действиях: Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия (диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук; М., 2010. С. 96–111, 130–133. (URL: https://rozhkova.com/pdf/DOC_DISSER.pdf)).

ному человеком производству, и, следовательно, подпадает под регулирование авторского права, *ИИ-генерации* требуют принципиально иного подхода.

Как уже обосновывалось ранее²⁴, генеративный ИИ, будучи совокупностью технологий и не обладая правосубъектностью, в юридическом смысле не может рассматриваться как автор результатов, которые он автоматически формирует на основе обучающих данных и внутренних алгоритмов. Вследствие этого все **ИИ-генерации** – создаваемые без участия человека изображения, тексты, музыкальные фрагменты, видеоролики, аудиозаписи и проч. – **не являются произведениями в смысле авторского права**. Такой вывод обусловлен тем, что ИИ-генерации не отвечают условиям охраноспособности авторских произведений: они создаются не-человеком, а автоматизированный технологический процесс генерации не может быть приравнен к творческой деятельности человека.

Вместе с тем в условиях внешнего сходства ИИ-генераций с результатами творческого труда человека, юристы нередко испытывают затруднения при их юридической квалификации, несмотря на то что первые явно не отвечают критериям, необходимым для установления правовой охраны в качестве объектов авторского права и соответственно выпадают из сферы регулирования законодательства об интеллектуальной собственности. Подобные затруднения во многом обусловлены непониманием, к какой сфере должны относиться такого рода объекты, если они не встраиваются в традиционную парадигму интеллектуальных прав.

Для такого рода объектов мной было предложено использовать уже употребляемое в российском законодательстве понятие «**информационный продукт**»²⁵, которое имеет собирательный характер и охватывает широкий спектр объектов, различающихся по природе и способу создания:

результаты механической работы человека (например, компиляции, копирование и проч.); результаты технологического процесса, осуществляемого автоматизированной системой или ИИ без участия человека и направленного на создание нового контента (включая, текст, видео, аудио, код, и проч.); составляющие информационных потоков (в частности, новости, объявления, сообщения и др.); идентифицированные совокупности данных, сформированная для целей передачи, распространения и обработки (наборы данных) и т.д. Эти информационные продукты (которые по тем или иным причинам не получают правовую охрану в качестве объектов интеллектуальной собственности) объединяет ряд признаков: (1) они выступают результатом интеллектуальной деятельности человека и (или) обработки информации; (2) носят нематериальный характер; (3) содержат информацию (информационную составляющую), пригодную для использования и (или) обладающую ценностью / полезностью для третьих лиц; (4) зафиксированы на любой из разновидностей носителей.

С учетом сказанного надо признать, что сгенерированные ИИ дипфейки, *будучи по своей сути результатом обработки информации*, произведениями не являются и не подпадают под правовую охрану авторского права. Иными словами, **всякая ИИ-генерация – как изначально созданная дипфейковой, так и впоследствии подвергшаяся обработке с применением технологии дипфейка или подобной технологии – не является объектом авторских прав**. Правовой статус таких ИИ-генераций может быть корректно описан через категорию «информационного продукта», объединяющую результаты обработки данных и контент, не обладающий признаками охраняемого произведения. Поэтому дипфейковые ИИ-генерации требуют регулирования не через институты интеллектуальных прав, а через механизмы защиты личности, информации, публичных интересов.

²⁴ Рожкова М.А. Объекты, сгенерированные ИИ, и объекты, создаваемые человеком с использованием ИИ, – суть различий [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2025. 12 февраля. (URL: https://zakon.ru/blog/2025/02/12/obekty_sgenerirovannye_ii_i_obekty_sozdavaemye_chelovekom_s_ispolzovaniem_ii_sut_razlichij); Рожкова М.А. ИИ-генерации, плагиат и «самоплагиат» в контексте авторского права [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2025. 4 декабря. (URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/4/ii-generacii_plagiat_i_samoplgiat_v_kontekste_avtorskogo_prava).

²⁵ Рожкова М.А. Понятие «информационный продукт» в контексте информационного права, права интеллектуальной собственности, а также договорного права [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 3 (49) (сентябрь). С. 161–174 (URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1862016/>).

Список литературы:

1. Асеева Н., Гузий В. Дипфейк – технология для творчества, лишаящая уверенности в подлинности [Электронный ресурс] // Российская газета. 01.12.2021 (URL: <https://rg.ru/2021/12/01/kot/dipfejk.html>).
2. Головкин Р.Б., Ходырев А.В. «Фейк» как один из факторов риска в праве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 142–144.
3. Громова Я. Брюс Уиллис опроверг продажу «цифрового близнеца» дипфейк-компании. Представитель актера заявил, что его слова были неверно истолкованы [Электронный ресурс] // РБК. 12 января 2024. (URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63397e189a79477e25792efe>).
4. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 112–119.
5. Иванов Н. Защита прав на переработку при отсутствии согласия обладателя прав на оригинальное произведение [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2021. 30 апреля. (URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/30/zaschita_prav_na_pererabotku_pri_otsutstvii_soglasiya_obladatelya_prav_na_originalnoe_proizvedenie).
6. Игнатенков Г.К. Технология дипфейк как угроза информационной безопасности // Наука. Исследования. Практика: сб. ст. по материалам Международной научной конференции, СПб., 25 июня 2022 г. СПб.: Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2022. С. 74–77.
7. Игнатъев А.Г., Курбатова Т.А. Аналитический обзор «Дипфейки в цифровом пространстве: основные международные подходы к исследованию и регулированию». М., 2023.
8. Как распознать фейковые новости // URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/how-to-identify-fake-news?>
9. Калятин В.О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? // Закон. 2022. № 7. С. 87–103.
10. Капитонова Е. А. Шантаж «нюдсами» и смежные деяния: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2021. № 6. С. 19–27.
11. Кастерин Н. Нарушение авторских прав созданием дипфейков [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2023. 5 мая. (URL: https://zakon.ru/blog/2023/5/5/narushenie_avtorskih_prav_sozdaniem_dipfejkov).
12. Постарнак А.М. Анализ зарубежного правового регулирования дипфейков: проблема защиты интеллектуальной собственности // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 269–273.
13. Рахматулина Р. Ш. Технология deepfake в праве интеллектуальной собственности // Юрист. 2022. № 2. С. 52–55.
14. Рожкова М.А. ИИ-генерации, плагиат и «самоплагиат» в контексте авторского права [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2025. 4 декабря. (URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/4/ii-generacii_plagiat_i_samoplgiat_v_kontekste_avtorskogo_prava).
15. Рожкова М.А. Объекты, сгенерированные ИИ, и объекты, создаваемые человеком с использованием ИИ, – суть различий [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2025. 12 февраля. (URL: https://zakon.ru/blog/2025/02/12/obekty_sgenerirovannye_ii_i_obekty_sozdavaemye_chelovekom_s_ispolzovaniem_ii_sut_razlichij).
16. Рожкова М.А. Понятие «информационный продукт» в контексте информационного права, права интеллектуальной собственности, а также договорного права [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 3 (49) (сентябрь). С. 161–174 (URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1862016/>).
17. Рожкова М.А. Фейк и дипфейк – соотношение понятий [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2025. 9 декабря. (URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/9/fejk_i_dipfejk_sootnoshenie_ponyatij).
18. Allen N. Deepfake tech allows Bruce Willis to return to the screen without ever being on set // The Daily Telegraph. 28 September 2022. (URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/09/28/deepfake-tech-allows-bruce-willis-return-screen-without-ever/>).

Научная статья
УДК 34.096

Для цитирования:

Севастьянова А.В. Нюансы законопроекта о деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2026. Март. № 1 (51). С. 35–39.

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_4

For citation:

Sevastyanova, A.V. The nuances of the draft law on the development and distribution of video games in the Russian Federation // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2026. March. N 1 (51). Pp. 35–39. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_4

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_4

Нюансы законопроекта о деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации



А.В. Севастьянова,

магистрант кафедры интеллектуальных прав,
МГЮА имени О. Е. Кутафина, кафедра интеллектуальных прав,
г. Москва, Россия

В статье рассматриваются основные вопросы, возникающие в связи с представленным в законопроекте «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» определениями. Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что по состоянию на 2025 г. в Российской Федерации не выработано единого законодательного подхода к регулированию видеоигр, однако разрабатываются различные способы это сделать. Являясь актуальной попыткой урегулировать нерешенный вопрос, рассматриваемый в статье законопроект, по мнению автора, имеет ряд очевидных недостатков, которые в дальнейшем могут привести к формированию множества правовых проблем. Автор предлагает обратить пристальное внимание на предлагаемое в законопроекте определение видеоигры, а также на ряд других моментов, таких как маркировка видеоигр и их экспертиза.

Ключевые слова:

видеоигры; компьютерные игры; законопроекты в сфере видеоигр; маркировка видеоигр; экспертиза видеоигр

Одной из первых компьютерных игр, появившихся в мире, считается «ОХО» – адаптация игры в «крестики-нолики» для компьютера EDSAC (Electronic Delay Storage Automatic Calculator), увидевшая свет в 1952 г. в рамках кандидатской диссертации Александра Дугласа о взаимодействии человека и компьютера. С тех пор прошло много времени, игры претерпели существенные изменения и в 2025 г. имеют мало общего с прародителями из 50-х гг. XX в. Как и любое социальное явление, компьютерные игры на определенном этапе своего развития потребовали соответствующего правового регулирования. Попытки разработать достаточно эффективные способы воздействия на индустрию видеоигр предпринимаются до сих пор. Одной из таких попыток можно считать внесенный в Государственную Думу 12 декабря 2024 г. законопроект «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации».

Статья 4 данного законопроекта определяет компьютерную игру (видеоигру) следующим образом: «Видеоигра – программа для электронных вычислительных машин, созданная в художественной, учебной, анимационной или иной форме на основе творческого замысла, воспроизводящая изображения, звуки, объединенные сюжетом, определяемым в том числе действиями пользователя»¹. Стоит отметить, что легальной дефиниции компьютерной игры по состоянию на 2025 г. не существует. Но действительно, описываемый в статье подход давно закрепился в судебной практике. Так, например, в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 2 марта 2011 г. по делу № А41-36671/10 указано: «В результате незаконного использования программы для ЭВМ – компьютерной игры “Prince of Persia The Forgotten Sands” ответчиком были нарушены исключительные имущественные авторские права ООО на распространение и использование, защищенных авторским

правом программных продуктов»². Так, в указанном деле компьютерная игра рассматривается как программа для ЭВМ или программный продукт. Данный подход наиболее характерен для дел, рассмотренных в период до 2015 г., однако существуют и более свежие решения, в которых он остается актуальным³. Так, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного Суда от 1 августа 2023 г. по делу № А40-8295/23 также указывается, что компьютерная игра – это программное обеспечение или программа для ЭВМ.

Тем не менее, с 2020 г. и до настоящего времени существует новый подход, согласно которому игра рассматривается иным образом. Так, например, в некоторых актах судебных органов используется сам по себе термин “компьютерная игра” вне контекста программ для электронно-вычислительных машин (программ для ЭВМ)⁴.

Таким образом, по состоянию на 2025 г. в судебной практике сложились два равноправных подхода к пониманию видеоигры. Однако в связи со стремительным развитием игровой индустрии воспринимать игру как программу для ЭВМ представляется не совсем корректным. Это связано главным образом с тем, что в современных реалиях компьютерные игры имеют ряд признаков, характерных для сложного объекта, предусмотренного ст. 1240 ГК РФ – мультимедийного продукта. К ним, в частности, относят виртуальность, сложную структуру и интерактивность. Понятие виртуальности подразумевает, что пользователь (игрок) взаимодействует с продуманным виртуальным миром, созданным при помощи разнообразных самостоятельных объектов охраны: музыки, изображений, сценарных произведений и других элементов, неразрывно связанных между собой. Кроме того, своими действиями игрок напрямую влияет на игровой мир, что характеризует признак интерактивности. Данную позицию в науке поддерживают, например, В.В. Архипов⁵, Е.С. Гринь⁶.

¹ Текст законопроекта № 795581-8 О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации, URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8>, дата обращения: 2 декабря 2025 г.

² Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 2 марта 2011 г. по делу № А41-36671/10.

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного Суда от 1 августа 2023 г. по Делу № А40-8295/23.

⁴ Решение Московского городского суда от 1 июня 2020 г. по делу № 3-0304/2020.

⁵ Гринь Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. М.: Проспект, 2020.

⁶ Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11.

Однако стоит вернуться к представленному в рассматриваемом законопроекте определению. В нем авторы закрепляют подход к компьютерной игре как к программе для ЭВМ. Программа для ЭВМ, в свою очередь, имеет легальную дефиницию. Согласно положениям ст. 1261 ГК РФ, «программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения». Для того, чтобы понять данное определение, можно разделить его на части.

В первую очередь программа для ЭВМ – это совокупность данных и команд, представленных в объективной форме. Законодательство не содержит конкретного определения таковой формы, однако приводит некоторые примеры, свидетельствующие о ее соблюдении. Так, например, п. 3 ст. 1259 ГК РФ относит к объективной форме письменную, устную форму (в виде публичного произведения, публичного исполнения и иной подобной формы), форму изображения, форму звуко- или видеозаписи, объемно-пространственную форму. В рассматриваемом законопроекте указано, что программа для ЭВМ может быть выражена в художественной, анимационной или иной форме. Можно ли отнести данные формы к объективным, и что они в целом из себя представляют по замыслу авторов законопроекта, остается неясным.

Исходя из представленного в законе определения программы для ЭВМ также следует, что такая программа предназначена для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств. В российской практике термины «ЭВМ» и «компьютер» являются синонимами⁷, однако это не совсем верный подход. Дело в том, что компьютер – понятие

более широкое. ЭВМ является лишь одной из разновидностей компьютера, тогда как современные компьютеры могут быть биологическими⁸, оптическими⁹ и даже квантовыми¹⁰.

С компьютерными устройствами тоже не все так однозначно. Дело в том, что данное определение не конкретизируется законодательством. В этой связи не совсем понятно, относятся ли к компьютерным устройствам, например, игровые приставки и игровые консоли, поскольку по своим целям и задачам они представляют узкоспециализированные устройства, на которых, например, не получится программировать, создавать текстовые файлы и так далее. Кроме того, игровые приставки и игровые консоли предназначены для конкретных целей – игровых, тогда как компьютеры способны решать гораздо больший спектр задач. Также в настоящее время активно разрабатываются так называемые гарнитуры виртуальной реальности, такие как PlayStation VR, которые тоже способны воспроизводить игры, однако подключаются не к компьютеру, а непосредственно к игровой приставке, что способно исключить их из категории компьютерных устройств. Таким образом, данный аспект законодательства, оставаясь неуточненным, все же не позволяет отнести игру исключительно к программе для ЭВМ, даже если воспринимать компьютер и ЭВМ как синонимы.

Необходимо также отметить, что понятия «видеоигра» и «компьютерная игра» не являются синонимами¹¹. Термин «видеоигра» охватывает собой все платформы, на которых она может воспроизводиться, а не только персональные компьютеры. Пытаясь определить игру как программу для ЭВМ, законодатель идет по наиболее простому пути, не затрагивая при этом многие аспекты игровой индустрии.

По вопросам, связанным с указанным законопроектом, в ситуационном центре Роскомнадзора 23 апреля 2025 г. состоялся круглый стол на

⁷ ГОСТ Р 71173-2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Персональные электронно-вычислительные машины. Термины и определения.

⁸ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/ДНК-компьютер>, дата обращения: 2 декабря 2025 г.

⁹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Оптический_компьютер, дата обращения: 2 декабря 2025 г.

¹⁰ URL: <https://news.microsoft.com/source/features/ai/microsofts-majorana-1-chip-carves-new-path-for-quantum-computing/>, дата обращения: 2 декабря 2025 г.

¹¹ Чувствин И.В., Видеоигры и интеллектуальная собственность: особенности защиты прав при небуквальном копировании, URL: <https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729086/#4>, дата обращения: 2 декабря 2025 г.

тему «Правовое регулирование видеоигровой индустрии и внутриигрового контента в контексте проекта Федерального закона “О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации”»¹². В рамках данного мероприятия были рассмотрены самые разные вопросы, однако, насколько можно судить по опубликованным материалам, в основном обсуждение касалось необходимости сотрудничества между отечественными разработчиками и государственными органами, а также тестированию возрастной маркировки на создаваемых продуктах. При этом в статье пресс-центра Роскомнадзора ничего не сказано о том, рассматривались ли в рамках мероприятия вопросы, связанные с предлагаемыми законопроектом определениями. По итогам встречи эксперты, впрочем, пришли к тому, что законопроект может быть принят при определенной доработке.

Отдельного внимания заслуживает вопрос маркировки видеоигр. Стоит отметить, что рассматриваемый законопроект и в этой части не учитывает, что видеоигра – более широкое понятие, нежели компьютерная игра. Предлагается ввести особую, уникальную для Российской Федерации маркировку, но при этом игнорируется ряд фактов. Во-первых, существуют различные платформы, на которых могут воспроизводиться видеоигры. Это и персональные компьютеры, и игровые приставки, и игровые консоли, и даже мобильные устройства. В статье 4 законопроекта дается достаточно неоднозначное определение сервиса распространения видеоигр: «Сервис распространения видеоигр – сайт и (или) страница сайта, и (или) информационная система, и (или) программа для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются преимущественно для распространения видеоигр, и (или) дополнений к ним, и (или) игрового имущества»¹³. Количество «и (или)» здесь не позволяет в полной

мере осознать, о чем идет речь. Однако если разобраться, то оказывается не совсем понятным, можно ли считать сервисом распространения видеоигр, например, сайты, позволяющие пополнить игровой счет тех или иных проектов в условиях санкционных блокировок российских карт. С одной стороны, такие сайты предоставляют возможность получить доступ к видеоиграм, с другой стороны – их роль заключается лишь в переводе денежных средств от пользователя к стороннему проекту.

Во-вторых, существует огромное количество зарубежных сервисов распространения видеоигр, до сих пор работающих на территории Российской Федерации. Эти сервисы существуют также для самых разных платформ. Да, российские специалисты, работающие с такими сервисами, могут маркировать продукты в соответствии с критериями российского законодательства, однако представляется сомнительным тот факт, что сами организаторы сервисов распространения видеоигр пойдут на то, чтобы устанавливать такую маркировку. Руководитель Роскомнадзора А.Ю. Липов, впрочем, уверяет, что некоторые зарубежные платформы, например «Steam», стабильно удаляют контент по требованиям ведомства¹⁴.

Стоит также обратить внимание на одну из инициатив в рамках законопроекта. Это, разумеется, экспертиза видеоигр. Дело в том, что в данном аспекте законопроектом учитывается исключительно вредоносное воздействие на несовершеннолетних, тогда как в ст. 1 законопроекта определено, что он в целом «устанавливает ограничения осуществления данной деятельности в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан»¹⁵. Законопроектом не учитывается, что деятельность по разработке и распространению видеоигр может нарушать, например, авторское право разработчика видеоигры. Это возможно, в частности, когда локализатор игры (лицо, осуществляющее адаптацию игры для разных рынков

¹² URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74923.htm>, дата обращения 8 декабря 2025 г.

¹³ Текст законопроекта № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации», URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8>, дата обращения: 14 декабря 2025 г.

¹⁴ URL: <https://iz.ru/1878946/valerii-kodacigov/delo-markera-nuzen-li-rossii-novyi-zakonoproekt-o-komputernyh-igrah>, дата обращения: 14 декабря 2025 г.

¹⁵ Текст законопроекта № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации», URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8>, дата обращения: 14 декабря 2025 г.

и культур) выходит за рамки предоставленных соглашением с разработчиком правомочий либо действует вовсе без такого соглашения. Характерным примером нарушения прав разработчика в процессе локализации является, например, неофициальная локализация видеоигры «Plague Tale: Requiem» от известной российской студии. Локализация доступна путем установки модификации в оригинальную версию игры. Складывается уникальная ситуация, когда, с одной стороны, неофициальные локализаторы проделали огромную работу, организовав в том числе работу более сорока актеров озвучки, в частности детей и подростков, а с другой – формально нарушили права разработчика. Возвращаясь к вопросу об экспертизе, представляется разумным сосредоточиться в ее рамках не только на соблюдении прав не-

совершеннолетних и сохранении нравственных ценностей, но также на защите прав разработчиков, локализаторов и иных лиц, участвующих в разработке и распространении видеоигр на территории Российской Федерации. В этой связи возможно было бы привлечение к оценке более широкого круга экспертов, в том числе специалистов в сфере интеллектуальной собственности, чтобы обеспечить достойный уровень защиты прав и законных интересов граждан в данной сфере.

Подводя итог, следует отметить важность изначально корректного формулирования определений в рамках законотворческих инициатив. Грамотные определения – основа любого законодательства, поэтому необходимо тщательно задумываться о правовых сущностях, заключенных в них.

Список литературы:

1. *Гринь Е.С.* Авторские права на мультимедийный продукт: монография. М.: Проспект, 2020.
2. *Архипов В.В.* Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11.
3. *Чувствинов И.В.*, Видеоигры и интеллектуальная собственность: особенности защиты прав при небуквальном копировании, Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 3 (33), сентябрь 2021 г., с. 102–111.

Научная статья
УДК: 347.78

Для цитирования:

Братусь Д.А. Романистические следы авторского права: генезис идеи защиты // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2026. Март. № 1 (51). С. 40–50.

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_5

For citation:

Bratus, D.A. Roman Traces of Copyright: The Birth of the Idea of Protection // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2026. March. N 1 (51). Pp. 40–50. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_5

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_5

Романистические следы авторского права: генезис идеи защиты



Д.А. Братусь,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия

В отечественной цивилистической теории стабильно отрицаются античные корни авторского права. Редкие голоса правоведов (Н.Л. Дювернуа, С.А. Беляцкий и др.), утверждавших обратное, не были услышаны. Попытка разобраться в истории вопроса приводит к выводу о том, что доминирует одна из авторитетных научных школ. В действительности не авторское право в целом, а именно исключительное право является «молодым» институтом. Практическое значение вопроса – в отнесении к предмету авторско-правового регулирования личных неимущественных авторских отношений, в определении адекватных пределов коммерциализации творческой подотрасли. Недавно вышедшие крупные и важные комплексные работы [23; 41], в которых «романистические» аспекты авторского права незаслуженно остаются в тени или освещаются с точки зрения той самой школы, побуждают вновь (с новыми аргументами) обращаться к данной теме.

Ключевые слова:

автор; авторское право; личные неимущественные права автора; исключительное право; защита авторских прав; эллины; античность; римское частное право

1. Авторские отношения в античности: рефлексия исследовательского выбора

Стремление учитывать факты античного быта, связанную с ними судебную практику и аналитику при исследовании проблематики

защиты авторских прав закономерно и объяснимо.

Высокоразвитые народы прошлого выявлены и классифицированы [43]. Они во многом предвосхитили гений современного человека.

П.В. Крашенинников, упоминая «первые в истории человечества цивилизации, возникшие примерно 5–6 тысяч лет назад», уточняет, что для того периода характерен «нерасчлененный конгломерат культуры», который «начал распадаться на продукты специализированных систем деятельности» [30].

С.С. Алексеев называет древнейшие культурные пласты Египта и Индии «начальными стадиями» цивилизации, охватывающей «всю «видимую» эпоху человечества» [1; 2], но развитие цивилизации усматривает именно в античности [1].

Наблюдения за относимыми фрагментами истории до начала эллинизма при выборе ориентира – идей и приемов правового воздействия – для системы защиты авторских прав могут констатироваться без какого-либо значения и последствий. С точки зрения авторского права, есть смысл отличать античного философа, ритора, грамматика, оратора, знатока «латинской науки» от индусского брамина, египетского жреца и любых иных мыслителей древности, продуцировавших и накапливавших уникальные для человечества знания (халдейских мудрецов, кельтско-галльских друидов, индейских прорицателей чаки и ах-менов, сибирских шаманов и т.д.).

Античный автор ощутимо присутствует в поведваемой им «духовной практике», претендует на уважение своего творческого вклада окружающими, развивает собственные оригинальные приемы, открывает новые жанры, проповедует авторское самосознание, не исчезает в представляемой им школе, а укрепляет ее влияние своей фигурой, получившей признание.

Датский юрист В. Веинке пишет о том, что искажение произведения осуждалось в Индии «много раньше», чем в античных Греции и Риме [9].

В отсутствие какой-либо аргументации это утверждение элементарно принимается на веру и постепенно становится общим местом в нашей юридической литературе [23; 35; 36]. Вряд ли здесь имеет место преклонение перед «всем иностранным», скорее – следование сторонней научной линии без проверки ее обоснованности. В Древней Индии (как и всюду) наказывалось вмешательство в религиозные тексты. Сакральные каноны не следует путать с авторским правом.

Древние египтяне, народ, «который, как известно, искусен в изобретениях и научных открытиях» и у которого «все виды краж были дозволены и безнаказанны», упоминаются в суждениях Авла Геллия о явных и неявных кражах (*furtum manifestum* и *furtum nec manifestum*) (Gell., N. Att., XI, 18, 15–24) [10]. Имеются основания полагать, что антикварий вслед за Марциалом называет кражей в том числе посягательство на творческий результат, осуждаемое его соплеменниками в отличие от «древних египтян». В примечании-комментарии к одному из суждений Геллия, цитирующего фрагмент о краже по книге Сабина «Гражданское право»¹, сделана неоднозначная пометка: переводчик-комментатор (А.Г. Грушевой) в формулировке «Кто поднял брошенное чужое [имущество] с целью получения прибыли, обвиняется в краже вне зависимости от того, знал он, чье это имущество, или нет» (Gell., N. Att., XI, 18, 19) [10] заменяет словом «брошенное» («*jacens*») имеющееся в подлиннике слово «молчащее» («*tacens*»), ссылаясь на «бессмысленность» подлинного текста². Однако смысл есть: произведения – «говорящее», а не «молчащее» имущество. Во-первых, они «говорят» сами по себе (в себе, за себя); во-вторых, прямо или косвенно указывают на автора... Как видим, незаметно, «между прочим»³ искажается история

¹ Это историческое свидетельство предложенной профессором Б.М. Гонгало важнейшей гуманитарной идеи: «Есть только одна отрасль права – право гражданское. Все остальное призвано обеспечить его нормальное функционирование, либо эффективную защиту» [12]. Афоризм, который многие почему-то воспринимают как вызов, провокацию, свидетельство цивилистической экспансии и т.п., прежде всего нацелен на мысленный охват пределов «Вселенной» Права гражданского. Бытие других «юридических Вселенных» не пресекается и вряд ли может пресекаться установкой на цивилистическое и вместе с тем на общегуманитарное развитие. Более того приведенная идея стимулирует конкретизацию «всех остальных» визуализируемых пределов. Имеется связанное с ней объяснение приоритетной кодификации гражданского законодательства [31].

² «Слово *jacens* (брошенное) восстановлено на основании текста «Дигест» (47, 2, 43, 4); **все рукописи** [выделено мной. – Б.Д.] дают *tacens* (молчащий), что в данном контексте бессмысленно» [10].

³ Б.М. Гонгало мудро предостерегает по поводу высказываний в стиле «между прочим», угрожающих «теми или иными искажениями... сути» [15].

права (к вопросу о «вреде истории для жизни» по Ф. Ницше). Геллий, подчеркивая особенности римского частного права, последовательно упоминает изобретения и научные открытия египтян в одном ряду с квалификацией видов краж. Интеллектуальные достижения в Древнем Египте действительно не охранялись.

Какую же тогда социальную систему принимать во внимание и к какой традиции направлять вектор изучения правовых аспектов духовной деятельности в стремлении понять истоки? В свете изложенного ключевые ориентиры в начальной точке сравнительно-исторического анализа – Древняя Греция, Древний Рим, Византия.

Античность, например, предлагает специальную терминологию (*actor, auctor, cena, demonstratio, pictura, plagiator, plagium, privilegium, textura* и т.д. и т.п.), объясняет ее с позиции авторских прав, изобилует примерами борьбы за авторство, называет распространенные способы его фиксации, сообщает о юридических средствах против «похитителей чужой славы» (D. 47, 10, 15, 29). Весь этот уникальный информационный и юридический, в частности, массив полностью и безоговорочно заслоняется суждениями о привилегиях, о «молодости» авторского права, об отсутствии в Древнем Риме понятия исключительных прав и о неотносимости личных неимущественных прав к гражданскому праву в целом и авторскому в особенности, об авторских правах именно на произведения литературы, как будто других произведений мир не знал (некоторые из этих утверждений явно устарели), и т.д. и т.п.

Человек античного мира начал первым твердо и последовательно защищать собственное «творческое эго». Бессмысленно сейчас отрицать факты его борьбы за «моральные» права и его желание извлекать выгоду из своих креативных способностей путем введения интеллектуальных шедевров в гражданский оборот.

Марциал, например, не только обличал плагиаторов и писал не только о стремлении увеличить доходы от продажи своих творений (Martial, I, 66; XII, 47 и т.д.). Он знал о возможностях защиты при-

надлежащих ему прав, но не желал тратить силы и время на занятие судебными тяжбами. «По судам заставляет Тит таскаться, / Говоря мне частенько: “Выгод много”»⁴ (Martial, I, 17); «Предпочитаю писать, ты, друг-читатель, виной. / Ты ведь читаешь мои и по Риму стихи распевашь, / Но ты не знаешь, чего стоит мне эта любовь. / Коль под защиту бы я Серпоносного храм Громовержца / Взял иль с несчастных взимал плату ответчиков я» (Martial, V, 16); «Пользы, пожалуй, и нет, но... мне приятно писать!» (Martial, V, 15); «Стряпчий какой-то стихи, говорят, мои щиплет. Не знаю. / Но коль узнаю, кто ты, стряпчий, то горе тебе!» (Martial, V, 33) и т.д. [34]. Эллины были склонны к сутяжничеству. «Народ обожает судьбища!» [44]. Меткое прозвище, данное П.В. Крашенинниковым, – «народ сутяг» [30] – применимо и к ним.

Плиний Младший отмечал неразрывную связь личности творца с литературным шедевром: «...Наши имена связывают с литературой, как собственность не нашу, людскую, а литературную» (Plin., Ep., IX, 23, 3; VII, 20, 3) [38]. М.Е. Сергеенко в примечании к этому фрагменту сообщает: «Книгопродавец, покупая книгу, не приобретал исключительного права на ее издание: авторского права Рим не знал» [38]. М.Е. Сергеенко демонстрирует совершенное владение правовым инструментарием. Однако юридический смысл вдохновенного восклицания Плиния не раскрывает. Думается, ригоризм ее примечания может и должен быть смягчен. «Историк, противостоя соблазну умозрений, должен увидеть перед собой живых людей, в конкретных жизненных условиях творивших историю. Тогда отпадет все невозможное и обнаружится единственно возможное» [20].

Критики «романистической» концепции авторского права не удостаивают своим вниманием процитированные и другие подобные откровения – о продаже произведений, об их неприкосновенности, о праве автора на защиту, о возможности предъявления иска к нарушителю и т.д. После приведенных извлечений трудно однообразно соглашаться с суждениями, отрицающими очевидное: «Не видно, чтобы кто-нибудь из них [древних

⁴ Как современна древность! Некоторые «литигаторы» и сегодня подобным образом уговаривают правообладателей (художников, архитекторов, литераторов, фотографов и др.).

авторов. – прим. Д.Б.] воспрещал или затруднял переписывание своих творений...» [42]; «Литературная собственность – понятие новейшего времени... Древнему миру было совершенно чуждо это понятие. Воззрения древних на авторский труд носили идеальный характер и исключали всякие представления о каком-либо материальном вознаграждении...» [25].

Как бы невзначай, мимоходом⁵, но резко, с заметной долей иронии свою точку зрения на романистическое авторское право обозначил А.А. Пиленко: «В библиотеке парижской Ecole de droit я видел диссертацию, озаглавленную: «Propriété littéraire chez les Grecs et les Romains». К сожалению, за недостатком времени, я не успел познакомиться с этим курьезным сочинением» [37]. Можно только предполагать мотивы, скрытые в данной консервативной позиции: нежелание «доказывать очевидное», некий психологический барьер, «нота элегантно призрачного» (Р. Сайм) или что-то еще. Вероятно, скептицизм Александра Александровича распространялся на любые сопоставимые усилия французских исследователей, освещавших в своих работах древнеримские аспекты авторских прав [47; 48; 49].

Э. Пуйе называет книги своих старших коллег – О.-Ш. Ренуара и М. Гастамбиды – «прекрасными, уже старыми по времени их появления, но все же молодыми... которые останутся, что бы ни делали их преемники, надежными и верными проводниками» и предупреждает, что не намерен вдаваться во все подробности связанные с историей литературной собственности, поскольку «Весьма полную картину этой истории можно найти в превосходном трактате г-на Ренуара» [48].

Прав Н.Л. Дювернуа, филигранно подметивший: римляне знали «стеснения», связанные с авторским правом, «хотя и не вошедшие в кодекс гражданских институтов, но тяжело отражавшиеся на свободе экономического обмена» [21].

Сомнения классиков, безусловно, заслуживают почтения, самого пристального внимания и всестороннего толкования. Г.Ф. Шершеневич [46],

А.А. Пиленко [37], В.Д. Спасович [42], Я.А. Канторович [25]... Воистину, звездный состав! Основоположники! Посеянные ими зерна всходят, прорастающие колосья набирают силу, питают живительной энергией (*vis viva*) поколения и поколения юристов, формируют фонд цивилистического наследия, олицетворяют зрелость, гармонию, чистоту и глубину. Всякая фактология, пестрая палитра примеров, «эссенция» античных авторских отношений, вызываемая из цивилистического небытия, должны сопоставляться с руководящими идеями классиков. Такое распределение функций, в силу которого истинность исторического факта проверяется в его соотношении с идеализируемым суждением (но не наоборот!), в данном случае только кажется парадоксальным, алогичным и ошибочным. *Ars longa...*⁶

2. Фактология борьбы за соблюдение статуса автора в античности

2.1. Подходы к переосмыслению отечественной цивилистической традиции

Анализ предпосылок и оснований обеспечения статуса автора в Древнем Риме в свете исследования проблем защиты авторских и смежных прав – неоднозначное и захватывающее направление.

Классическая доктрина игнорирует античный опыт в отношениях так называемой интеллектуальной собственности. Г.Ф. Шершеневич настаивал: «Авторское право, в смысле исключительного права распространения своего сочинения... было чуждо древнему миру». «Даже у римского народа, достигшего такого высокого правового развития, мы не встречаем *никаких следов института* авторского права» (курсив мой. – Д.Б.) [46].

Интересно, что профессор понимал под «следами института»? Весьма показательно в выделенной курсивом формулировке и отрицательное местоимение «никаких».

Если выделенное словосочетание предполагает любую социальную предпосылку, намечающуюся тенденцию развития, признак грядущего, тогда

⁵ Здесь актуально мудрое предостережение о недопустимости высказываний, угрожающих «теми или иными искажениями... сути» [15].

⁶ *Vita brevis, ars longa, occasio praeceps, experientia fallax, iudicium difficile* («Жизнь коротка, наука длинна, случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно») – афоризм, приписываемый Гиппократу.

отрицание роли эллинов в процессе зарождения авторского права представляется нарочито категоричным. Древние творцы боролись за признание авторства, за прославление собственного имени, за неприкосновенность своих шедевров. Вошло в поговорку двестишие Вергилия «*Sic vos non vobis...*» («Так вот и вы не себе...»)⁷. Демосфен то ли восемь [38], то ли десять (Plut., Demosth., XXIV) [40] лет в острой внутривосточной борьбе добивался права на получение заслуженной награды – золотого венка за произнесение надгробной речи над павшими в битве при Херонее. И получил искомые почести после речи «О венке». За нарушение неприкосновенности произведений Зенона, «которые казались стоикам неудачными», стоику Афинодору – хранителю пергамской библиотеки, вырезавшему «неудачные» фрагменты, «пришлось плохо» (Diog. Laert., VII, 34) [18] (речь не о религиозной литературе!) и т.д. и т.п. Это ли не «следы»?

Если по логике «от противного» в процитированном выше суждении классика имеет место предложение отыскать норму, казус, толкование и любую иную примету комплекса юридических правил, регулировавших уже в то время однородные общественные отношения, но по роковому стечению обстоятельств не дошедших до современников в развернутой полноте воздействия на социальный уклад, затерявшихся в веках (скажем, в период, когда Западная Европа блуждала в Темноте Средневековья), не попавших в своды законов и тома научных трактатов («сумм»), оставшихся вне поле зрения глоссаторов и постглоссаторов, то подобная, свехутилитарная постановка задачи полностью обесценивает привлекательную, казалось бы, идею о «следах института», превращает ее в провокацию, сравнимую с призывом отыскать черную кошку в темной комнате... Правда, пессимистические ожидания и здесь не вполне обоснованны. Дигесты, например, предусматривали *иск о покушении на чужую славу* – один из группы исков об оскорблении (*actio iniuriarum*): «Если кто-либо

покусился на чужую славу, подав жалобу принцепсу или еще кому-либо, следует предъявить иск об оскорблении» (D. 47, 10, 15, 29)⁸.

Резкий контраст с позицией Г.Ф. Шершеневича составляет мнение С.А. Беляцкина, харизматично выделяющегося из общего ряда суждений дореволюционных цивилистов. С оговорками о *степени интенсивности* юридической защиты произведений в историческом аспекте и о *верной постановке вопроса* о защите «в наше время» он уверенно распространял на «плагиат и всякие недобросовестные действия с чужим манускриптом» известный античным юристам иск об оскорблении: «Римское право в этих случаях не отказывалось давать потерпевшему *actio iniuriarum*» [5]. В точной градации эпох убеждает и сделанная С.А. Беляцкиным (там же) отсылка к суждениям Э. Пуйе, включая мысль французского ученого о праве авторов, которое «существовало во все времена» [48].

Всякая интерпретация авторско-правового учения Г.Ф. Шершеневича во избежание упреков в произвольности, оторванности от системообразующих идей классика должна учитывать два принципиальных момента: во-первых, определение Габриэлем Феликсовичем имущественной природы авторского права; во-вторых, исследование им этого права именно на примере литературных произведений – существенный момент, если согласиться, с тем, что с литературных творений начиналось превращение авторского права в институт права гражданского и учитывать объективные предпосылки первых литературных конвенций [37].

2.2. «Исключительность» исключительного авторского права (критический анализ концепции)

Тезис про «авторское право в смысле исключительного права» заключает в себе последовательную научную позицию, целостную концепцию. Г.Ф. Шершеневич отрицал «личные интересы»

⁷ Поэт написал на воротах дворца императора Октавиана Августа лестное двестишие, но никак не обозначил себя. Некий Батил назвался автором и был щедро награжден. Изобличая плагиат, Вергилий дописал: «Эти стихи написал я, а почет снискал другой: / Так вот и вы не себе вьете гнезда, птицы, / Так вот и вы не себе приносите шерсть, овцы, / Так вот и вы не себе мед собираете, пчелы, / Так вот и вы не себе плуг тащите, волю» [7].

⁸ Детальный анализ этого правила в свете авторского права см.: Братусь Д.А. Авторское право и Древний Рим: Исторический фундамент этической концепции / Вступ. сл., общ. ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2018. С. 96–100.

автора в содержании отношений, регулируемых авторским правом. Последователи Габриэля Феликсовича продолжили в той или иной мере нивелировать значение личной компоненты. Думается, отсюда следует сопоставление авторского права с правом «промышленной собственности» [45] – сопоставление на грани утраты идентичности института, воздействующего, что надо специально подчеркнуть, не только на отношения по использованию, но и по созданию духовных продуктов, а также по обеспечению их неприкосновенности от стороннего вмешательства. Из рассматриваемой имущественной концепции вытекает и утверждение о якобы производности личных неимущественных прав автора от исключительных [19]. По всей видимости, и идея о подотрасли исключительных прав [33] – отражение учения Г.Ф. Шершеневича. Истинным представляется восприятие анализируемой области в качестве творческой подотрасли [28]. Современные отечественные работы по авторскому праву, подспудно или явно предполагающие примат материального, делового начала над личным неимущественным, – в большей мере апология приведенных взглядов. Все они – как в совокупности, так и по отдельности – обнаруживают единственно исходящее от Г.Ф. Шершеневича учение. Исследования нынешних специалистов – последователей классика – надлежит, по всей видимости, считать продолжением цивилистической школы⁹. Имущественная концепция интеллектуальных прав развивается в направлении расширения коммерциализации [22; 24; 26; 27].

Интересные, самобытные суждения Г.Ф. Шершеневича о природе личных неимущественных прав автора сегодня представляются устаревшими. На них сложно опираться в практической работе, имея ввиду все известные ипостаси практической юриспруденции. Направленность комментируемых суждений на обеспечение свободного оборота капитала остается привлекательной. Но их противоречие идее естественных и неотъемлемых возможностей человека и гражданина, охватывающих автономию творчества (са-

мобыражения), запрет цензуры, неприкосновенность личного пространства и многие другие [29] «энергоинформационные сущности» нематериальных благ, позволяет ставить вопрос об архаичности воззрений Г.Ф. Шершеневича на личные неимущественные авторские права в условиях нынешней гражданско-правовой регламентации.

Личные неимущественные права – неотъемлемая константа творческой подотрасли, самостоятельная и непреложная социальная ценность, закрепленная в системе общих и специальных цивилистических норм. Личные неимущественные отношения включены в предмет частноправового регулирования, о чем прямо сказано в основных положениях гражданского закона (абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ). Личные неимущественные права, в том числе те из них, которые неразрывно связаны с автором (право авторства, право на авторское имя, право на неприкосновенность произведения), причислены к нематериальным благам, составляющим одну из групп объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Юридический статус автора, включая лапидарную, прагматичную, концентрированно выраженную совокупность принадлежащих только ему абсолютных возможностей, опосредуется конститутивными положениями Гражданского кодекса и (в нем же) основополагающими нормами об интеллектуальных правах. Состояние принадлежности личных неимущественных прав признается одним из элементов содержания правоспособности. Личные неимущественные права, включая авторские и смежные, легально поименованы. Детализированы положения о защите этих прав и т.д. Все эти меры подчеркивают высокое значение категории.

Автор первичен. Он не просто первоначальный правообладатель, но именно *прародитель*, положивший начало творческой системе взглядов, мыслей, образов, из которых возникает идеальный объект – произведение. Если исключительное право может быть утрачено в силу тех или иных оснований (путем распоряжения им, обращения на него взыскания, признания недействительной сделки по его отчуждению или предоставлению,

⁹ «В рамках школы всегда в той или иной степени развиваются идеи, сформулированные основателем. Школа всегда характеризуется чрезвычайно уважительным отношением к тому, что сделали предшественники. Вместе с тем идет поиск нового – иначе не будет развития, а будет повторение пройденного. В этой связи о научной правовой школе можно говорить как об общности взглядов, системе идей и т.д.» [11; 17].

ликвидации компании-правообладателя и т.д.), то авторство неизбежно, статично, едино, какие-либо хозяйственные операции с ним и какая-либо его трансформация во внешних отношениях объективно невозможны. Да, «формула» выражения, например, права автора на имя в п. 1 ст. 1265 ГК РФ («право использовать или разрешать использование произведения под своим именем...») отчасти «роднит» это право с использованием (внешний, чисто визуальный эффект и позиция разработчиков – представителей школы), но по своей природе личное право автора всегда является и навсегда останется неимущественным, что бы ни говорили против. Авторство – прежде всего исторический факт (как в масштабах отдельно взятой творческой личности, так и с точки зрения влияния пассионариев – гуру культуры и научно-технической сферы – на судьбы цивилизаций), только затем (или вместе с тем) – правовое отношение и юридическая конструкция. Должен появиться автор во всей силе своего таланта и психологических потрясений (эмоций, чувств, стремлений, усилий, нравственных переживаний), чтобы возникло оригинальное воплощение идеи, чтобы сформировалась новая парадигма. Внедрение «минимальных критериев», конечно, девальвирует традиционные социальные ценности, но это, скорее, субъективный момент (веяния времени, дань «технизму»), который так или иначе будет изжит («Осетрина бывает только первой свежести» – М. Булгаков «Мастер и Маргарита») или исчезнет вместе с цивилизацией.

Выступление автора в роли родоначальника и характер его отношения к своему творческому результату как к собственному «детищу» – исторический сюжет. Марциал первым объявил о краже произведения, назвав вора *плагиатором*. *Plagiator (plagiarius)* – согласно Фабиевому закону о покушении на статус человека (*Fabia lex de plagiariis*), принятому около 200 г. до н. э., это похититель детей; подстрекатель, соблазняющий чужого раба к бегству; а также тот, кто коварством обращает в рабство свободного. От Марциала у авторов вошло в обычай олицетворять личный интеллектуальный труд с ребенком.

Нравственные и естественно-правовые аспекты позволяют настаивать: неразрывная связь творца со своим шедевром «интуитивно угадывается»

(Д.В. Мурзин) [41] «во все времена» (Э. Пуйе) [48]. Исключительное право становится одним из системообразующих элементов лишь в определенный и, будем справедливы, совершенно недавний в разрезе хронологии эпох, ясно обозримый в ретроспективе (XVIII–XIX вв.) момент совершенствования авторского права на принципиально новом идеологическом уровне. отождествление значения подотрасли только с этой новеллой – с исключительным правом, с одной стороны, противоречит логике возникавших еще в древности и авторитетно признанных (Н.Л. Дювернуа, С.А. Беяцкий, С.С. Алексеев, В.Ф. Яковлев и др.), постоянно усложняющихся социальных процессов. С другой стороны, серьезно угрожает поступательному развитию авторского права и всей творческой подотрасли. Важная для гражданского оборота роль исключительных прав не должна приводить к искусственному завышению и превалированию их значимости. В то же время недопустимо отрицание или «просто» принижение другой, исторически первой и аксиологически безусловной, трансцендентно-личностной платформы авторского права – его опорного концепта; не периферийной, но центральной категории; не «сказуемого», но «подлежащего». Безоглядное (в угоду так называемой свободы оборота) возвеличивание на уровне теории, в норме закона, в судебной позиции *фактора действия* («сказуемого») при умалении ценности *исходно-направляющего фактора* («подлежащего») отрицает адекватные изоморфные связи равновеликих абсолютных субъективных возможностей – личных неимущественных авторских прав и исключительного права, а в итоге закономерно приводит к утрате «юрисдикционного генома» правовой системы. Ведь так и разрушаются десятилетиями наработанные социальные связи. Безусловно прав Ю.Г. Басин, напомнивший о значимости распространения гражданско-правовой охраны на разные виды личных неимущественных отношений: «Без этого личные права, не связанные с имущественными, вообще остались бы без правовой защиты, как это нередко бывало в прошлом» [4; 16]. В аккуратных формулировках Ю.Г. Басина видятся и отсылки к эпохальному, сложному этапу развития Отечества (например, 30-е гг. прошлого столетия). Габриэль Феликсович не застал этот этап.

Воистину, дискуссия не о «чистоте»¹⁰ и экономической обусловленности, а о жизненности юридических конструкций (и жизни вообще), о практическом и целостном, не выхолощенном и не приспособленном под сиюминутные интересы правовом регулировании.

Любой «посвященный», например, в создание аудиовизуального произведения сможет подтвердить, какие интриги иногда разворачиваются по поводу титров – кого указывать первым (сразу вслед за лицами, руководившими процессом создания шедевра и обусловившими его появление личным творческим участием), кого вторым, третьим и далее (и указывать ли вообще?), каким шрифтом, с какой допустимой скоростью «прокрутки» и каких конкретно фрагментов текста на экране (мониторе), насколько весом вклад технического персонала в создание шедевра и кого относить к «техническому персоналу» (визажист, гример, парикмахер, стилист, мастер маникюра, костюмер – технический или творческий персонал?) и т.д. и т.п. Бывает, эти страсти выплескиваются за рамки рабочих отношений и за пределы съемочной площадки, выходят из сферы компетенции генерального продюсера, режиссера-постановщика, директора кинокартины и переносятся в судебную плоскость. Нематериальные аспекты авторских отношений постоянно («во все времена») напоминают о себе.

Восприятие авторского права через призму имущественного фактора, конечно, препятствует предметной интерпретации ярких эпизодов истории и предыстории института – этот изъян придется констатировать в фундаментальном, универсальном и прогрессивном для своего времени авторско-правовом учении Г.Ф. Шершеневича.

2.3. Литературные произведения в фокусе авторско-правовой мысли

Показательна концентрация интереса Г.Ф. Шершеневича на определенном предмете – «Авторское право на литературные произведения» [46]. В свете культурологически значимого, но во многом условного с юридической точки зрения деления произведений на три базовые группы (п. 1 ст. 1255 ГК РФ), литературные достижения – один из ведущих объектов авторско-правовой охраны; феномен яркий, изумительный по своей универсальности, многовекторности, влиянию на социум и прочим уникальным характеристикам¹¹, однако не исходный, не единственный, не завершающий в мировоззренческой картине человечества, о чем убедительно свидетельствуют и нынешние цивилизационные достижения.

Авторство и неприкосновенность творческих результатов первоначально фиксируются в древних источниках не только и не столько для письменных¹² произведений. Древнегреческий поэт и певец Филоксен услышал, как поют кирпичники, «коверкая что-то из его напевов, и стал за это топтать их кирпичи, приговаривая: “Вы портите мое, а я – ваше”» (Diog. Laert., IV, 36) [18]. Знаменитый живописец Эллады Апеллес, доказывая совершенство своей картины «Конь», «обжаловал» спорное решение, «чувствуя, что соперники получают перевес путем происков» (Plin. Sec., Nat. hist., XXXV, 36, 95) [39].

«Прекрасная культура прежде всего создает великую архитектуру» [6]. «Все старые поэты... брали за образец скульптуру...» [8]. Даже в эпоху средневековья архитектура – прообраз текста, «чьи соединительные штрихи напоминают архитектурную игру» [3]. Неслучайно «идеально

¹⁰ «В отличие от чистого искусства «чистая юриспруденция» не имеет права на существование» [13; 14]. Уникальная цивилистическая парадигма о нежизнеспособности «чистого» права (в отличие от чистого искусства), безусловно, предполагает взаимовлияние права и искусства. Право – тоже искусство. «Право – искусство добра и справедливости» (Цельс). Экспансионистская роль права – феномена культуры – во всех сферах жизнедеятельности человека предполагается. Но, очевидно, что даже если можно приказать искусству развиваться определенным образом (напр., Э. Неизвестный ярко описывает свою полемику с Н.С. Хрущевым по этому поводу), то результат политической реакции или, например, математической функции, компьютерного алгоритма будет самым непредсказуемым и, очевидно, далеким от *подлинного* искусства, в котором можно увидеть «отблески рая» (Варсонофий Оптинский). Значит, чистота искусства у Бронислава Мичиславовича – не условность, не допущение, не полемический фон, а *культурный канон*.

¹¹ «Литература – это совесть общества, его душа...» (Лихачев Д.С. Избр.: мысли о жизни, истории, культуре / Сост., вступ. ст. Д.Н. Бакуна. М.: Российский фонд культуры, 2006).

¹² В эпоху расцвета (!) протогреческой культуры (III–II тыс. до н. э., северная и центральная части Балканского п-ова) «письменность... существовала только в Передней Азии и Эгееде» [20].

сбалансированный» (Ф. Барбье) готический шрифт научных трактатов именовался *Rotunda*¹³.

То есть человек овладел фундаментальными знаниями в области точных наук (математики, астрономии и некоторых других), научился изобретательно и величественно строить (дворцы, ритуальные сооружения, сложные жилища, монументальные общественные здания и целые городские кварталы из камня, глины, сырцового кирпича и других подобных долговечных материалов), создавать уникальные малые архитектурные формы и шедевры декоративно-прикладного искусства, живописи и графики намного раньше, чем смог сносно писать и читать элементарные тексты, которые даже с большой натяжкой (с позиции сегодняшнего дня) нельзя назвать «литературными»¹⁴. Такой цивилизационный диссонанс! И он тоже должен учитываться, поскольку, как мотивировалось выше, творческая личность «во все времена» настаивала на проявлении уважения к результатам своей интеллектуальной деятельности. Настаивала с того самого момента, как приступила

к первым в истории цивилизации творческим актам, что не должно удивлять. Уважение к творчеству суть уважение к личности! Отсюда проистекает акцентированно эмоциональная, однако совершенно точная, яркая характеристика, данная авторскому праву одним из его величайших исследователей – Огюстеном-Шарлем Ренуаром: «Священное право, жизненный воздух, без которого человеческое достоинство не может дышать» [49]. Не товар, но достоинство! Не хлеб, но воздух! Не суть имущественное, но священное!

Критическое отношение Г.Ф. Шершеневича к «романистическим» истокам авторского права, сформулированное в русле дореволюционной цивилистической традиции, – это, с позволения сказать, некоторое упрощение подлинной многообразной картины жизни древних творцов и продуцируемой ими величественной социальной реальности. Жизни, которая так или иначе находилась в поле зрения магистратов и известным образом подчинялась регуляторным механизмам того времени.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1993. 223 с.
2. Алексеев С.С. Философия права. М.: Норма, 1997. 336 с.
3. Барбье Ф. Европа Гутенберга. Книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.) / Пер. с фр. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Марковой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 496 с.
4. Басин Ю.Г. Гражданское право как отрасль права // *Он же*. Избр. тр. по гражданскому праву. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 25–47.
5. Беляцкий С.А. Новое авторское право в его основных принципах. СПб.: Изд. Юрид. книжн. склада «Право», 1912. 151 с.
6. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2018. 416 с.
7. Борухович В.Г. Из истории плагиата (Литературные нравы Рима эпохи Августа) // *Античный мир и археология*. Вып. 3. Саратов. 1977. С. 148–149.
8. Бульвер-Литтон Э. Последние дни Помпеи. Пелэм, или Приключения джентльмена. Пер. с англ. М.: Правда, 1988. 768 с.
9. Веинке В. Авторское право. Регламентация, основы, будущее / Пер. с дат. П.В. Земцова; под ред. Б.Д. Панкина. М.: Юрид. лит., 1979. 232 с.
10. Геллий Авл. Аттические ночи / Под общ. ред. А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер. Кн. XI–XX. СПб.: Гуманитарная Академия, 2008. 448 с.

¹³ Очевидно созвучие с термином «ротонда» (от лат. *rotundus* – «круглый»). В русс. яз. слово «ротонда» проникло из итал., где *rotundus* превратилось в *rotonda*.

¹⁴ «Ведь мало и редко случалось в ту пору прибегать к письменам, хотя только они надежно сберегают память о свершившемся» (Liv., VI, 1, 2) [32].

11. Гонгало Б.М. «Есть такая школа!..» // Уральская школа цивилистики: прошлое, настоящее, будущее: Кафедра гражданского права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева – 75 лет / Вступ. слово, общ. ред. Б.М. Гонгало; авт.-сост. Б.М. Гонгало, Д.В. Братусь. М.: Статут, 2024. С. 9–13.
12. Гонгало Б.М. Есть только одна отрасль права... // Он же. Избр.: В 5 т. Т. 2: Гражданское право. 2003–2014. М.: Статут, 2021. С. 165–172.
13. Гонгало Б.М. Метод профессора О.А. Красавчикова // Он же. Избр.: В 5 т. Т. 2: Гражданское право. 2003–2014. М.: Статут, 2021. С. 62–77.
14. Гонгало Б.М. Мои учителя и друзья, Алексеев, Яковлев, Плетнев... М.: Статут, 2025. 196 с.
15. Гонгало Б.М. Предмет гражданского права // Он же. Избр.: В 5 т. Т. 2: Гражданское право. 2003–2014. М.: Статут, 2021 С. 20–37.
16. Гражданское право. В 3 т. Т. I. Учеб. для вузов (академ. курс) / Отв. ред. М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. Алматы, 2000. 704 с.
17. Гражданское право: учеб.: в 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. 5-е изд., перераб и доп. Т. 1. М.: Статут, 2023. 622 с.
18. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: АСТ; Астрель, 2011. 570 с.
19. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. ст. М: Статут, 2003. 416 с.
20. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов (часть II) // Вестник древней истории. 1982. № 4 (162). С. 3–30.
21. Дювернуа Н.Л. Пособие к лекциям по гражданскому праву. Часть особенная. Вып. I (Права вещные. Право авторское и промышленное). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 155 с.
22. Залесов А.В. Отчуждение личности изобретателя в пользу бренда владельца патентной монополии как ключевое отличие патентной системы от системы охраны авторских прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 4 (34). Декабрь. С. 105–111.
23. Интеллектуальные права: Учеб. / Под общ. ред. Е.А. Павловой. М.: Статут, 2023. 842 с.
24. Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права): Учеб. для вузов. М.: Норма; Инфра-М, 2000. 480 с.
25. Канторович Я.А. Авторское прав на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. 2-е изд., значит. доп. Пг.: Изд. «Брокгауз-Ефрон», 1916. 792 с.
26. Кашанин А.В. О проблеме распоряжения личными неимущественными правами автора // Вестник гражданского права. 2009. Т. 9. № 4. С. 43–98.
27. Кашанин А.В. Развитие взглядов на соотношение личных неимущественных и имущественных прав автора в доктрине авторского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 7. С. 88–99.
28. Красавчиков О.А. Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) // Он же. Категории науки гражданского права: Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2017. С. 465–477.
29. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав. Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. акад., 1994. 200 с.
30. Крашенинников П.В. Времена и право. М.: Статут, 2016. 256 с.
31. Крашенинников П.В. Наследники или ренегаты: государство и право «оттепели», 1953–1964. М.: Эксмо, 2025. 400 с.
32. Ливий Тит. История Рима от основания Города: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1989. 576 с.
33. Маковский А.Л. «Интеллектуальная собственность» в Конституции России // Служение праву: Памяти проф. В.А. Туманова посвящается: сб. ст. / Под ред. Д.А. Туманова, М.В. Захаровой. М.: Проспект, 2017. С. 276–285.
34. Марциал. Эпиграммы / Пер. с лат., вступ. ст. и коммент. Ф. Петровского. М.: Худож. лит., 1968. 488 с.
35. Матвеев А.Г. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства: учеб. пособ. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. 444 с.

36. *Матвеев А.Г.* Право авторства и право на неприкосновенность в российском и международном авторском праве. М.: Юрлитинформ, 2013. 216 с.
37. *Пиленко А.А.* Международные литературные конвенции. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1894. 569 с.
38. Письма Плиния Младшего. Кн. I–X. 2-е изд., перераб. / Пер. и прим. М.Е. Сергеенко и А.И. Доватура. М.: Наука, 1983. 408 с.
39. *Плиний Старший.* Естествознание. Об искусстве / Пер. с лат., предисл. и прим. Г.А. Тароняна. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
40. *Плутарх.* Избр. жизнеописания. В 2 т. Т. II. Пер. с древнегр. / Сост. и прим. М. Томашевской. М.: Правда, 1987. 608 с.
41. Право интеллектуальной собственности: учеб. Т. 2: Авторское право / Под общ. ред. Л.А. Новосёловой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 368 с.
42. *Спасович В.Д.* Права авторские и контрафакция. СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1865. 106 с.
43. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории: Сб. / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс, 2004. 640 с.
44. *Харитон.* Повесть о любви Херея и Каллирои // *Харитон, Лонг, Гелиодор.* Греческий роман: Пер. с древнегреч. / Сост., вступ. ст., прим. М. Томашевской. М.: Правда, 1988. С. 21–162.
45. *Хейфец И.Я.* Авторское право. М.: Сов. законодат-во, 1931. 216 с.
46. *Шершеневич Г.Ф.* Авторское право на литературные произведения. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1981. 322 с.
47. *Gastambide M.* Historique et Théorie de la propriété des auteurs. Paris: Cosse et Marchal, 1862. 132 p.
48. *Pouillet E.* Traité théorique et pratique de la propriété littéraire et artistique et du droit de représentation. Paris: Marchal, Billard et C°, 1879. 741 p.
49. *Renouard A.-Ch.* Traité des droits d'auteurs dans la littérature, les sciences et les beaux-arts. En 2 vol. Т. I. Paris: Jules Renouard et C°, 1838. 486 с.

Научная статья
УДК 347.78

Для цитирования:

Еремин Д.С. Критерии охраноспособности подготовительных материалов компьютерных программ по праву России и Европейского Союза // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2026. Март. № 1 (51). С. 47–54.

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_6

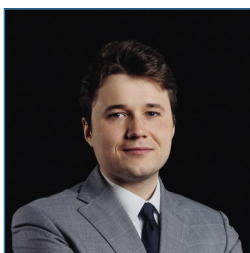
For citation:

Eremin, D.S. Criteria for the Protection of Computer Program Preparatory Design Material under Russian and European Union Law // Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam. 2026. March. N 1 (51). Pp. 47–54. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_6

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_6

Критерии охраноспособности подготовительных материалов компьютерных программ по праву России и Европейского Союза



Д.С. Еремин,
магистрант программы Цифровое право НИУ ВШЭ,
г. Москва, Россия
dseremin@edu.hse.ru

Автором предпринята попытка проанализировать законодательство и судебную практику России и Европейского Союза на предмет выявления подходов к правовому регулированию подготовительных материалов компьютерных программ. Актуальность исследования обусловлена существующим разрывом между техническими процессами разработки компьютерных программ и формальными требованиями закона.

В работе критически рассматриваются выявленные автором в ходе анализа ограничительные тенденции судебной практики (обозначенные в статье как «тест механического перевода»). На основе этого предлагается рассматривать подготовительные материалы в качестве самостоятельной формы выражения компьютерной программы, а для их квалификации применять разработанную автором трехуровневую систему абстракции.

Ключевые слова:

компьютерные программы; программы для ЭВМ; подготовительные материалы; архитектура программного обеспечения; техническая документация; псевдокод; критерий творчества

Введение

Доктринальная разработка правового режима подготовительных материалов компьютерных программ носит фрагментарный характер. Специализированные исследования по данной проблематике единичны, а в общих трудах, посвященных интеллектуальным правам, вопрос рассматривается без необходимой детализации.

Вопросы правового режима подготовительных материалов также недостаточно разработаны в судебной практике. При этом отдельные существующие решения¹ указывают на неправильное понимание данной категории судами, что может в отдельных случаях приводить к нарушениям прав авторов подготовительных материалов.

Институт подготовительных материалов был заимствован из европейского регулирования. Однако текущий подход в судебной практике в ЕС ставит вопрос о том, следует ли перенимать не только саму идею охраны подготовительных материалов, но и практику применения положений об их охране.

В данной статье рассматривается правовой режим подготовительных материалов с учетом практики ЕС и РФ. Автор ставит перед собой исследовательский вопрос: какие качественные характеристики объекта позволяют отнести информацию к подготовительным материалам компьютерной программы.

На основе анализа судебной практики, доктринальных подходов и технических стандартов предлагается система критериев для однозначной юридической квалификации таких материалов.

1. Право Европейского союза

Поскольку институт подготовительных материалов пришел в российское право из права Европейского союза, необходимо в первую очередь обратиться к европейскому регулированию.

Подготовительные материалы указаны как входящие в состав компьютерной программы («computer programs' shall include preparatory design material») в п. 1 ст. 1 *Директивы Европейского парламента и Совета ЕС № 2009/24/ЕС от 23 апреля 2009 г. о правовой охране компьютерных программ*, OJ L 111, 05.05.2009, p. 16–22 (далее – **Директива о компьютерных программах**).

В пункте 7 преамбулы Директивы о компьютерных программах уточняется, что охраняются такие подготовительные материалы при условии, что они позволяют на более поздней стадии создать компьютерную программу («provided that the nature of the preparatory work is such that a computer program can result from it at a later stage»).

В двух ключевых решениях Суда ЕС по вопросу охраны компьютерных программ также подчеркивалась способность подготовительных материалов привести к созданию программы на более поздней стадии².

Из этого следует очевидный вопрос: насколько далеко исходный код компьютерной программы (более поздняя стадия) должен быть от подготовительных материалов?

В комментарии З. фон Левински, подготовленном вскоре после принятия Директивы, указано, что подготовительные материалы должны включать в себя **все подготовительные этапы** создания программы с учетом ее окончательной структуры и формы, включая схемы потока данных, общее описание последовательности команд программы и т.д.³. Такой подход можно условно обозначить как широкий, поскольку из него не следует обязательное существенное ограничение творческого выбора программиста при последующем написании исходного кода программы.

В научных работах того же периода по этой проблематике указывалось, что при существенном ограничении творческой свободы программиста

¹ См. например: Постановление Второго КСОЮ от 3 декабря 2024 г. по делу № 88-29793/2024 // СПС Гарант.

² См: пункт 37 Решение Суда ЕС от 22 декабря 2010 г. по делу № C-393/09 (Bezpečnostní softwarová asociace – Svaz softwarové ochrany v. Ministerstvo kultury), ECLI:EU:C:2010:816 [Электронный ресурс] // EUR-Lex: офиц. сайт . URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX:62009CJ0393> (дата обращения: 5 февраля 2026 г.); п. 37 Решение Суда ЕС от 2 мая 2012 г. по делу № C-406/10 (SAS Institute Inc. v World Programming Ltd), ECLI:EU:C:2012:259 [Электронный ресурс] // EUR-Lex: офиц. сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX:62010CJ0406> (дата обращения: 5 февраля 2026 г.).

³ Walter M. M., von Lewinski S. *European Copyright Law: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 101.

соответствующая информация должна однозначно рассматриваться в качестве подготовительных материалов (например, в случае псевдокода⁴). Одновременно подчеркивалась необязательность сведения творческой свободы программиста к минимуму и возможность расширения объема охраны подготовительных материалов в конкретных случаях⁵.

По мере развития судебной практики широкий подход начал сменяться узким, под которым следует понимать признание подготовительными только таких материалов, которые позволяют создать программу без дополнительных творческих шагов программиста⁶. Предлагаем рассмотреть два наиболее известных и относительно новых дела из судебной практики стран ЕС.

DIPLOMATIC CARD v Forax

Указанный выше подход применяется в деле *DIPLOMATIC CARD v Forax*, которое было рассмотрено Верховным судом Нидерландов⁷. Спор возник в связи с созданием ответчиком спорной программы, имеющей функционал аналогичный тому, что был реализован в программе истца. Программа ответчика была разработана с привлечением бывших работников истца.

Одними из главных доводов истца являлось то, что спецификации его программы являются подготовительными материалами и были заимствованы ответчиком (11% текста совпали дословно) при разработке его собственных спецификаций, на основании которых была подготовлена спорная программа.

Довод про подготовительные материалы был успешно оспорен ответчиком со ссылкой на два обстоятельства: (а) в подготовительных материалах значительную часть занимает описание функциональности и (б) подготовительные материалы не позволяют создать программу на их основе без принятия творческого решения.

Верховный суд Нидерландов оставил без изменений позицию суда апелляционной инстанции, который отклонил аргумент о функциональности, но поддержал ответчика в аргументе (б). Суд указал: «Если для перехода от подготовительных материалов к компьютерной программе требуется еще этап программирования с выполнением творческих шагов, то, по мнению суда, нельзя говорить о подготовительных материалах, характер которых (уже) таков, что они впоследствии могут вылиться в компьютерную программу» (п. 6.5 апелляционного решения⁸). Вывод о необходимости дополнительных шагов суд обосновал заключением эксперта.

Стороной заявлялись и иные аргументы, в том числе об охране подготовительных материалов не в качестве компьютерной программы, а как обычного произведения, но они были отклонены судом.

DACOM v IPM

Другое дело было рассмотрено в Шведском суде по делу *Dacom v IPM*⁹ и аналогичным образом касалось вопроса применения критерия творческого шага для целей признания определенной информации подготовительными материалами к компьютерной программе. Это дело послужило

⁴ Псевдокод – это система обозначений, предназначенная для неформального представления идей в процессе разработки алгоритмов. Она может создаваться за счет ослабления правил формального языка программирования при использовании его синтаксических и семантических структур, смешанных с менее формальными конструкциями. Подробнее см. *Брукшир Дж. Г., Брилов Д.* Компьютерные науки. Базовый курс. 13-е изд. СПб.: Диалектика, 2019. С. 363–371.

⁵ *Research Handbook on the Future of EU Copyright* / ed. by *E. Derclaye*. Cheltenham; Northampton : Edward Elgar, 2009. P. 406.

⁶ *EU Copyright Law: A Commentary* / ed. by *I. Stamatouli, P. Torremans*. 2nd ed. Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar Publishing, 2021. P. 82.

⁷ Постановление Верховного суда Нидерландов (Hoge Raad) от 19 января 2018 г. по делу № 16/02711, ECLI:NL:HR:2018:56 [Электронный ресурс] // *Rechtspraak.nl* : офиц. сайт судебной системы Нидерландов. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:HR:2018:56> (дата обращения: 13 декабря 2025 г.).

⁸ Решение Апелляционного суда Гааги (Нидерланды) от 9 февраля 2016 г. по делу № ECLI:NL:GHDHA:2016:217 (*Diplomatic Card B.V. v Forax Ltd*) [Электронный ресурс] // *Rechtspraak.nl* : офиц. сайт судебной системы Нидерландов. – URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:GHDHA:2016:217> (дата обращения: 5 февраля 2026 г.).

⁹ Решение Апелляционного суда по патентным и рыночным делам (Швеция) от 3 апреля 2018 г. по делу № PMT 22-17 (*Dacom Limited v. IPM Informed Portfolio Management AB*) [Электронный ресурс] // *Sveriges Domstolar* : офиц. сайт судебной системы Швеции. – URL: <https://www.domstol.se/globalassets/filer/domstol/patentochmarknadsoverdomstolen/avgoranden/2018/pmt-22-17.pdf> (дата обращения: 5 февраля 2026 г.).

основанием для преюдициального запроса Шведского суда в Суд ЕС, но запрос не был рассмотрен по существу, что лишило нас предметного ответа Суда ЕС по вопросам, которые бы устранили описываемую неопределенность подготовительных материалов¹⁰.

Правовая позиция шведского суда, которая была сформирована до преюдициального запроса, состояла в том, что спорные спецификации не могут рассматриваться как подготовительные материалы, ибо существенный творческий выбор при создании программы остался за программистами, то есть позиция аналогична подходу Нидерландского суда.

По сути, текущую позицию европейских судов можно обозначить как «**тест механического перевода**» для целей определения объекта в качестве подготовительных материалов. Это означает, что подготовительный материал охраняется в качестве такового, только если он настолько детален, что позволяет создать исходный код без или с минимальными творческими решениями.

Данный подход поддерживается не всеми исследователями. Например, Люси Антуан в своей статье, посвященной подготовительным материалам, критикует его, указывая на фактическую бессмысленность особой правовой охраны подготовительных материалов при требовании настолько существенной детализации. Такой подготовительный материал – прямая инструкция становится другой формой представления исходного кода¹¹. Это приводит к тому, что к объекту, который специально отдельно поименован по той причине, что не является исходным кодом, сталкивается с ожиданием от него по сути свойств готового кода.

Причины предпочтения строгого подхода видятся в стремлении снизить риски монополизации идей и функциональности, а также обеспечить атрибуцию подготовительных материалов к конкретной программе.

Вопрос недопущения распространения охраны на идеи и функциональные элементы получил достаточную проработку в судебной практике и научной литературе, чтобы не стремиться решить его с помощью предельно узких границ охраны объектов.

Во-первых, естественным ограничителем выступает само по себе требование об оригинальности, которое было сформулировано на общеевропейском уровне в деле *Inforaq* и состоит в необходимости «свободного и творческого выбора автора», который невозможен, если выбор продиктован техническими ограничениями. Тема технического творчества в целом получила развитие в практике Суда ЕС: однозначно установлено, что если решение продиктовано исключительно техническими соображениями, то требование оригинальности не соблюдено¹² и правовая охрана не распространяется на те части произведения, которые исключительно функциональны¹³, при этом само по себе наличие технических ограничений при существовании пространства для свободного и творческого выбора не исключает правовой охраны объекта¹⁴.

Во-вторых, европейской практикой восприняты подходы США к исключению охраны идей, в том числе специфичные тесты для оценки охраноспособности компьютерных программ. В приведенных делах так или иначе прослеживаются идеи «*merger doctrine*», которая вошла в европейскую судебную практику после дела *Inforaq*¹⁵,

¹⁰ Определение Суда ЕС от 11 января 2019 г. о прекращении производства по делу C-313/18 // EUR-Lex: офиц. сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62018CB0313&qid=1770805115769> (дата обращения: 5 февраля 2026 г.).

¹¹ *Antoine L. Entwurfsmaterial im Schutzsystem der Software-Richtlinie: Chancen und Herausforderungen* // *Computer und Recht*. 2019. № 1. S. 3.

¹² пп. 30-31 Решения Суда ЕС от 12 сентября 2019 г. по делу № C-683/17 (*Cofemel*), EU:C:2019:721 // EUR-Lex: офиц. сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62017CJ0683> (дата обращения: 5 февраля 2026 г.).

¹³ Пункт 27 Решения Суда ЕС от 11 июня 2020 г. по делу № C-833/18 (*Brompton Bicycle*), EU:C:2020:461 // EUR-Lex: офиц. сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62018CJ0833&qid=1765643634689> (дата обращения: 5 февраля 2026 г.).

¹⁴ Там же. Пункт 26.

¹⁵ *Synodinou T.-E. The Foundations of the Concept of Work in European Copyright Law // Codification of European Copyright Law: Challenges and Perspectives* / ed. by T. Synodinou. – Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2012. P. 101.

а в деле BSA также практически дословно используется американский AFC-тест¹⁶. Он состоит в том, что перед сравнением двух программ требуется разделить программу на иерархические слои: от конкретного текста (кода) до общего замысла. После этого проводится «фильтрация», то есть исключаются идеи, технические стандарты, требования эффективности и части из общественного достояния. Далее производится сравнение только оставшегося охраняемого выражения с программой ответчика для установления факта существенного нарушения авторских прав на программу¹⁷.

В совокупности описанные выше подходы Суда ЕС и национальных судов стран-членов формируют «внутренний» арсенал правовых инструментов для эффективной борьбы с монополизацией идей каким-либо объектом, в том числе подготовительными материалами.

По второму вопросу – о необходимости отнесения подготовительных материалов к конкретной программе – стоит признать, что существование исключительного права на менее конкретизированные подготовительные материалы до создания конкретной компьютерной программы, к которой они относятся, создает риск предъявления требований о нарушении прав на такие подготовительные материалы ко множеству правообладателей компьютерных программ, черты которых можно узнать в подготовительных материалах. Впрочем, это можно преодолевать через концепцию параллельного творчества.

При этом текущее решение с исключением фактически какого-либо пространства для свободного и творческого выбора программиста выглядит не только несправедливым, но и абсурдным. На уровне теории, получается, что автор детализированных подготовительных материалов является единственным автором всей компьютерной программы, ибо только он совершает свободный и творческий выбор при ее создании.

Анализ эволюции европейского подхода к правовой охране подготовительных материалов позволяет сделать следующие выводы.

1. Современный тест «механического перевода» фактически приводит к отрицанию подготовительных материалов как самостоятельных объектов охраны. Если для признания материала охраняемым требуется такая степень детализации, которая исключает творческий вклад программиста, то разница между «подготовительным материалом» и «исходным кодом» (в иной форме записи) стирается.

Право охраняет объект не на этапе проектирования, а уже готовую архитектуру, что противоречит изначальному смыслу положений п. 7 преамбулы и п. 1 ст. 1 Директивы о компьютерных программах.

2. Стремление судов максимально сузить круг подготовительных материалов из опасения монополизации идей (функциональности) выглядит излишним. Существующий инструментарий (критерий оригинальности (*Infopaq*), исключение технически обусловленных решений (*Brompton Bicycle*) и заимствованный из американской практики *AFC-тест*) уже предоставляет судам достаточно механизмов для отделения охраняемой формы от неохраняемой идеи.

Дополнительное «отсечение» объектов на стадии признания их подготовительными материалами создает неоправданный барьер для правообладателей.

3. Узкий подход создает опасный прецедент в вопросе авторства. Утверждая, что подготовительный материал должен позволять создать программу «без творческого вклада», суды фактически признают автора таких материалов единственным автором итогового программного обеспечения, отводя программисту роль технического исполнителя (кодировщика). Это не соответствует реалиям индустрии, где проектирование и реализация представляют собой два взаимосвязанных, но самостоятельных творческих процесса.

¹⁶ Пункт 48 Решение Суда ЕС от 22 декабря 2010 г. по делу № C-393/09 (*Bezpečnostní softwarová asociace – Svaz softwarové ochrany v. Ministerstvo kultury*), ECLI:EU:C:2010:816 [Электронный ресурс] // EUR-Lex: офиц. сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX:62009CJ0393> (дата обращения: 5 февраля 2026 г.).

¹⁷ Подробнее про AFC-тест в США см. Решение Окружного суда Восточного округа Нью-Йорка от 12 августа 1991 г. по делу № 89-CV-0811 (*Computer Associates Int'l, Inc. v. Altai, Inc.*), 775 F. Supp. 544 (E.D.N.Y. 1991) [Электронный ресурс] // Justia US Law. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/775/544/1555579/> (дата обращения: 5 февраля 2026 г.).

2. Россия

2.1. Форма, часть или самостоятельное произведение?

Косвенно на выявление критерия охраноспособности подготовительных материалов влияет вопрос о том, являются ли они одной из форм компьютерной программы или же ее частью. Первый подход соответствует буквальному толкованию положения ст. 1261 ГК РФ: «Программой для ЭВМ является... совокупность данных и команд... включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ...». Подход к подготовительным материалам как к части произведения в свою очередь прямо закреплен в п. 81 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ППВС № 10): к «частям произведения могут быть отнесены в числе прочего... подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ...».

В литературе также встречается позиция о том, что подготовительные материалы должны охраняться как самостоятельные произведения в отрыве от программы¹⁸. Исходя из этого подхода, невозможно отрицать саму возможность охраны подготовительных материалов в качестве самостоятельных произведений, поскольку они могут носить творческий характер и быть выраженными в объективной форме. При этом такая позиция в части, где она отрицает возможность параллельной охраны в качестве одной из форм или части произведения, прямо противоречит ст. 1261 ГК РФ и п. 81 ППВС № 10 и, скорее, направлена на отрицание проблемы, чем на ее решение.

Разница между рассмотрением подготовительных материалов в качестве части или формы видится в том, что вопрос о специальных критериях, обсужденных выше, применим только если эти материалы рассматриваются в качестве одной из форм наряду с исходным и объектом кодом,

а также аудиовизуальными отображениями. Отнесение последних к одной из форм носит спорный характер, но этот вопрос не является предметом настоящей статьи.

Если подготовительные материалы рассматривать как самостоятельное произведение, то применимы описанные выше критерии, а если как часть произведения, то критерии их охраноспособности установлены в п. 7 ст. 1259 ГК РФ и п. 81 ППВС № 10: подготовительные материалы должны, сохранять узнаваемость в качестве части конкретного произведения при их использовании отдельно, быть самостоятельным результатом творческого труда и быть выраженными в объективной форме.

Разъяснения ППВС по поводу охраны частей произведений уже получили достаточно критики как в целом¹⁹, так и применительно конкретно к подготовительным материалам²⁰. Не будем воспроизводить ее полностью, но отметим два обстоятельства:

– критерий «узнаваемости в качестве части конкретного произведения» непосредственно в ГК РФ не упомянут и представляет собой один из случаев, когда пленум Верховного суда не толкует закон, а создает его;

– механически распространять данный критерий, который может корректно применяться к традиционным объектам авторского права, к техническим объектам по типу компьютерных программ может быть нецелесообразно в силу их функциональной природы и имманентного ей ограничения способности к узнаваемости. Более того, для компьютерных программ понятие «узнаваемости» абсурдно. Псевдокод или архитектурная схема не являются «узнаваемыми» частями исполняемого бинарного файла (.exe) ни для обычного пользователя, ни даже для эксперта, не прибегающего к глубокому ретро-анализу (reverse engineering). Если следовать разъяснениям ППВС буквально, то подготовительные материалы в принципе лишаются защиты как части произведения, поскольку

¹⁸ Смирнов Д.А. Проблемные аспекты определения программы для ЭВМ // ИС. Авторское право и смежные права. 2025. № 4. С. 73–81.

¹⁹ Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2021. С. 169–170.

²⁰ Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024. С. 127.

ку их связь с конечным объектом не визуальная или текстуальная, а логически последовательная и функциональная.

При этом в пункте 2 Информационной справки по вопросам, возникающим при применении п. 7 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (части произведения) (утв. постановлением президиума СИП от 28 декабря 2022 г. № СП-21/33)²¹ предложено оценивать узнаваемость части произведения путем сравнения используемого ответчиком произведения с произведением истца, то есть речь идет не про узнаваемость в силу широкой известности общественности, а про способность определить что-либо как часть произведения при непосредственном сопоставлении двух объектов.

Хотя такой подход мог бы увеличить вероятность признания определенной информации подготовительными материалами, его реальная применимость практически исключается указанием на то, что «для установления узнаваемости наличия специальных знаний или назначения экспертизы не требуется», поскольку определение логической последовательности и функциональной преемственности в подавляющем большинстве случаев потребует понимания технической стороны – как минимум, даже сравнение псевдокода с конкретным исходным кодом на определенном языке программирования требует знания семантики и синтаксиса этого языка программирования.

Можно сделать следующий промежуточный вывод:

– охрана в качестве самостоятельного объекта проблемы не решает, поскольку просто отрицает специальный режим подготовительных материалов, прямо предусмотренный в ст. 1261 ГК РФ. Между тем потенциальная охрана через соответствие общим критериям автором статьи не отрицается;

– охрана в качестве части произведения не подходит для подготовительных материалов, поскольку критерий узнаваемости приводит к практической невозможности такой охраны.

В связи с неприменимостью указанных двух режимов наиболее разумным является рассмотрение в качестве отдельной формы с применением особого критерия охраноспособности, как наиболее соответствующее тексту ГК РФ и техническим особенностям самого объекта.

2.2. Критерий охраноспособности

Как упоминалось во введении, вопрос об охране подготовительных материалов не получил достаточного внимания в доктрине и судебной практике.

Данный вопрос обсуждался на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 26 апреля 2022 г. (Протокол № 29²²). В рамках НКС были озвучены два подхода: первый (Е.А. Войниканис²³ и Е.М. Тиллинг²⁴) близок к европейскому подходу и предполагает отнесение к подготовительным материалам такие материалы, которые имеют творческий характер и могут впоследствии привести к созданию программы. Определение способности привести к созданию программы участниками дискуссии не уточнялось.

Второй подход можно условно обозначить как сверхширокий. В.О. Калятин указывает, что подготовительным материалом должен являться «любой объект, подготовленный в процессе разработки программного обеспечения и представляемый заказчику в рамках этого процесса»²⁵. Этому общему определению предшествует утверждение, что «любой текст, представленный при разработке программного обеспечения заказчику, например для утверждения функционала программы, должен рассматриваться как подготовительные материалы».

²¹ Информационная справка по вопросам, возникающим при применении п. 7 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (части произведения) (утверждена постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 декабря 2022 г. № СП-21/33) // СПС Гарант.

²² Протокол № 29 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2022. Вып. 3 (37). С. 5–27.

²³ Там же. С. 25–26.

²⁴ Там же. С. 26–27.

²⁵ Там же. С. 25.

Исходя из того, что текст для утверждения функционала программы, вероятнее всего, не является объектом авторского права, поскольку всецело обусловлен непосредственно функцией самой программы, можно предложить, что указанная позиция предполагает неприменение к подготовительным материалам критерия творчества при их создании.

В пользу данного критерия свидетельствует формулировка ст. 1261 ГК РФ, в которой в качестве уточнения к понятию подготовительных материалов используется лишь указание на их получение в ходе разработки компьютерной программы. Несмотря на это, отсутствуют основания для толкования этого уточнения таким образом, что общее правило о творческом вкладе к подготовительным материалам неприменимо. В связи с этим применение сверхширокого подхода рассматривается автором как нежелательное.

С учетом положений ст. 1228 ГК РФ и ст. 1261 ГК РФ как применение узкого критерия, аналогичного подходу в ЕС, так и применение сверхширокого подхода, видится необоснованным. Для поиска золотой середины можно обратиться к практическим аспектам разработки.

В российской доктрине были сформулированы различные подходы к рассмотрению отдельных объектов в качестве подготовительных материалов. Их обстоятельный обзор был сделан А.И. Савельевым, который выделил следующие объекты:

- сам алгоритм²⁶;
- черновики компьютерной программы; инструкция для пользователей²⁷;
- самостоятельные РИД при наличии творческого оформления²⁸;

– неохрانية совокупность результатов умственной деятельности различных лиц, включая автора будущего произведения, выраженных в какой-либо объективной форме²⁹.

Сам А.И. Савельев предлагает относить к подготовительным материалам следующее:

– системную документацию, описывающую архитектуру и дизайн программы, ее составные элементы и взаимосвязи между ними, функциональные и нефункциональные требования; документацию, полученную в ходе тестирования программы;

– псевдокод программы;

– промежуточные версии программы³⁰.

Данный перечень объектов, которые могут быть отнесены к подготовительным материалам, представляется автору статьи наиболее корректным, однако из него следует исключить промежуточные версии программы, а также отдельно оценить включение в него документации, полученной в ходе тестирования.

Рассмотрение промежуточных версий в таком качестве видится категориальной ошибкой, поскольку они относятся к *другой форме* компьютерной программы, а именно к исходному тексту, представляя собой код, написанный на исходном языке программирования, таком как язык ассемблера и/или язык высокого уровня, в машиночитаемой форме, пригодной для ввода в ассемблер или компилятор³¹. Неоконченность произведений не исключает их правовой охраны (п. 80 ППВС № 10), а применительно к компьютерным программам в пользу охраноспособности неоконченных программ дополнительно свидетельствует ее предназначенность для функционирования ЭВМ,

²⁶ Гришаев С.П. Программы для ЭВМ по новому законодательству РФ. 2007 (подготовлено для СПС «КонсультантПлюс») // Цит. по: Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024. С. 114.

²⁷ Щербак Н.В. Digital art в условиях электронной коммерции // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 7 // Цит. по: Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024. С. 115.

²⁸ Позиция Е.М. Тиллинг. Протокол заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 26 апреля 2022 г. № 29 [Электронный ресурс] // Цит. по: Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024. С. 116.

²⁹ Витко В.С. Попытка толкования вопросов, возникающих при применении п. 7 ст. 1259 ГК РФ // Хозяйство и право. – 2022. – № 9. – С. 3–26 // Цит. по: Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024. С. 116.

³⁰ Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024. С. 122–123.

³¹ Пункт 5.19 ГОСТ Р 51904-2002 «Государственный стандарт Российской Федерации. Программное обеспечение встроенных систем. Общие требования к разработке и документированию», утв. и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 25 июня 2002 г. № 247-ст, далее – ГОСТ Р 51904-2002.

а не сама функциональность, что допускает охрану даже не функционирующих в силу своей незавершенности программ. Подготовительные материалы, в свою очередь, были изначально введены в право ЕС как нечто, что программу еще собой не представляет и существует наряду с исходным кодом и объектным кодом, отражаясь в них³².

В части документов о тестировании неоднозначен творческий вклад тестирующего в их создание. Содержание баг-репортов, чек-листов и технических отчетов полностью предопределено архитектурой ПО и логикой процесса тестирования, то есть тестирующий по сути является «оператором стандарта»: здесь отсутствует «свободный творческий выбор», так как любой квалифицированный специалист в аналогичных условиях зафиксировал бы те же данные схожим образом.

Таким образом, итоговый примерный перечень объектов, которые можно потенциально определить как подготовительные материалы по мнению автора статьи выглядит следующим образом:

- системная документация, описывающую архитектуру и дизайн программы, ее составные элементы и взаимосвязи между ними;
- функциональные и нефункциональные требования³³;
- псевдокод программы.

Если посмотреть на каждый из этих объектов, то различие между ними в том, что каждый из них отделяет от готового работающего кода разное количество шагов.

Функциональные требования описывают входные данные и их источники, обработку, выходные данные (стандарт IPO – Input-Process-Output³⁴).

Системная документация определяет архитектуру и дизайн программы: ее фундаментальную

организацию, составные элементы (компоненты) и все типы взаимосвязей между ними и внешней средой³⁵. Она переводит функциональные требования на уровень конкретных решений, определяя иерархию модулей, логическую структуру данных и интерфейсы взаимодействия³⁶.

Хотя термин «псевдокод» отсутствует в тексте ISO/IEC/IEEE 29148:2018, технический стандарт фактически требует достижения аналогичного уровня детализации при описании функций ПО. Согласно стандарту, документация на ПО должна определять «точную последовательность операций» и «формулы преобразования данных»³⁷. Требования к ПО приобретают характеристику «однозначности»³⁸, что преобразует их в логическую модель программы, исключающую случайности и выбор, то есть сводит к минимуму или исключает творческий вклад.

По сути, каждый из документов отличается от другого степенью абстракции и накладывает определенный набор ограничений на последующие подготовительные документы и на будущий исходный код. Эти наборы ограничений, собственно, определяют уровень творческой свободы при написании непосредственно исходного кода, устанавливая одновременно перечень решаемых задач.

Вывод об отнесении той или иной информации к подготовительным материалам должен основываться на возможности и степени ограничения творческой свободы при дальнейшем написании кода и возможности атрибуции. Определение именно этих двух моментов позволяет отделить проработку бизнес-потребности от разработки программы. Определение момента, когда была начата именно разработка программы, а не проработка абстрактной идеи, является ключевым для отнесения той или иной информации к под-

³² Walter M. M., von Lewinski S. *European Copyright Law: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 100.

³³ Предполагается, что речь идет только о таких требованиях, создание которых требовало творческого вклада (условно, нетривиальных). Не предлагается рассматривать как подготовительные материалы функциональные требования, стандартные для программ определенного вида.

³⁴ Пункты 9.6.10 и 9.6.12 ISO/IEC/IEEE 29148:2018 Программная и системная инженерия. Процессы жизненного цикла. Разработка требований.

³⁵ Там же. Пункт 6.2.3.

³⁶ Там же. Пункт 9.5.2.

³⁷ Там же. Пункт 9.6.12.

³⁸ Там же. Пункт 5.2.5.

готовительным материалам, поскольку именно создание при разработке компьютерной программы названо единственным признаком подготовительных материалов в ст. 1261 ГК РФ.

Степень ограничений определяется в свою очередь уровнем абстракции. На примере трех документов, которые можно рассмотреть как подготовительные материалы, предлагается сформулировать три степени абстракции для целей отнесения того или иного объекта к подготовительным материалам: низкую, среднюю и высокую.

1. Низкая степень абстракции

Всегда является подготовительным материалом при соблюдении общих условий охраноспособности. Примером является псевдокод.

Представляет собой исчерпывающий набор ограничений на логику, который полностью исключает или сводит к минимуму свободный и творческий выбор при написании непосредственно кода (детерминизм). Его признаком также должно являться полное соответствие между шагом документа и шагом кода («однозначность» по стандарту ISO/IEC/IEEE 29148:2018); возможность автоматизированной или механической трансляции в исходный код без потери смысла.

2. Средняя степень абстракции

Является подготовительным материалом при соблюдении общих условий охраноспособности и специфичности структуры для конкретной программы, что создает потенциальную возможность однозначной атрибуции.

Примером является системная архитектура, детальное описание структуры базы данных, описание интерфейсов взаимодействия компонентов.

Накладывает структурные ограничения на исходный код программы. Определяет состав компонентов и правила их взаимодействия, создавая «коридор», внутри которого должен действовать программист, но оставляя свободу в реализации внутренней логики отдельных модулей.

К признакам можно отнести наличие четких границ элементов системы (декомпозиция); фиксация форматов обмена данными.

3. Высокая степень абстракции

Никогда не является подготовительным материалом.

Пример: Бизнес-требования, Vision (видение продукта), пользовательские сценарии (User Stories), общее описание назначения программы.

Накладывает декларативные ограничения («что» программа должна делать), но не содержит ограничений на реализацию («как» она это делает). Оставляет исполнителю существенное количество вариантов выбора логической структуры и алгоритмов.

Признаком является описание системы в терминах «проблемной области» (предметной среды), а не технического ответа. Отсутствие указаний на конкретные алгоритмические шаги или архитектурные связи.

Данный подход может быть подтвержден практикой Суда по интеллектуальным правам в сфере архитектуры. Так, в деле № А02-477/2022³⁹ суд указал, что техническая документация, определяющая лишь функционально-технологические решения и материалы, не подлежит правовой охране, поскольку в ней не выражен творческий замысел. Аналогично, бизнес-требования, описывающие функциональную задачу, а не творческую реализацию, не могут считаться подготовительными материалами.

Предложенная классификация призвана разграничить ситуации, когда выявление бизнес-потребности переходит в стадию подготовки конкретного решения, то есть начинается именно процесс разработки конкретной программы. Видится, что той самой границей является средняя степень абстракции.

На основании проведенного анализа правового режима подготовительных материалов в Российской Федерации автор приходит к следующим выводам.

1. Установленный в п. 81 ППВС № 10 критерий «узнаваемости» непригоден для компьютерных программ. В силу технической специфики подготовительные материалы (архитектура, псевдокод) связаны с итоговым кодом не визуально или текстуально, а логически и функционально. Следование букве разъяснений Пленума ВС РФ фактиче-

³⁹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 февраля 2023 г. по делу № А02-477/2022 // СПС Гарант.

ски лишает подготовительные материалы правовой защиты как части произведения. Автор считает, что этот режим в целом не должен применяться к подготовительным материалам.

2. Наиболее адекватным подходом, соответствующим ст. 1261 ГК РФ, является рассмотрение подготовительных материалов как самостоятельной формы существования программы, что позволяет отойти от критерия узнаваемости и применять специфические критерии охраноспособности.

3. Автор полагает необоснованным «сверхширокий» подход, относящий любые материалы к подготовительным, поскольку он приводит к необоснованному отказу от критерия творческого вклада для признания того или иного объекта результатом интеллектуальной деятельности.

4. Предлагается трехуровневая система абстракций для определения правового режима материалов:

1) **низкая степень (псевдокод)**, предполагающая безусловную охрану из-за детерминизма последующего кода;

2) **средняя степень (архитектура, интерфейсы)**, предполагающая охрану при условии специфичности структуры, создающей возможность атрибутировать подготовительные материалы с высокой степенью достоверности;

3) **высокая степень (бизнес-требования)**, предполагающая отсутствие охраны в качестве подготовительных материалов из-за декларативного характера и отсутствия ограничений на техническую реализацию.

Граница между средней и высокой степенью абстракции является юридически значимым моментом перехода от «идеи» к началу процесса разработки конкретной компьютерной программы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что текущий правовой режим под-

готовительных материалов находится в состоянии «онтологического разрыва» между технической реальностью разработки и формальными требованиями законодательства и судебной практики.

1. Европейский опыт показывает, что сведение охраны материалов к «пред-коду» обесценивает сам институт подготовительных материалов. Правовая охрана должна начинаться раньше. Предположительно, на этапе, когда творческий замысел автора преобразуется в конкретную техническую структуру, ограничивающую, но не исключающую дальнейшее творчество программиста.

2. Подготовительные материалы следует квалифицировать не как часть произведения (во избежание поиска в них «узнаваемости» по смыслу п. 81 ППВС № 10), а как самостоятельную форму выражения компьютерной программы наряду с исходным текстом и объектным кодом. Это соответствует буквальному прочтению ст. 1261 ГК РФ и снимает проблему невозможности физического обнаружения архитектуры или псевдокода в скомпилированном бинарном файле.

3. Отсутствуют основания для исключения подготовительных материалов из-под действия общего критерия творчества, как предлагается отдельными исследователями. При этом для отнесения тех или иных объектов к подготовительным материалам требуется установить их возможное влияние на исходный код для целей признания их полученными именно при разработке. Для этого предлагается использовать тест на степень абстракции.

Юридически значимым порогом является переход от высокой степени абстракции (бизнес-идей) к средней (системной архитектуре). Именно на этом уровне возникает объект, способный к атрибуции к будущему исходному коду, и, как следствие, возникают основания для его правовой охраны.

Список литературы:

1. Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 546 с.
2. Протокол № 29 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 26 апреля 2022 г. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 3 (37). – С. 5–27.

3. *Савельев А.И.* Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения / А.И. Савельев. – Москва : Статут, 2024. – 620 с.
4. *Смирнов Д.А.* Проблемные аспекты определения программы для ЭВМ // ИС. Авторское право и смежные права. – 2025. – № 4. – С. 73–81.
5. *Antoine, L.* Entwurfsmaterial im Schutzsystem der Software-Richtlinie: Chancen und Herausforderungen / L. Antoine // Computer und Recht (CR). – 2019. – № 1. – S. 1–7.
6. Codification of European Copyright Law: Challenges and Perspectives / ed. by T. Synodinou. – Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2012. – 408 p.
7. EU Copyright Law: A Commentary / ed. by I. Stamatoudi, P. Torremans. – 2nd ed. – Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2021. – 1248 p.
8. European copyright law: a commentary / ed. by M. M. Walter, S. von Lewinski. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 1555 p.
9. Research Handbook on the Future of EU Copyright / ed. by E. Derclaye. – Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2009. – 672 p.

Научная статья
УДК 347.78

Для цитирования:

Кучерук И.В., Козлов Д.В., Мартьянова Д.М. Критерии охраноспособности произведений архитектуры: теоретико-правовой анализ // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2026. Март. № 1 (51). С. 63–67.

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_7

For citation:

Kucheruk, I.V., Kozlov, D.V., Martyanova, D.M. Criteria for the protectability of architectural works: theoretical and legal analysis // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2026. March. N 1 (51). Pp. 63–67. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_7

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_7

Критерии охраноспособности произведений архитектуры: теоретико-правовой анализ



И.В. Кучерук,

доктор культурологии,
профессор кафедры дизайна и архитектуры Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева,
заведующая кафедрой дизайна и архитектуры Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева,
г. Астрахань, Россия
ID РИНЦ 363178



Д.В. Козлов,

магистр юриспруденции по направлению «правовая охрана интеллектуальной собственности»,
исполнительный директор Научно-исследовательского института защиты интеллектуальной собственности (НИИ ЗИС),
г. Москва, Россия
ID РИНЦ: 1313356



Д.М. Мартьянова,

специалист по специальности «Судебная экспертиза»,
аналитик Научно-исследовательского института защиты интеллектуальной собственности (НИИ ЗИС),
г. Москва, Россия

Статья посвящена теоретико-правовому анализу критериев охраноспособности произведений архитектуры в контексте действующего законодательства и судебной практики. Особое внимание уделяется разграничению архитектурного проекта как технического решения и архитектурного произведения как объекта авторского права. На основе анализа нормативных актов, международных соглашений, научных подходов и практики производства судебных экспертиз формулируются ключевые признаки, свидетельствующие о наличии авторско-правовой охраны. Подчеркивается необходимость дальнейшего развития правовой базы и методологии экспертной оценки, в том числе при рассмотрении споров о переработке архитектурных объектов. Материалы исследования могут быть использованы для совершенствования судебной практики в сфере интеллектуальной собственности и при проведении судебных экспертиз архитектурных произведений. Проведенный анализ способствует углублению теоретического понимания правовой природы архитектурных произведений и формированию единых подходов к их правовой защите.

Ключевые слова:

судебная экспертиза; авторское право; архитектурное произведение

Важным этапом в развитии правовой охраны архитектурных произведений стало присоединение Российской Федерации к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 13 марта 1995 г. Согласно статье 2 Конвенции охране подлежат: «произведения архитектуры», и «иллюстрации, карты, планы, эскизы и пластические произведения относящиеся к архитектуре». Таким образом, международное право признает значимость как творческой идеи, так и ее проектного выражения, придавая особое значение единству художественного и технического начал в архитектуре.

В соответствии со ст. 1270 и 1294 ГК РФ использованием архитектурного произведения является как разработка документации для строительства, так и практическая реализация архитектурного, градостроительного или садово-паркового проекта. При этом по смыслу абзаца четвертого ст. 2 Закона об архитектурной деятельности, как архитектурный проект, так и построенный архитектурный объект содержат в себе архитектурное решение – авторский замысел архитектурного объекта – его внешнего и внутреннего облика, пространственной, планировочной и функциональной организации, зафиксированный в архитектурной части документации для строительства и реализованный в построенном архитектурном объекте.

Учитывая специфику архитектурной деятельности, заключающуюся в двухступенчатом порядке воплощения архитектурного решения, законодатель предусмотрел две формы его объектива-

ции (существования): как в форме произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, так и в форме проектов, чертежей, изображений и макетов (абз. 9, п. 1, ст. 1259 ГК РФ), охраняемых авторским правом.

Традиционно считается, что авторское право охраняет форму произведения, но не его содержание. Произведения архитектуры обладают особой спецификой, обусловленной их двойной природой. С одной стороны, они предназначены для удовлетворения определенных материальных потребностей человека, а с другой – призваны вызывать у него эстетическое и художественное восприятие. Таким образом, архитектура сочетает в себе утилитарное и художественное начала.

Вместе с тем принципиальное значение для определения охраноспособности произведений архитектуры имеет именно разграничение художественно-творческих и утилитарно-технических элементов. Утилитарная составляющая архитектурного объекта, обусловленная исключительно функциональными, конструктивными, инженерными, санитарно-техническими, экономическими или эксплуатационными требованиями, не подлежит охране средствами авторского права. Если внешний облик объекта недвижимости предопределяется исключительно техническими параметрами, требованиями энергоэффективности, стандартизации, типизации или минимизации затрат, и при этом у автора отсутствует свобода творческого выбора, то такой объект не может быть признан произведением архитектуры

в смысле авторского права. В подобной ситуации архитектурное решение фактически сводится к техническому результату, а не к художественному выражению авторского замысла.

Ярким примером являются типовые жилые дома массовой застройки советского периода, внешний облик которых формировался в условиях жесткой нормативной регламентации, унификации проектных решений и приоритета функциональности над индивидуализацией. В таких объектах визуальное сходство зданий обусловлено не заимствованием творческих решений, а объективной обусловленностью формы техническими и экономическими требованиями, что, в свою очередь, исключает наличие самостоятельного произведения архитектуры как объекта авторского права.

Таким образом, только наличие у архитектора возможности и реализации свободного творческого выбора при формировании внешнего и внутреннего облика объекта позволяет говорить о произведении архитектуры, охраноспособном в рамках авторского права; в противном случае речь идет о неохраноспособном утилитарном результате архитектурно-строительной деятельности.

На примере произведений архитектуры можно увидеть, что специфика этих произведений заключается в том, что «основную ценность имеет содержание архитектурно-планировочных идей, а не внешняя форма их выражений»[1]. Обычные чертежи, макеты и т.п., конечно, признаются объектами авторского права при их творческом характере, однако они существуют именно как автономные объекты: так, в соответствии с п. 3 ст. 1270 ГК РФ, практическое применение положений, составляющих содержание произведения, не является использованием произведения. В литературе подчеркивается, что эта норма хорошо сочетается с положением об охране формы, но не содержания произведения[2]. Так, например, производство вертолета по правомерно обнародованным чертежам по нормам авторского права не относится к числу нарушений исключительного права (для охраны интеллектуальных прав в данном случае требуется, чтобы решение, содержащееся в чертежах, было запатентовано или отнесено к секретам производства). А вот для проектов, чертежей, изображений и макетов, относящихся к произведениям архитектуры, в п. 3 ст. 1270 ГК РФ сделано

прямое исключение: их практическое воплощение в форме архитектурного объекта без согласия правообладателя не допускается. Таким образом, в российском авторском праве устанавливается охрана решений, т.е. содержания произведения, – этот случай справедливо называют уникальным[3].

В современных публикациях характеристика произведений литературы, науки и искусства нередко основывается на высказываниях В.И. Серебровского, О.С. Иоффе, Э.П. Гаврилова. Так, В.И. Серебровский отмечал, что творчество – это сознательный и в большинстве случаев весьма трудоемкий процесс, имеющий своей целью достижение определенного результата[4]. По мнению О.С. Иоффе, творчество является интеллектуальной деятельностью, завершающейся производящим актом, в результате которого появляются новые понятия, образы и (или) формы их воплощения, представляющие собой идеальное отражение объективной действительности[5]. Э.П. Гаврилов определяет творчество как деятельность человека, порождающую нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и уникальностью[6]. Большинство исследователей в области гражданского права (цивилистов) сходятся во мнении: для признания произведения охраноспособным оно должно обладать двумя основными признаками – быть результатом творческой деятельности и иметь объективную форму выражения.

Архитектура, как один из видов искусства, представляет собой форму творческого самовыражения, воплощенного в материально-предметной среде. В этой связи под произведением архитектуры можно понимать совокупность идей и образов внешнего и внутреннего вида определенного объекта, выраженных в виде проекта, чертежа, изображения, макета.

Производство судебных экспертиз, где объектом исследования являются произведения архитектуры, сопряжено с рядом методологических сложностей. Во-первых, отсутствует единая научная база, систематизирующая критерии оценки творческого характера архитектурных решений. Во-вторых, наблюдается недостаточная разработанность методик сравнительного анализа архитектурных объектов на предмет установления переработки ранее созданных произведений.

Чтобы отнести архитектурный проект к архитектурному произведению, следует выявить признаки, свидетельствующие об охраноспособности результата интеллектуальной деятельности. При этом действующее законодательство не предусматривает юридических критериев отнесения архитектурного проекта к произведению. Необходимым критерием признания того или иного объекта творческим результатом, охраняемым нормами авторского права, являются самостоятельные усилия автора по его созданию, которые приводят к возникновению произведения, имеющего отличия от других произведений того же рода.

Объект может получить авторско-правовую охрану, даже если его реализация была обусловлена техническими соображениями, при условии, что это не мешает автору отражать свою личность в этом объекте, осуществляя свою свободную волю, выбор. С учетом этого для разрешения вопроса о наличии авторско-правовой охраны объекта необходимо установить, проявил ли его автор выбором формы продукта свои творческие способности оригинальным способом, сделав свободный и творческий выбор и моделирование продукта таким образом, чтобы отразить его личность, является ли это результатом интеллектуального творчества, в связи с тем, что через эту форму автор произведения оригинальным образом выражает свои творческие способности, делая свободный и творческий выбор, отражая свою личность. Правовая позиция изложена в определении Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 г. № 5-КГ21-14-К2.

В связи с этим представляется целесообразным опираться на теоретические подходы, выработанные в научной литературе. Так, Голованов Н.М. и Маркелов И.Д. в своих трудах предлагают в качестве основных критериев охраноспособности архитектурного проекта рассматривать новизну, оригинальность и способность к воплощению в натуре[7]. Подобная позиция представляется обоснованной и находит поддержку в настоящем исследовании.

Архитектурный проект является новым, если совокупность его существенных признаков не была известна ранее. Новизна обеспечивает уникальность проекта по сравнению с уже существующими решениями. Действующее российское

законодательство прямо указывает на то, что новизна (объективная новизна) является условием охраноспособности объектов патентного, но не авторского права (ст. ст. 1350–1352 ГК РФ). Однако учитывая, что в российском авторском праве устанавливается охрана решений, т.е. содержания произведения, критерий субъективной новизны (отсутствие сознательного или бессознательного копирования) представляется обоснованным. Архитектурный проект является оригинальным, если его существенные признаки обусловлены творческим характером труда автора. Оригинальность свидетельствует о наличии творческого вклада автора. Архитектурный проект является способным к воплощению в натуре, если он может быть реализован с учетом уровня развития современной строительной техники и строительных материалов. Возможность воспроизведения является именно самостоятельным признаком произведения. Способность к воплощению в натуре подтверждает практическую реализуемость замысла с учетом актуального технического уровня. Наличие у авторского произведения всей совокупности квалификационных признаков позволяет отнести это произведение к числу объектов авторских прав и распространить на него авторско-правовую охрану.

Для установления факта неправомерного использования архитектурного произведения необходимо выявление в спорном объекте идеи, замысла (архитектурного решения) и сравнение его с архитектурным решением, воплощенным в охраняемом объекте, независимо от того, какую объективную форму (архитектурного проекта или архитектурного объекта) имели сравниваемые решения. Правовая позиция изложена в Постановлении Президиума ВАС РФ №7697/12 от 6 ноября 2012 г. То есть допустимо не только сравнение проектов или проектов с объектами, но и сравнение характеристик архитектурных объектов.

Отличительной особенностью архитектурного произведения является то, что его сущность может быть охарактеризована только видимыми признаками внешнего вида изделия. Так, например, конструктивные признаки архитектурного произведения, невидимые в процессе эксплуатации (материал несущих конструкций, способ крепления элементов, особенности инженерных систем, состав

растворов, технология монтажа, прокладка коммуникаций, армирование, фундаментные решения), не могут являться признаками, охраняемыми авторским правом.

Таким образом, объект авторского права в архитектуре определяется тем, что воспринимается зрительно. Рассмотрим подробнее перечень признаков, определяющих внешний вид архитектурного произведения, перечень является открытым и находится в прямой зависимости от авторского замысла.

1. Общая форма и силуэт. Композиция объекта; пропорции основных объемов; выразительность силуэта и силуэтные акценты (например, купола, башни, шпили).

2. Конфигурация и пластика элементов. Очертания фасадов, кровли, окон, дверей; особенности арок, лестниц, колонн, куполов; пластика линий и их соотношение.

3. Пропорции и ритм. Система соотношений между частями здания; ритмичное повторение элементов (оконных проемов, колоннад, аркад); баланс горизонталей и вертикалей.

4. Декоративное оформление. Архитектурный декор: лепнина, резьба, орнаменты, барельефы; использование художественных вставок (витражей, скульптур); уникальные авторские узоры.

5. Цветовое решение. Колористика фасадов; сочетание цветов и фактур; художественная роль цветовых акцентов (например, контрастные окна или кровля).

6. Фактура и материалы отделки (в восприятии). Видимая текстура камня, кирпича, стекла, металла, дерева; визуальная роль комбинации материалов (например, сочетание бетона и стекла).

7. Художественное единство ансамбля. Взаимное расположение корпусов, крыльев, башен; гармония объекта с окружением (ландшафтом, застройкой); замысел ансамбля как единого целого.

8. Пространственная организация. Планировочная структура (центральная, осевая, радиальная и др.); организация входных групп и зон общественного доступа; пространственные доминанты.

Таким образом, развитие правового механизма охраны архитектурных произведений требует, как совершенствования нормативной базы, так и систематизации научных и экспертных подходов. Предлагаемые в статье критерии могут быть положены в основу как для оценки охраноспособности архитектурных произведений, так и для урегулирования споров о правомерности их использования в судебной практике. Архитектурные произведения обладают сложной и многогранной правовой природой, сочетающей художественные и утилитарно-технические элементы. Это предопределяет необходимость особого подхода к их правовой охране, а также разработки единых экспертных методик оценки творческого характера архитектурных решений.

Список литературы:

1. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2007. С. 150–151.
2. Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. С. 234 (п. 21 комментария к ст. 1270 ГК РФ; автор – Э.П. Гаврилов).
3. Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. С. 97.
4. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. – М., 1956. – С. 34.
5. Иоффе О.С. Советское гражданское право: В 3 т. Т. 3. Л., 1965. С. 5.
6. Гаврилов Э.П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития. М., 1984. С. 83.
7. Право интеллектуальной собственности на произведение архитектуры и его защита в судах Российской Федерации: учеб. пособие / Н.М. Голованов, И.Д. Маркелова; СПбГАСУ. – СПб., 2016.

Научная статья
УДК 347.77

Для цитирования:

Дарков А.Н., Колобова К.А., Баспанов А.Р. Проблемы действующего регулирования института принудительного лицензирования в фармацевтической отрасли // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2026. Март. № 1 (51). С. 68–74.

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_8

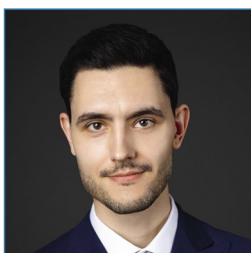
For citation:

Darkov, A.N., Kolobova, K.A., Baspanov, A.R. Problems with the Current Regulation of Compulsory Licensing in the Pharmaceutical Industry // Zhurnal Suda po intellektual'ny'm pravam. 2026. March. N 1 (51). Pp. 68–74. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_8

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_8

Проблемы действующего регулирования института принудительного лицензирования в фармацевтической отрасли



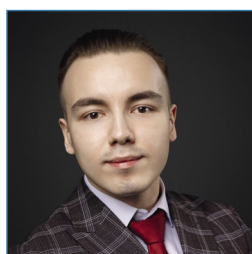
А.Н. Дарков,

советник, руководитель практики «Интеллектуальная собственность» Verba Legal, адвокат,
г. Москва, Россия



К.А. Колобова,

старший юрист Verba Legal
г. Москва, Россия



А.Р. Баспанов,

юрист Verba Legal,
г. Москва, Россия

Статья посвящена рассмотрению актуальных проблем регулирования института принудительного лицензирования, установленного действующей редакцией п. 1 ст. 1362 ГК РФ, посвященной выдаче принудительной лицензии на основании недостаточного использования технического решения правообладателем, вызывающего недостаточное предложение товаров, работ или услуг. Авторы проводят анализ нормативно-правовых актов, практики правоприменения, и выдвигают предложения по устранению проблем действующего регулирования применительно к спорам между фармацевтическими компаниями. Актуальность статьи связана с резким увеличением споров в области принудительного лицензирования патентов в области фармацевтики в России. Новизна статьи заключается в предложении авторами конкретных способов определения критериев, требующих оценки судом при рассмотрении требования о выдаче принудительной лицензии. Подходы к определению таких критериев не были с достаточной подробностью раскрыты в предыдущих правовых исследованиях.

Ключевые слова:

принудительное лицензирование; принудительная лицензия; патент; исключительное право; лекарственный препарат

В ходе исторического развития правопорядков, роста роли инноваций, интеллектуально-го труда в экономике появилась необходимость в предоставлении авторам серьезных правовых гарантий защиты их интересов, что послужило основанием для обеспечения их монопольным правом на использование созданных ими результатов интеллектуальной деятельности. Подобные положения содержатся и в современных правопорядках, в частности, в праве Российской Федерации, в форме исключительного права на объекты интеллектуальной собственности. Между тем, несмотря на абсолютный характер подобных прав, с момента их появления была очевидна необходимость в соблюдении баланса между интересами патентообладателя и интересами общества. В силу этого исключительные права патентообладателей ограничивались в части сроков их действия, допустимых без разрешения способов использования, к примеру, в научных целях. Одним из подобных ограничений стал институт принудительного лицензирования.

Как отмечает А.Ю. Иванов, принудительное лицензирование – это широкая категория инструментов¹. Нельзя не согласиться с данной позицией, поскольку в разных правопорядках действуют различные административные, судебные механизмы реализации данного исключительного института.

В связи с этим необходимо сделать уточнение о том, что в данной статье будут рассмотрены конкретно положения п. 1 ст. 1362 ГК РФ о выдаче принудительной лицензии в силу недостаточного использования технического решения патентообладателем, проблемы действующей редакции указанного пункта, а также будут выдвинуты предложения по решению выявленных проблем правоприменения.

Оценочные критерии, установленные в п. 1 ст. 1362 ГК РФ

В соответствии с п. 1 ст. 1362 ГК РФ, патентообладатель обязан выдать лицензию любому лицу, желающему и готовому использовать его изобретение, полезную модель или промышленный образец, в случае если изобретение или промышленный образец не используются либо недостаточно используются патентообладателем в течение четырех лет со дня выдачи патента, а полезная модель – в течение трех лет со дня выдачи патента, что приводит к недостаточному предложению соответствующих товаров, работ или услуг на рынке. Данный пункт содержит сразу несколько оценочных понятий, от установления которых в совокупности зависит выдача принудительной лицензии: недостаточное использование технического решения; недостаточное предложение товара, работы или услуги; уважительность причины неиспользования технического

¹ Иванов А.Ю. Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // Закон. 2017. № 5. С. 78–93.

решения, – что отмечалось рядом авторов². При этом законом не закреплены критерии «недостаточности использования», «недостаточности предложения», «уважительности причин неиспользования».

Указанные критерии не содержатся и в международном регулировании, относящимся к интеллектуальной собственности. В ст. 5А Парижской конвенции по охране промышленной собственности указано, что страна имеет право принять законодательные меры, предусматривающие выдачу принудительных лицензий, для предотвращения злоупотреблений, которые могут возникнуть в результате осуществления исключительного права, предоставляемого патентом, например, в случае неиспользования изобретения. В статье 31 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) перечислены условия, при которых возможно иное использование объекта патента без разрешения правообладателя, включая использование государством или третьими лицами. Под этот случай как раз подпадает и принудительное лицензирование. В частности, указано, что объем и срок действия лицензии должны быть ограничены той целью, для которой она была выдана. Любое такое использование разрешается в первую очередь для обеспечения потребностей внутреннего рынка государства, дающего разрешение на такое использование. Из указанных положений мы можем сделать вывод, что ТРИПС не раскрывает и не содержит основания для выдачи принудительной лицензии по критерию недостаточного использования. Данные положения, очевидно, относятся к необходимости применения принудительного лицензирования лишь для обеспечения потребностей внутреннего рынка, то есть не в рамках экспорта продукции. Косвенно можно считать, что применительно к фармацевтической отрасли, принудительное лицензирование и его основная цель – это восполнение в исключительных случаях потребности внутреннего рынка в соответствующем лекарственном препарате.

К сожалению, положения упомянутых международных договоров также не позволяют конкре-

тизировать условия выдачи принудительной лицензии, установленные п. 1 ст. 1362 ГК РФ. Имплементация института принудительного лицензирования во множестве зарубежных правовых порядков, а также практика выдачи принудительных лицензий крайне малочисленна и даже единична, что не позволяет говорить о формировании некоего универсального международного подхода по данному вопросу. Это связано с тем, что на международном уровне принудительное лицензирование остается редким случаем ограничения патентных прав, а не общеприменимой практикой³.

Нельзя говорить о выработанных критериях применения п. 1 ст. 1362 ГК РФ и в судебной практике. В настоящее время было рассмотрено только одно дело по п. 1 ст. 1362 ГК РФ, в котором в конечном итоге требования истца о выдаче принудительной лицензии были удовлетворены. Это дело № А40-185112/2022, в рамках которого была выдана принудительная лицензия на группу изобретений, охраняющих лекарственный препарат Трикафта, для целей ввоза и продажи в РФ воспроизведенного лекарственного препарата. Судебное дело представляет интерес, так как суд первой инстанции в иске отказал, а суд апелляционной инстанции принял новый судебный акт с самостоятельной мотивировочной частью, которую поддержали суды вышестоящих инстанций.

Важно обратить внимание, что мотивы судов первой и апелляционной инстанции практически противоположны, что не позволяет снять имеющиеся противоречия в правоприменении:

1) по мнению суда апелляционной инстанции, суд первой инстанции неверно исходил из того, что обязанность по доказыванию неиспользования или недостаточного использования соответствующего изобретения ответчиком лежит на истце;

2) суд апелляционной инстанции посчитал не имеющим значения факт отсутствия регистрации лекарственного препарата Трикафта и дженерикового препарата Трилекса на момент рассмотрения дела судом первой инстанции. Более того, суд

² См. например: *Сасыкин К.Ю.* Принудительное лицензирование на фармацевтическом рынке: история и практика // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19. № 3. С. 278; *Трофимов Д.С.* Оценочные понятия в сфере принудительного лицензирования патентоохраняемых лекарств // ИС. Промышленная собственность. 2025. № 3. С. 70–79; *Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др.* Договор как общеправовая ценность: Монография. М.: ИЗИСП, Статут, 2018. 381 с.

³ *Ворожевич А.С.* Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. – М.: Статут, 2018. 320 с.

посчитал, что сам по себе факт регистрации лекарственного препарата Трикафта на момент рассмотрения дела в апелляции, не подтверждает достаточность предложения товаров на рынке, так как не налагает на правообладателя изобретений каких-либо обязательств по поставкам соответствующих препаратов;

3) суд апелляционной инстанции также указал, на то, что неисполнимость решения суда в случае удовлетворения требований, в связи с тем, что принудительная лицензия не могла быть выдана на часть изобретений патентообладателя (так как с момента выдачи патентов прошло менее 4 лет, что приведет к фактической невозможности обращения лекарственного препарата Трилекс), не относится к предмету спора. То есть суд апелляционной инстанции фактически указал, что целью вынесения решения по п. 1 ст. 1362 ГК РФ является не исполнение предложения на рынке определенного лекарственного препарата, что следует из положений ТРИПС и ГК РФ, а сама по себе выдача принудительной лицензии на использование изобретений.

Впоследствии ответчик по делу пытался в судебном порядке прекратить действие принудительной лицензии, однако решением Арбитражного суда г. Москвы от 4 марта 2025 г. по делу № А40-164493/24-15-1264 в удовлетворении требований было отказано.

Такая противоречивая судебная практика привела к обращению в 2025 г. в Конституционный Суд Российской Федерации с целью подачи жалобы акционерного общества «Санofi Россия» и компании Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед на нарушение их конституционных прав п. 1 ст. 1362 ГК РФ.

Авторами предлагаются способы разрешения правовой неопределенности в области применения п. 1 ст. 1362 ГК РФ в фармацевтических спорах

Исходя из диспозиции нормы п. 1 ст. 1362 ГК РФ, без установления факта наличия последствия недостаточности использования технического решения в виде недостаточности предложения лекарственного препарата, невозможно вынесение судом решения об удовлетворении требования о предоставлении принудительной лицензии.

Данный подход согласуется с выводами суда по делу об отмене принудительной лицензии по

делу Трикафты (решение Арбитражного суда г. Москвы от 4 марта 2025 г. по делу № А40-164493/24-15-1264). Отказывая в требованиях патентообладателя об отмене выданной принудительной лицензии, судом было указано, что истец должен предоставить суду доказательства того, что «истец самостоятельно обеспечивает достаточный для удовлетворения текущих потребностей рынка объем предложения товаров, использующих соответствующие изобретения, в сравнении с тем объемом, который существовал на момент предоставления принудительной лицензии. Более того, ситуация насыщения рынка должна быть не только мгновенной, в определенный момент времени, но и должна сохраняться в будущем».

Единственным в настоящий момент нормативным инструментом определения потребностей рынка в совокупности с оценкой достаточности предложения лекарственного препарата в рамках действующего правового регулирования в сфере здравоохранения является дефектура лекарственного препарата.

Понятие дефектуры лекарственных препаратов используется в законодательстве РФ в целях:

1) особого регулирования предельных отпускных цен на лекарственные препараты, включенные в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП), в случае дефектуры или риска возникновения дефектуры в связи с ценообразованием на них;

2) установления случаев применения особого регулирования обращения лекарственных препаратов, в отношении которых установлена дефектура или риски ее возникновения, в период введения в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера на основании Постановления Правительства РФ от 5 апреля 2022 г. № 593 «Об особенностях обращения лекарственных средств для медицинского применения в случае дефектуры или риска возникновения дефектуры лекарственных препаратов в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера».

Оба механизма в настоящий момент имеют прикладной характер и узкую сферу применения.

Факт дефектуры лекарственного препарата или риск ее возникновения в период введения в отношении Российской Федерации ограничительных

мер экономического характера устанавливается решением Межведомственной комиссии при Министерстве здравоохранения Российской Федерации (далее – «Межведомственная комиссия») в форме заключения в силу п. 3 Положения о межведомственной комиссии по определению дефектуры или риска возникновения дефектуры лекарственных препаратов в связи с введением в отношении РФ ограничительных мер экономического характера, утвержденного Приказом Министерства здравоохранения РФ от 17 марта 2025 г. № 128н.

С учетом возложенного на Межведомственную комиссию функционала и порученных ей для оценки в рамках уже действующего законодательства аспектов, представляется, что полномочия Межведомственной комиссии могут быть расширены для того, чтобы обеспечить возможность установления факта дефектуры лекарственного препарата применительно к различным ситуациям, а не только в силу действия ограничительных мер в отношении РФ. В таком случае, наличие недостаточного предложения препарата, а также наличие неудовлетворенного спроса на препарат будут устанавливаться в России по решению (заключению) Межведомственной комиссии.

В связи с этим в спорах о выдаче принудительной лицензии по п. 1 ст. 1362 ГК РФ целесообразно руководствоваться сведениями о наличии или отсутствии установленного факта дефектуры. Представляется, что без наличия решения об определении дефектуры, то есть без наличия подтвержденного последствия недостаточности использования технического решения в виде недостаточности предложения лекарственного препарата, вынесение судом решения об удовлетворении требования о предоставлении принудительной лицензии может быть значительно затруднено на этапе оценки предоставленных сторонами иных доказательств недостаточности и достаточности.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 12 марта 2026 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами акционерного общества «Санофи Россия» и компании «Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед» напрямую было указано о необходимости установления наличия дефицита товара. Предлагаемый авторами подход позволит обеспечить досто-

верное установление дефицита в спорах в области фармацевтики.

Истец при обращении в Межведомственную комиссию обладает сведениями о наличии заключения Межведомственной комиссии по итогу рассмотрения обращения. При отсутствии соответствующих требований у сторон истец, ответчик и суд на основании соответствующих ходатайств сторон, также вправе обратиться с запросом в Межведомственную комиссию для предоставления информации о принятии или непринятии соответствующего решения в отношении определенного лекарственного препарата.

Представляется также, что даже при наличии соответствующего заключения об определении дефектуры в рамках спора следует установить, вызвано ли это обстоятельство недостаточностью использования технического решения патентообладателем, и в течение какого срока наблюдается дефектура лекарственного препарата. Если неиспользование вызвано исключительно волей патентообладателя, в отсутствие уважительных причин, и происходит на протяжении непрерывного четырехлетнего срока, это говорит о наличии оснований для выдачи принудительной лицензии по п. 1 ст. 1362 ГК РФ. Если причинно-следственная связь между волей патентообладателя и последствием наступления дефектуры не может быть установлена, то можно говорить о необоснованности требования о выдаче принудительной лицензии.

Например, наличие дефектуры в силу неучастия дистрибьюторов патентообладателя в закупочных процедурах не определяет недостаточное использование технического решения по смыслу п. 1 ст. 1362 ГК РФ, если патентообладателем выполняются условия заключенных договоров производства и поставки лекарственных препаратов с соответствующими дистрибьюторами. В случаях, когда патентообладатель не может правомерно влиять на коммерческие действия дистрибьютора, патентообладатель не может нести ответственность за участие или неучастие в закупочных процедурах такого дистрибьютора. В данном случае объем использования технического решения патентообладателем определяется и соответствует объему производимой и/или поставляемой по существующим запросам продукции, и не должен

сопоставляться с фактическим объемом участия дистрибьюторов в закупочных процедурах.

Возникновение дефектуры может быть связано не с действиями патентообладателя по использованию изобретения, а с обстоятельствами непреодолимой силы или иными не зависящими от патентообладателя обстоятельствами, такими как перерыв в поставках вспомогательных веществ, входящих в состав фармацевтической субстанции или готовой лекарственной формы лекарственного препарата, исходных и вспомогательных материалов, используемых в процессе производства, выход из строя и необходимость замены оборудования, используемого в процессе производства, а также отмена государственной регистрации лекарственного препарата по основаниям, отличным от заявления держателя регистрационного удостоверения.

Также представляется невозможным установление недостаточного использования технического решения с точки зрения недоступности лекарственного препарата для части пациентов в случае, если закупки такого препарата осуществляются в основном государственными органами в рамках закупочных процедур. В таком случае количество требуемых лекарственных препаратов, и, соответственно, спрос на них, определяются и контролируются государственными органами. В связи с этим проблемы с доступностью лекарственного препарата могут не иметь корреляции с возможностями производственных мощностей и волей патентообладателя, а также его готовностью поставлять иные объемы лекарственного препарата при формировании соответствующего спроса на рынке.

Дополнительно к вышеизложенному, стоит отметить, что в вышеупомянутом Постановлении Конституционный Суд РФ также прямо указал, что некорректной является и оценка «недостаточности» предложения товара, с опорой на сопоставление общей статистики заболеваемости по России и количества производимых лекарственных препаратов. Нельзя не согласиться с данной позицией: общая статистика заболеваемости в отношении того или иного заболевания не может совпадать ни с количеством пациентов, которым лечащим врачом был назначен соответствующий препарат, ни с уровнем возникшего на такой лекарственный препарат реального спроса, который должен быть удовлетворен правообладателем

и может быть им удовлетворен через принятие на себя соответствующих договорных обязательств с участниками рынка лекарственных препаратов.

Данные обстоятельства должны рассматриваться судом как уважительные причины неиспользования технического решения патентообладателем при применении п. 1 ст. 1362 ГК РФ, предполагающие отказ в удовлетворении требования о выдаче принудительной лицензии.

Отдельно следует обратить внимание на случай, когда лекарственный препарат не зарегистрирован, но ограниченно обращается на рынке. Без государственной регистрации лекарственного препарата его введение в гражданский оборот на территории РФ по общим правилам запрещено (ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – «61-ФЗ»). В таком случае лекарственный препарат может вводиться в гражданский оборот в России только в установленных ч. 3 ст. 47 61-ФЗ и ч. 2 ст. 50 61-ФЗ случаях, одним из которых, например, является использование лекарственного препарата по жизненным показаниям пациентов, согласно разрешению уполномоченного государственного органа.

В указанном исключительном случае объем использования изобретения введением препарата в гражданский оборот ограничен. Максимальный объем использования определяет не сам патентообладатель, а уполномоченный государственный орган. Регистрация лекарственного препарата может занимать длительное время, в связи с чем, в частности, п. 2 ст. 1363 ГК РФ предусмотрена возможность продления срока действия патента на изобретение, относящегося к лекарственному средству, до 5 лет. При этом, по общему правилу, продление срока действия патента на изобретение невозможно. Единственными патентами, в отношении которых это предусмотрено, помимо фармацевтических патентов являются патенты на пестициды и агрохимикаты. Возможность продления срока действия патента направлена на восстановление ограниченных прав патентообладателя пропорционально сроку регистрации лекарственного препарата.

Таким образом, в рамках указанного случая, невозможность полноценного осуществления патентообладателем права на техническое решение по патенту в период регистрации лекарственного препарата признается на уровне гражданского

законодательства. Тогда при ограниченной в силу законодательства возможности патентообладателя использовать его путем ввода лекарственного препарата в гражданский оборот, объем необходимого использования изобретения корректно определять на основании подлежащего потенциально удовлетворению спроса. Такой спрос определяется на основании выдаваемых уполномоченными лицами решений, а не общего количества потенциально нуждающихся пациентов. Удовлетворение указанного спроса при использовании изобретения может и должно быть достаточным для подтверждения достаточности использования изобретения.

С учетом изложенного, подход к оценке судом обстоятельств каждого дела по п. 1 ст. 1362 ГК РФ может быть сформулирован следующим образом:

1) недостаточное использование изобретения не может быть констатировано при отсутствии факта недостаточности предложения лекарственного препарата, установленного через процедуру определения дефектуры посредством выдачи заключения Межведомственной комиссии. При этом дополнительной проработки требуют критерии установления дефектуры лекарственных препаратов, которая бы оценивалась именно в целях последующего рассмотрения судом вопроса о целесообразности выдачи принудительной лицензии на изобретения, относимые к соответствующим лекарственным препаратам. Отдельно должен быть рассмотрен вопрос возможности определения недостаточности использования изобретения, влекущей недостаточность

предложения на рынке в отношении незарегистрированных лекарственных препаратов, обращаемых в РФ только при наличии особых оснований;

2) даже при установленном факте недостаточности предложения лекарственного препарата подлежит установлению причина недостаточности, зависит ли недостаточность предложения лекарственного препарата от воли патентообладателя по использованию изобретения, либо данное обстоятельство связано с иными причинами;

3) при установлении причинно-следственной связи между недостаточностью лекарственного препарата и использованием изобретения, подлежат оценке доводы патентообладателя об уважительности причин недостаточности использования.

Заключение

В заключение необходимо вновь отметить, что предложения, выдвинутые в настоящей статье, затрагивают исключительно вопросы применения п. 1 ст. 1362 ГК РФ в отношении технических решений, относящихся к фармацевтической области, и формирование универсальных правил определения критериев выдачи принудительной лицензии остается темой для будущих исследований. Тем не менее, в актуальной ситуации представляется, что восприятие предложенных авторами ориентиров в применении п. 1 ст. 1362 ГК РФ позволит устранить правовую неопределенность в отношении наиболее остро ощущаемой проблематику действующего регулирования фармацевтической сферы.

Список литературы:

1. *Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др.* Договор как общеправовая ценность: Монография. М.: ИЗИСП, Статут, 2018. 381 с.
2. *Ворожевич А.С.* Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. – М.: Статут, 2018. 320 с.
3. *Иванов А.Ю.* Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // Закон. 2017. № 5. С. 78–93.
4. *Малыгина А.Н.* Институт принудительного лицензирования в патентном праве РФ // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 1 (31), март 2021 г. С. 23–32.
5. *Власова Н.В., Доронина Н.Г., Лазарева Т.П. и др.* Проблемы унификации международного частного права: монография / Отв. ред. Н.Г. Доронина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗИСП, Юриспруденция. 2023. 672 с.
6. *Сасыкин К.Ю.* Принудительное лицензирование на фармацевтическом рынке: история и практика // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Том 19. № 3. С. 278.
7. *Трофимов Д.С.* Оценочные понятия в сфере принудительного лицензирования патентоохраняемых лекарств // ИС. Промышленная собственность. 2025. № 3. С. 70–79.

Научная статья
УДК 347.77

Для цитирования:

Романов М.Е. О природе режима патентного связывания // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2026. Март. № 1 (51). С. 75–89.

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_9

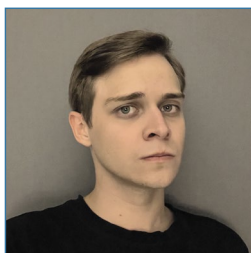
For citation:

Romanov, M.E. On the nature of the patent linkage regime // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2026. March. N 1 (51). Pp. 75–89. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_9

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_9

О природе режима патентного связывания



М.Е. Романов,

аспирант,

Юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается режим патентного связывания (*patent linkage*) в контексте реформирования регуляторной системы Соединенных Штатов Америки, рассмотрены условия и предпосылки принятия Закона «Хэтча-Ваксмана» (*Hatch-Waxman Act*), а также особенности имплементации режима патентного связывания в национальные правовые системы Республики Корея и Китайской Народной Республики. На основании исследованного материала сделаны выводы о перспективности внедрения режима патентного связывания в правовую систему Российской Федерации в контексте инновационного развития отечественной фармацевтической отрасли. Предложена модель режима патентного связывания, основанная на релевантном законодательном опыте Республики Корея, предполагающая, в частности, формирование базы фармацевтических патентов, активно модернизируемой регистрационным органом; законодательное закрепление дифференцированных оснований для регистрации воспроизведенных лекарственных средств; увеличение продолжительности периода эксклюзивности для лица, первым обжаловавшего патент, до двенадцати месяцев. Сделан вывод о необходимости реформирования регуляторного и охранительного законодательства для формирования законодательной инфраструктуры регистрации воспроизведенных лекарственных средств, способной обеспечить эффективность применения режима патентного связывания.

Ключевые слова:

режим патентного связывания; Закон Хэтча-Ваксмана; регистрация лекарственных средств; регистрация воспроизведенных лекарственных средств; доступность лекарственных средств, обращение лекарственных средств, интеллектуальные права в сфере обращения лекарственных средств

Предисловие

Исследования в области инновационных лекарственных средств являются приоритетом как для фармацевтической отрасли, так и здравоохранения в целом. Так, разработка, внедрение и применение новых лекарственных средств позволяют удовлетворить изменяющиеся медицинские потребности населения¹, способствуют изменению роли российских производителей на международном фармацевтическом рынке². Данными обстоятельствами обуславливается значение инновационной фармацевтической деятельности, обозначенной в качестве одной из основных задач развития здравоохранения Российской Федерации³.

Вместе с тем международные ограничения, внутренние правила допуска лекарственных препаратов, а равно особенности ценообразования, остаются существенной преградой для эффективной реализации государственной политики, обеспечения общественного здоровья⁴.

Одним из способов влияния на ценообразование лекарственных средств является стимулирование⁵ конкуренции за счет допуска на рынок воспроизведенных лекарственных средств. Их появление, с одной стороны, позволяет снизить стоимость лекарственных средств, что, в свою очередь, обеспечивает их доступность для потребителей, оптимизацию расходов государственного бюджета⁶.

Вместе с тем производители оригинальных лекарственных средств вынуждены привлекать

значительные финансовые ресурсы, затрачивать большое количество времени для прохождения клинических испытаний, подтверждения эффективности и безопасности лекарственного средства⁷. В подобных обстоятельствах производители оригинальных лекарственных средств заинтересованы в препятствовании выходу на рынок воспроизведенных лекарственных средств так долго, как только это будет возможно.

Таким образом возникает конфликт интересов между производителями оригинальных лекарственных средств, обладающими исключительными правами на них – с одной стороны, и производителями воспроизведенных лекарственных средств, а также публичными интересами здравоохранения – с другой.

В процессе урегулирования данного конфликта, определения путей стимулирования выпуска воспроизведенных лекарственных средств при сохранении фундаментальных аспектов защиты исключительных прав производителей оригинальных лекарственных средств в Соединенных Штатах Америки приняли ряд нормативно-правовых актов, сформировавших корреляционную зависимость статуса патента на лекарственное средство с возможностью государственной регистрации его воспроизведенного аналога, получившей в доктрине наименование «режим (система) патентного связывания (увязки)» (Здесь и далее мы будем именовать данную систему как «режим патентного связывания»).

¹ Чапленко А.А., Власов В.В., Гильдеева Г.Н. Инновационные лекарственные препараты на российском фармацевтическом рынке: ключевые игроки и основные направления разработок. 2020. № 10. С. 4–9.

² Викрам Пунья рассказал о перспективах развития инноваций в российской фармотрасли (Фармацевтический вестник. 2025) // URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/Vikram-Puniya-rasskazal-o-perspektivah-razvitiya-innovacii-v-gossiiskoi-farmotrasli.html> (дата обращения: 3 декабря 2025 г.).

³ Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2019 г. N 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 23. Ст. 2927.

⁴ См.: Chaplenko A., Gildeeva G., Vlassov V. The Entry Lag of Innovative Drugs in Russia, 2010–2019 // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. Iss. 10. P. 1–12.

⁵ С. Миллер отдельно отмечает важность поддерживать выход новых воспроизведенных лекарственных препаратов, а не ограничиваться поддержкой уже существующих: Miller S. Generic Drugs: A Treatment for High-Cost Health Care // Missouri Medicine. 2020. Vol. 117. Iss. 1. P. 12–13.

⁶ О благоприятных последствиях для общественного здравоохранения в связи с выходом на рынок воспроизведенных лекарственных препаратов, См. например: Erçalışkan A., Erdoğan D.S., Eşkazan A.E. Current evidence on the efficacy and safety of generic imatinib in CML and the impact of generics on health care costs // Blood advances. 2021. Vol. 5. Iss. 17. P. 3344–3353; Gothe H., Shall I., Mitrovic M. et al. The Impact of Generic Substitution on Health and Economic Outcomes: A Systematic Review // Applied Health Economics and Health Policy. 2015. Vol. 13. P. 21–33; Haas. J.S., Phillips A., Gerstenberger E.P. et al. Potential Savings from Substituting Generic Drugs for Brand-Name Drugs: Medical Expenditure Panel Survey, 1997–2000 // Annals of Internal Medicine. Vol. 142. Iss. 11. P. 891–897.

⁷ DiMasi J.A., Grabowski H.G., Hansen R.W. Innovation in the pharmaceutical industry: New estimates of R&D costs // Journal of Health Economics. 2016. Vol. 47. P. 20–33.

I. Контекст формирования режима патентного связывания

Принятый 59 Конгрессом Соединенных Штатов Америки Закон о чистых продуктах питания и лекарственных средствах⁸ предоставило Бюро по вопросам химии Министерства Сельского Хозяйства полномочия по регулированию надлежащей маркировки продуктов питания и лекарственных средств⁹. Закон получил достаточно широкую поддержку публики и части представителей¹⁰ и стал основой для зарождающегося регуляторного законодательства в области оборота лекарственных средств, формирования современного FDA (Food and Drug Administration – Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов).

Вместе с тем предоставленные Законом 1906 г. полномочия оказались крайне ограниченными, принуждали Бюро по вопросам химии (а после преобразования – FDA) добиваться запрета маркированного ненадлежащим образом лекарственного средства через Министерство Юстиции, каких-либо эффективных механизмов превенции не существовало¹¹.

Важным этапом становится начало реформирования здравоохранения, затронувшего, в том числе, вопросы патентного регулирования и регистрации лекарственных средств. Принятый 75 Конгрессом на фоне возросшего общественного резонанса по поводу катастрофы с сиропом «Сульфаниламид»¹². Федеральный закон о продуктах питания, лекарствах и косметике от 1938 г. установил новый порядок выпуска на рынок лекарственных средств. Так, чтобы распространять лекарственные средства, производитель должен подать соответствующую заявку, указав в ней со-

став, особенности производства и маркировки, сведения о проведении тестов на безопасность. Лекарственное средство могло быть выпущено на рынок в том случае, если в течение 60 дней, прошедших с момента ее подачи, не поступило соответствующих возражений секретаря Министерства Сельского хозяйства (срок может быть продлен совокупно до 80 дней в случае наличия необходимости проведения дополнительной проверки)¹³. Вместе с тем полномочия все еще оставались ограниченными, бремя доказывания небезопасности лекарственного средства, а равно нарушения маркировки оставалось за государственными органами.

Ключевое изменение произошло на фоне возросшей обеспокоенностью системой допуска лекарственных средств на рынок, вызванной катастрофой с препаратом «Талидомид». Так, в частности, исследователи отмечали, что этот препарат не попал на рынок в Соединенные Штаты Америки лишь по причине излишней осторожности чиновников FDA, а не качественного законодательного запрета¹⁴. В 1962 г. к Федеральному закону о продуктах питания, лекарствах и косметике от 1938 г. принимаются «Поправки Кефопера-Харриса» (Drug Amendments), ставшие, по словам отдельных исследователей, «поворотным пунктом» в части защиты прав потребителя¹⁵. Данные поправки значительно расширили регуляторные полномочия FDA и перераспределили бремя доказывания. Во-первых, отныне помимо доказательства безопасности лекарственного средства требовалось доказать его эффективность в рамках конкретного направления применения. Во-вторых, ни одно лекарственное средство больше не могло быть выпущено на рынок, если FDA прямо не признает

⁸ Federal Food and Drugs Act of 1906 // *Pharmacy in History*. Vol. 47. Iss. 4. P. 143–147.

⁹ *Friedman R.S.* Representation in Regulatory Decision Making: Scientific, Industrial, and Consumer Inputs to the F.D.A. // *Public Administration Review*. 1978. Vol. 38. Iss. 3. P. 205–214.

¹⁰ *Herring E.P.* The Balance of Social Forces in the Administration of the Pure Food and Drug Act // *Social Forces*. 1935. Vol. 13. Iss. 3. P. 358–366.

¹¹ *Friedman R.S.* Op. cit. P. 205.

¹² *Paine M.F.* Therapeutic disasters that hastened safety testing of new drugs // *Drug-Induced Organ Damage*. 2017. Vol. 101. Iss. 4. P. 430–434; а также *Wax P.M.* Elixirs, diluents, and the passage of the 1938 Federal Food, Drug and Cosmetic Act // *Annals of Internal Medicine*. 1995. Vol. 122. Iss. 6. P. 456–461.

¹³ *Tousley R.D.* The Federal Food, Drug, and Cosmetic Act of 1938 // *Journal of Marketing*. 1941. Vol. 5. Iss. 3. P. 259–269.

¹⁴ *Taussig H.B.* The Thalidomide Syndrome // *Scientific American*. 1962. Vol. 207. Iss. 2. P. 29–35.

¹⁵ *Pielzman S.* An Evaluation of Consumer Protection Legislation: The 1962 Drug Amendments // *Journal of Political Economy*. 1973. Vol. 81. Iss. 5. P. 1049–1091.

его как «безопасное и эффективное». В-третьих, FDA требовало наличие результатов доклинических испытаний, а равно плана проведения клинических испытаний, наделялось правомочиями вносить в план клинических испытаний изменения или полностью их отменять в случае признания лекарственного средства небезопасным или неэффективным¹⁶. Поправки «Кефовера-Харриса» сформировали качественно новый ландшафт регулирования оборота лекарственных средств, установив правило о своеобразной презумпции вредности и неэффективности нового лекарственного средства, пока производителем не будет предоставлено достаточно убедительных доказательств обратного, а равно наделив FDA большими контрольными полномочиями в части клинических испытаний, позволили FDA повысить стандарты проверки качества лекарственных средств; однако они оставили значительные лакуны, в том числе в части воспроизведенных лекарственных препаратов, не подпадавших под требования поправок.

Вместе с тем уже через несколько лет после принятия поправок появляются мнения о необходимости полной отмены патентов в фармацевтической отрасли, введения принудительного лицензирования¹⁷.

Расширившиеся полномочия, увеличенные стандарты качества, а также значительное увеличение срока рассмотрения заявки на допуск лекарственного средства на рынок обострили ряд вопросов, поставленных производителями и представителями здравоохранения. Центральное место заняла дискуссия по вопросу восстановления эффективного времени действия патента (так называемого «effective patent life», то есть времени, в течение которого патент охраняет лекарственный препарат, одобренный FDA и выпущенный на рынок), в качестве решения кото-

рой представители Р.В. Кастенмайер и Г.С. Соьер предложили проект Закона о восстановлении срока действия патента от 1981 г., согласно которому восстановление может быть достигнуто посредством продления времени действия патента соразмерно затраченному в течение периода проверки регулирующим органом¹⁸. По мнению заявителей и поддержавших их сторон, восстановление срока действия патента смогло бы разрешить проблему значительного сокращения заявок на инновационные лекарственные средства по отношению к предшествующему 1962 г. времени, а также стимулировать фармацевтические инновации¹⁹. Несмотря на значительную поддержку, указанный законопроект так и не был принят ввиду усиления зимой 1981 г. оппозиции в среде производителей воспроизведенных лекарственных препаратов²⁰. Основные доводы оппозиции касались того, что разрыв между временем регистрации лекарственного средства FDA и выдачей патента на него вызван, в первую очередь, виной самих заявителей, а также тем обстоятельством, что они в любом случае провели бы исследования, равные по времени установленным FDA²¹.

Проиграв дебаты по поводу восстановления срока действия патента, сообщество производителей оригинальных лекарственных препаратов заняло оборонительную позицию, тогда как производители воспроизведенных лекарственных препаратов укрепили свое положение в Конгрессе и усилили давление. В подобных обстоятельствах О. Хэтч и Г. Ваксман представили обновленный проект «Закона о ценовой конкуренции на лекарственные средства и восстановлении срока действия патентов» (Drug Price Competition and Patent Term Restoration Act), получившего неофициальное наименование «Закон Хэтча-Ваксмана» (Hatch-Waxman Act).

¹⁶ Pieltzman S. Op. cit. P. 1051.

¹⁷ Morgan D.C. The Kefauver Drug Hearings in Perspective / Morgan D.C., Allison S.E. // The Southwestern Social Science Quarterly. 1964. Vol. 45. Iss. 1. P. 59–68.

¹⁸ The Patent Term Restoration Act of 1981 // American Enterprise Institute. Washington and London, 1981. P. 30.

¹⁹ Grabowski H.G., Vernon J.M. The Regulation of Pharmaceuticals // American Enterprise Institute for Public Policy Research. Washington and London, 1983. P. 81.

²⁰ Merrill R.A. The Architecture of Government Regulation of Medical Products // Virginia Law Review. 1996. Vol. 82. Iss. 8. P. 1753–1866.

²¹ Lietzan E. The History and Political Economy of the Hatch-Waxman Amendments // Seton Hall Law Review. 2019. Vol. 49. Iss. 1. P. 53–127 (H. Metzenbaum: «by their own admission engage in substantial testing of safety and efficacy to protect themselves against product liability and consumer fraud suits»).

Если в первых редакциях указанного законопроекта его предмет ограничивался общими вопросами заявок на регистрацию лекарственных средств, то после уточнения его содержание дополнилось процедурой подачи и рассмотрения сокращенных заявок, системой предпродажного регулирования споров между производителями лекарственных средств, а также иными вопросами, связанными с одобрением лекарственного средства FDA, в частности, исключением «безопасной гавани» (safe harbor), получившим неофициальное наименование «исключение Болар» (the Bolar exemption)²².

Принятие в 1984 г. 98 Конгрессом Соединенных Штатов Америки данного законопроекта стало самым важным законодательным мероприятием со времен поправок «Кефовера-Харриса» 1962 г.²³ и привнесло значительные изменения в регуляторную политику. Отныне регистрация лекарственного препарата осуществлялась посредством двух типов заявок: NDA (New Drug Application) – для новых лекарственных средств и ANDA (Abbreviated New Drug Application) – для воспроизведенных лекарственных средств²⁴. При подаче NDA заявитель уведомляет FDA обо всех патентах на заявленное лекарственное средство, в отношении которого возможно нарушение его исключительных прав. В свою очередь, FDA обрабатывает эти данные и отражает их в информационной базе под названием «Одобренные лекарственные средства с оценкой терапевтической эквивалентности», иногда называемой «Оранжевой книгой»²⁵.

Лекарственное средство, в отношении которого производитель подает ANDA, должно соответствовать одному из следующих условий: отсутствие сведений о патенте (paragraph I), истечение срока действия патента (paragraph II), истече-

ние срока действия патента ко времени выпуска воспроизведенного лекарственного препарата на рынок (paragraph III), недействительность патента или отсутствие его нарушения (paragraph IV)²⁶. Далее, в случае инициирования процедуры по параграфу IV заявитель обязан в течение 20 дней осуществить уведомление патентообладателя, подробно изложив и обосновав в нем позицию о недействительности патента или отсутствии его нарушения. Патентообладатель, в свою очередь, имеет право обратиться с исковым заявлением о нарушении исключительного права в течение 45 дней с момента получения указанного уведомления, в случае обращения его в суд регистрация воспроизведенного лекарственного средства приостанавливается на 30 месяцев. В случае успешного оспаривания патента, лицо, первым направившее заявку по параграфу IV, получает период эксклюзивности в течение 180 дней²⁷.

Таким образом в рамках поправок «Хэтч-Ваксмана» сформировалась система, получившая наименование «режима патентного связывания», включающая в себя следующие механизмы и элементы. Во-первых, механизм обязательного уведомления производителем воспроизведенного лекарственного средства при подаче ANDA патентообладателя с изложением в нем обоснования возможности регистрации воспроизведенного лекарственного средства. Во-вторых, базу данных о патентах на лекарственные средства, организуемую FDA. В-третьих, механизм ограничения регистрации воспроизведенного лекарственного средства в случае наличия в базе «Одобренные лекарственные средства с оценкой терапевтической эквивалентности» сведений о патенте на данный лекарственный препарат, а равно отсутствия доводов в пользу того, что данный патент не нарушен,

²² Lietzan E. Op. cit. P. 57.

²³ Grabowski H., Vernon J. Longer Patents for Lower Imitation Barriers: The 1984 Drug Act // The American Economic Review. 1986. Vol. 76. Iss. 2. P. 195–198.

²⁴ Bagley M.A. Patent Term Restoration and Non-Patent Exclusivity in the United States // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. 2011. Vol. 25. P. 1–25.

²⁵ Knoblen J.E., Scott G.R., Tonelli R.J. An overview of the FDA publication Approved Drug Products with Therapeutic Equivalence Evaluations // American Journal of Hospital Pharmacy. 1990. Vol. 47. Iss. 12. P. 2696–2700.

²⁶ Drug Price Competition and Patent Term Restoration Act of 1984, Pub. L. No. 98–417, 98 Stat. 1585 (1984) // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-98/pdf/STATUTE-98-Pg1585.pdf> (дата обращения: 3 декабря 2025 г.)

²⁷ Gandhi K., Joga R., Sowndharya M. et al Unlocking Generic Market Access: A Retrospective Analysis of USFDA Paragraph IV Filings (2020–2024) (Therapeutic Innovation & Regulatory Science. 2025) // URL: <https://doi.org/10.1007/s43441-025-00831-w> (дата обращения: 3 декабря 2025 г.).

не будет нарушен или того, что он является недействительным. Описанные механизмы и элементы являются взаимосвязанными, функционируют в рамках общей регуляторной системы и должны обеспечивать, с одной стороны, стимулирование обжалования «слабых» патентов, вывод новых воспроизведенных лекарственных препаратов на рынок, а с другой – гарантию соблюдения исключительных прав патентообладателей. В научном сообществе данный режим, а равно система, оформленная поправками «Хэтча-Ваксмана» получили преимущественно положительную оценку и характеризовались как «удачный компромисс» между двумя лобби²⁸. В свою очередь практическая реализация положений данной системы получила широкое распространение за пределами Соединенных Штатов Америки.

II. Режим патентного связывания в Республике Корея, Китайской Народной Республике

Режим патентного связывания имплементируется в национальное законодательство несколькими основными способами. Во-первых, посредством независимого внутреннего реформирования регуляторного законодательства. Во-вторых, через заключение международного соглашения, предполагающего расширение требований к регуляторному законодательству²⁹. Большинство государств, перенявших режим патентного связывания, воспользовались вторым способом, заключив двусторонние соглашения с Соединенными Штатами Америки, содержащие положения формата TRIPS-Plus³⁰. Вместе с тем ввиду наличия существенных конструктивных двусмысленностей в содержании подобных соглашений данные государства получили значительную свободу при реали-

зации элементов режима патентного связывания на национальном уровне³¹.

Введенный в рамках реализации обязательств, принятых по Соглашению о свободной торговле между Республикой Корея (далее по тексту – «Южная Корея») и Соединенными Штатами Америки (KORUS FTA), режим патентного связывания имеет ряд существенных особенностей, его регуляторные элементы в большей степени смещены в пользу защиты производителей воспроизведенных лекарственных средств по причине сильной зависимости системы здравоохранения от них³².

В соответствии с Законом о Фармацевтической Деятельности (Pharmaceutical Affairs Act) в Южной Корее сформирован аналог базы «Оранжевая книга» – «Зеленый список», организуемый Министерством по безопасности пищевых продуктов и медикаментов (Ministry of Food and Drug Safety, MFDS), являющимся аналогом FDA в Южной Корее³³. «Зеленый список» включает закрытый перечень патентов, удовлетворяющих следующим условиям. Во-первых, срок действия патента не должен истечь, а равно патент не должен быть аннулирован. Во-вторых, патент должен непосредственно относиться к действующему веществу, его дозировке, составу или медицинскому применению. В-третьих, патент должен относиться к лекарственному средству, уже получившему одобрение регистрационного органа. В-четвертых, дата получения патента должна предшествовать дате получения регистрационного разрешения³⁴. Преимущества подобных мер заключаются в следующем. Запрет на включение недействующего патента представляется очевидным, однако ввиду отсутствия активной модерации FDA в «Оранжевую книгу» могут быть внесены ненадлежащие патенты, исключить которые можно лишь

²⁸ *Asano T.* Trends in the U.S. Pro – Patent Policy in the Pharmaceutical and Biotechnology Fields – Focusing on the Hatch-Waxman Act // *IIP Bulletin*. 2006. P. 166–174; а также *Kesselheim A.S., Darrow J.J.* Hatch-Waxman Turns 30 Do We Need a Re-Designed Approach for the Modern Era? // *Yale Journal of Health Policy, Law, and Ethics*. 2015. Vol. 15. Iss. 2. P. 293–347; *Danzis S.D.* The Hatch-Waxman Act: History, structure, and legacy // *Antitrust Law Journal*. 2003. Vol. 71. Iss. 2. P. 585–608.

²⁹ *Said M.* Patent linkage, data exclusivity and public health: approaches for reform Open Access (Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2025) // URL: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpaf057> (дата обращения: 3 декабря 2025 г.).

³⁰ *Raju K.D.* Patent Linkages and Its Impact on Access to Medicines: Challenges, Opportunities for Developing Countries // *Access to Medicines and Vaccines*. Conference paper. 2021. P. 329–369.

³¹ *Son K., Lopert R., Gleeson D., Lee T.* Moderating the impact of patent linkage on access to medicines: lessons from variations in South Korea, Australia, Canada, and the United States // *Globalization and Health*. 2018. Vol. 14. № 101. P. 1–11.

³² *Raley K.T.* The South Korean Patent Linkage System: A Model for Reforming the United States Hatch-Waxman Act // *Emory International Law review*. 2019. Vol. 33. Iss. 3. P. 459–492.

³³ *Park K.N., Hui J.Y., Lyu E.* South Korea's Patent-Approval Linkage System // *IP in the life science industries*. 2014. P. 121–124.

³⁴ *Raley K.T.* Op. cit. P. 475.

в рамках соответствующего требования от заинтересованного производителя воспроизведенного лекарственного средства к заявителю, при этом FDA исключать подобный патент самостоятельно не станет. Далее, условие о непосредственном отношении к лекарственному средству значительно ограничивает объектов, исключает так называемые REMS-патенты, представляющие собой совокупность административных (организационных) мер, необходимых для надлежащего применения лекарственного средства³⁵, устраняя тем самым проблему необоснованного продления срока действия патентов³⁶. В требовании о наличии регистрационного разрешения на патент в момент подачи заявки последовательно проявляется идея связывания обоих институтов – тем самым обеспечивается актуализация списка и включение в него лишь тех лекарственных средств, что действительно производятся и реализуются на рынке. Требование о предшествовании даты патента дате регистрационного разрешения представляется разумным и препятствует формированию «вторичных» патентов, предполагающих изменение вспомогательного вещества, лекарственной формулы etc, не изменяющих сущности лекарственного средства, однако обеспечивающих необоснованное продление патента, реализацию лекарственных средств «следующего поколения»³⁷.

Особый порядок также имеет место в отношении уведомления патентообладателя. Производитель воспроизведенного лекарственного средства, подавший заявление в MFDS, освобождается от обязанности уведомления в случае если патент истек или истечет к моменту начала реализации лекарственного средства, а равно в случае прямого отказа патентообладателя от уведомления (применимо в отношении «разрешенных», «авторизованных» лекарственных средств³⁸. Далее, в случае получения уведомления патентообладатель имеет 45 дней для подачи искового заявления о нарушении исключительного права, при этом приостановление

регистрации воспроизведенного лекарственного препарата осуществляется в заявительном порядке. Для подобной приостановке требуется основание: либо вступивший в силу судебный запрет, либо подтверждение объема патентных прав (которое может быть получено без обращения в суд, в административном порядке, через Апелляционную коллегию по интеллектуальной собственности (Intellectual Property Trial and Appeal Board, IPTAB), при этом максимальный срок приостановки регистрации составляет 9 месяцев. В свою очередь, производитель воспроизведенного лекарственного средства имеет возможность предотвратить приостановку регистрации предварительно обратившись в суд или IPTAB и подтвердив недействительность патента, а равно отсутствие факта его нарушения³⁹. Таким образом, подобный порядок обеспечивает интересы производителей воспроизведенных лекарственных средств, ограничивая необоснованное приостановление регистрации, а равно позволяя осуществить превенцию приостановления регистрации.

Далее, регуляторная система Южной Кореи предполагает активное применение внесудебных, административных процедур для разрешения патентных споров, устанавливает принцип обязательного досудебного административного рассмотрения дел по вопросам интеллектуальной собственности. Таким образом, во-первых, обеспечивается ценз в отношении требований, разрешение которых возможно во внесудебном порядке; во-вторых – предварительная экспертная оценка со стороны Корейского управления интеллектуальной собственности⁴⁰.

Следующим аспектом является особый период эксклюзивности для производителей воспроизведенных лекарственных препаратов, обжаловавших первыми патент. Во-первых, эксклюзивность может быть предоставлена сразу нескольким заявителям, успешно обжаловавшим патент в одно и то же время. Во-вторых, она распространяется на все виды воспроизведенных лекарствен-

³⁵ *Carrier M.A., Sooy B.* Five Solutions to the REMS Patent Problem // Boston University Law Review. 2017. Vol. 97. Iss. 5. P. 1661–1707.

³⁶ *Hemphill C.S., Sampat B.N.* Evergreening, patent challenges, and effective market life in pharmaceuticals // Journal of Health Economics. 2012. Vol. 31. № 2. P. 327–339.

³⁷ *Sampat B.N., Shadlen K.C.* Secondary pharmaceutical patenting: A global perspective // Research Policy. 2017. Vol. 46. Iss. 3. P. 693–707.

³⁸ *Alderfer J., Hansen R.A.* et al. Understanding authorized generics—A review of the published clinical data // Journal of Clinical Pharmacy and Therapeutics. 2021. Vol. 46. Iss. 6. P. 1489–1497.

³⁹ *Raley K.T.* Op. cit. P. 482.

⁴⁰ *Jong S.J.* Patent litigation in Korea. 2007. Vol. 6. Iss. 2. P. 201–219.

ных средств, в том числе на гибридные. В-третьих, период эксклюзивности является более продолжительным и составляет 9 месяцев с момента, когда производитель имел возможность начать реализацию лекарственного средства. Основным методом борьбы с обратным финансированием является механизм аннулирования эксклюзивности: в случае если производитель не выводит воспроизведенное лекарственное средство в течение 2 месяцев с начала периода эксклюзивности, он его лишается. Подобный механизм позволяет избежать длительных антимонопольных расследований, применяемых в Соединенных Штатах Америки⁴¹.

Таким образом, режим патентного связывания был интегрирован в регуляторное законодательство с учетом условий преобладания на фармацевтическом рынке воспроизведенных лекарственных средств, позволил обеспечить устранение основных недостатков патентного связывания Соединенных Штатов Америки. Несмотря на значительные опасения по поводу доступности лекарственных средств⁴² режим патентного связывания позволил увеличить количество оспоренных фармацевтических патентов⁴³, а также превратить механизм обжалования патента в важный инструмент утверждения воспроизведенного лекарственного средства на рынке⁴⁴, однако в то же время он позволил увеличить инновационную деятельность, в том числе в части поданных па-

тентных заявок на оригинальные лекарственные средства⁴⁵. Сформированная в Южной Корее регуляторная система не стала повторением уже существующей в Соединенных Штатах Америки, но интегрировалась в социально-экономический контекст. По нашему мнению, введение режима патентного связывания позволило достичь успехов в консолидации общественных интересов, в том числе здравоохранения, и частных интересов патентообладателей в Южной Корее⁴⁶.

В свою очередь в Китайской Народной Республике (далее по тексту – «Китай») режим патентного связывания внедрен посредством реформирования внутреннего законодательства. Так, в 2021 г. вступили в силу поправки к Патентному закону Китайской Народной Республики, в соответствии с которыми в стране был сформирован режим патентного связывания⁴⁷.

Несмотря на значительное развитие, в последние годы⁴⁸ фармацевтический рынок Китая преимущественно представлен производителями воспроизведенных лекарственных средств⁴⁹, что обуславливает общность контекстов формирования режима патентного связывания в Китае и Южной Корее. В частности, исследователи отмечали необходимость ориентации регуляторного законодательства Китая на производителей воспроизведенных лекарственных средств⁵⁰. Вероятно, Китай активно использовал международный опыт при

⁴¹ Thomas J.R. Pharmaceutical Patent-Antitrust: Reverse Payment Settlements and Product Hopping // Congressional research center. 2015. P. 1–19.

⁴² Son K., Bae S., Lee T. Does the Patent Linkage System Prolong Effective Market Exclusivity? Recent Evidence from the Korea-U.S. Free Trade Agreement in Korea // International Journal of Health Services. 2019. Vol. 49. Iss. 2. P. 306–321.

⁴³ Son K. Patenting and patent challenges in South Korea after introducing a patent linkage system / Globalization and Health. 2022. Vol. 18. № 95 // URL: <https://globalizationandhealth.biomedcentral.com/counter/pdf/10.1186/s12992-022-00887-5.pdf>. (дата обращения: 3 декабря 2025 г.).

⁴⁴ Son K., Choi N., Lee B. et al. Patent challenges and factors associated with successful patent challengers under the patent linkage system: recent evidence from South Korea after the Korea United States free trade agreement / Globalization and Health. 2021. Vol. 17. № 116 // URL: <https://globalizationandhealth.biomedcentral.com/counter/pdf/10.1186/s12992-021-00765-6.pdf>. (дата обращения: 3 декабря 2025 г.).

⁴⁵ Nam B. The Impact of Drug Approval-Patent Linkage System on Patent Applications: Evidence from the KORUS FTA / Nam B., Choi C.H. // Journal of Korea Trade. 2023. Vol. 27. Iss. 6. P. 65–80.

⁴⁶ Ilgyu K. Utilization of Patent information for Human Purpose: Focusing on Technologies in the Public Domain. 2013. Vol. 12. Iss. 2. P. 163–196.

⁴⁷ Songyan R. Acceptance Conditions for Civil Cases on Drug Patent Linkage // Intellectual property rights. 2024. Vol. 7. 98 p. (论药品专利链接民事案件的受理条件 芮松艳).

⁴⁸ Tan R., Hua H., Zhou S., Yang Z. et al Current landscape of innovative drug development and regulatory support in China // Signal Transduction and Targeted Therapy. 2025. Vol. 10. Iss. 220. P. 1–36.

⁴⁹ Naixuan Z. Yanhua Y. China's drug patent link system transplantation and innovation from the perspective of double-layer game // Science and Technology and Law (English). 2021. Iss. 6. 65 p. (赵乃瑄: 杨壬淦; 双层博弈视角下的中国药品专利链接制度移植与创新).

⁵⁰ Su D.D. China's Plan for the Construction of Drug Patent linkage system theory, principles and approach // Science & Technology Progress and Policy. 2022. Vol. 39. Iss. 6. P. 121–129.

разработке поправок к собственной регуляторной системы, в том числе опыт Южной Кореи⁵¹. Вместе с тем режим патентного связывания в Китае имеет ряд особенностей, отличающих его от регуляторной системы Южной Кореи.

Во-первых, в отличие от системы Южной Кореи, эксклюзивность предоставляется только в случае удовлетворения совокупности условий: заявитель должен быть первым, оспорившим патент, а равно первым, получившим регистрационное разрешение. Более того, эксклюзивность предоставляется лишь одному заявителю⁵². Продолжительность периода эксклюзивности в отношении воспроизведенных лекарственных препаратов также увеличена и составляет 12 месяцев⁵³. Во-вторых, приостановление регистрации воспроизведенного лекарственного средства может быть осуществлено только один раз и только на 9 месяцев в случае подачи патентообладателем заявления о нарушении исключительного права⁵⁴. Данное условие обеспечивает превенцию необоснованного удержания выпуска воспроизведенного лекарственного средства, однако не предусматривает сложной системы его полного предупреждения, которое имеется в Южной Корее, но подобные предложения встречаются в среде исследователей⁵⁵. В-третьих, в случае предоставления патентообладателем недостоверных сведений о патентах на Платформу регистрации патентной информации на него может быть возложена административная ответственность.

Таким образом, несмотря на признание значимости и перспективности режима патентного связывания в среде академического сообщества⁵⁶

его теоретическая проработка остается на ненадлежащем уровне, что в известной степени сказывается на эффективности правоприменения в Китае. Представляется, что основной причиной неудач Китая является недостаточно последовательная рецепция механизмов патентного связывания, апробировавших себя в Южной Корее. Так, например, Цю Фуен отмечает необходимость оформления ценза, способного препятствовать приостановлению регистрации воспроизведенного лекарственного средства⁵⁷, вместе с тем опыт Южной Кореи предлагает организационное решение, выраженное в превентивном административном решении об отсутствии нарушения исключительного права патентообладателя. Схожим образом исследователь избирает неверное направление борьбы с обратным финансированием, отмечая перспективность применения мер, основанных на антимонопольном законодательстве, по аналогии с Соединенными Штатами Америки. Вместе с тем решение проблемы обратного финансирования также предлагается практикой Южной Кореи и, в первую очередь, основывается на ограничении не востребовавшегося периода эксклюзивности.

III. Перспектива введения режима патентного связывания в Российской Федерации

В Российской Федерации продолжается обсуждение обоснованности внедрения режима патентного связывания. Некоторые исследователи отмечают, что его имплементация приведет к увеличению рисков злоупотребления правом со стороны производителей оригинальных

⁵¹ Fuen Q. Patent Linkage System in South Korea and Its Enlightenment to China // Electronic Intellectual Property. 2019. Vol. 3. P. 22 (韩国药品专利链接制度介绍及对我国制度的启示 邱福恩).

⁵² Du L. Research on First Pharmaceutical Patent Challenges under the Early Resolution Mechanism for Drug Patent Disputes // Open Journal of Legal Science. 2024. Vol. 12. Iss. 6. P. 4137–4142.

⁵³ Yuan W., Rong Sh. et al. Strategic Exploration of the Implementation of China's Drug Patent Linkage System in Reference to International Rules // Chinese Pharmacy. 2022. Vol. 33. Iss. 21. P. 2566–2571.

⁵⁴ Yao X. Characteristics and outcomes of the drug patent linkage system in China / Globalization and Health. 2024. Vol. 20. № 31. // URL: <https://doi.org/10.1186/s12992-024-01035-x>. (дата обращения: 3 декабря 2025 г.).

⁵⁵ Dongdong S. China's Plan for the Construction of Drug Patent Linkage System: Theory, Principles and Approach // Science & Technology Progress and Policy. 2022. Vol. 39. Iss. 6. P. 121–129 (苏冬冬; 药品专利链接制度建构的中国方案: 理论、原则与路径).

⁵⁶ Haoran Zh. Succession and adjustment of China's pharmaceutical patent link system in the perspective of competition // Intellectual property rights. 2019. Vol. 4. (张浩然; 竞争视野下中国药品专利链接制度的继受与调适); Dongdong S. The Legitimacy of the Drug Patent Link System and the Analysis of Institutional Value // Electronic Intellectual Property. 2019. Vol. 3. P. 4 p. (药品专利链接制度的正当性及制度价值分析 苏冬冬).

⁵⁷ Fuen Q. The US Practice of Patent Linkage System and Its Implication to China // Intellectual property rights. 2018. Vol. 12. P. 87 (美国药品专利链接制度实践情况及其启示 邱福恩).

лекарственных средств, а равно необоснованно-му продлению их монополии, что, в свою очередь, снизит доступность инновационных лекарственных средств, нанесет вред здравоохранению⁵⁸.

Вместе с тем в Российской Федерации продолжается курс на развитие исследовательских инициатив, расширение собственного производства инновационных лекарственных средств⁵⁹. Таким образом, имеет место выраженная тенденция на переориентацию фармацевтического рынка от воспроизведенных к инновационным лекарственным средствам. Представляется, что политика протекционизма в отношении воспроизведенных лекарственных средств в подобных условиях также должна претерпеть существенные изменения.

В науке высказываются мнения о том, что существующий механизм оспаривания государственной регистрации лекарственных средств при подтверждении факта нарушения прав патентообладателя является достаточным для обеспечения их прав и законных интересов⁶⁰. Мы полагаем данную позицию в недостаточной степени обоснованной ввиду следующих обстоятельств. Во-первых, оспоримость государственной регистрации в рамках патентного спора не является гарантированной даже в случаях подтверждения нарушения исключительного права⁶¹. Во-вторых, данный механизм применим только в контексте свершившегося нарушения исключительного права, пресечение реализации воспроизведенного лекарственного средства в течение отправления судебного процесса возможно только по судебному запрету. В свою очередь режим патентного связывания предполагает превенцию нарушения исключительного права, позволяет патентообладателю избежать расходов, связан-

ных с длительным судебным процессом, а равно реализацией воспроизведенного лекарственного средства.

Мы не разделяем позицию о необоснованности возложения обязанностей по проверке соблюдения интеллектуальных прав при государственной регистрации лекарственного препарата на том основании, что подобное приведет к увеличению продолжительности государственной регистрации. Во-первых, данная проверка должна осуществляться посредством специального инструмента, которым является информационная база данных о патентах на лекарственные средства, формируемая посредством соответствующих заявлений патентообладателей, организуемая и модерируемая регистрирующим органом. Обоснованность и эффективность возложения подобных обязанностей на регистрирующий орган может быть апробировано описанным ранее опытом Южной Кореи, а также опытом ведения Евразийского фармацевтического реестра, гарантирующих актуальность и достоверность данных в информационной базе⁶². Подобная информационная база позволит сличать сведения о действующих патентах в кратчайшие сроки, предотвращая необоснованно отложенную регистрацию. Во-вторых, минимизация срока регистрации воспроизведенного лекарственного средства является одним из элементов балансировки совокупности интересов на фармацевтическом рынке и не может рассматриваться как безусловное отрицательное следствие обновления процедуры регистрации. Следует учитывать, что публичный интерес не может быть гарантирован за счет неоправданного, а равно незаконного умаления интереса частного, если то не осуществлено в предусмотренном законом порядке.

⁵⁸ Цомартова Ф.В. Государственные гарантии доступности лекарственных средств в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4 (71). С. 161–170.

⁵⁹ Акулин И.М., Сарана А.М. Лекарственная безопасность. Правовые и организационные проблемы // Сборник трудов XV ежегодной научно-практической конференции с международным участием «Медицина и право в XXI веке» 22–23 декабря 2023 г. С.-Петербург: ЦСЛК. 2024. С. 9–31.

⁶⁰ Латынцев А.В. Соотношение правовых институтов патентного права и регулирование обращения лекарственных средств // Lex Russica (Русский закон). Т. 78. № 1 (218). С. 50–58.

⁶¹ Борзова М. Практика защиты исключительных прав в фармацевтическом секторе и тенденция ее развития // Ремедиум. 2019. № 7–8. С. 6–15.

⁶² Аверкиев С.Е., Рубайло Д.П. Фармацевтические реестры: обзор мирового опыта и развитие на Евразийском пространстве // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 2. С. 21–26.

Далее, критика режима патентного связывания на основании игнорирования им исключения о «безопасной гавани» («исключения Болар») ⁶³ также представляется необоснованным. В частности, как мы установили ранее, продвижением поправок «Хэтча-Ваксмана» после провала инициатив лобби патентообладателей занимались производители воспроизведенных лекарственных средств, а также лицами, лоббирующими их интересы. При этом исключение «безопасной гавани» было закреплено в законе как гарантия возможности использования данных клинических или доклинических исследований в целях регистрации воспроизведенного лекарственного средства. Данное исключение является неотъемлемой частью правильно организованного режима патентного связывания и отражает его природу как режима, способствующего интересам производителей воспроизведенного лекарственного средства в степени не меньшей, чем в отношении патентообладателей.

Таким образом, мы не разделяем мнение о том, что режим патентного связывания представляет собой механизм, способный сместить регуляторный акцент в пользу крупных фармацевтических компаний, а равно снизить доступность инновационных лекарственных средств, поскольку природа данного режима, обусловленная контекстом его формирования, предусматривает ряд механизмов, защищающих производителей воспроизведенных лекарственных препаратов, стимулирующих обжалование «слабых» патентов.

Мы полагаем, что в условиях ориентации на развитие отечественных инновационных лекарственных средств актуальность получает адаптивная модель режима патентного связывания, способная интегрироваться в реальный ландшафт фармацевтического рынка Российской Федерации.

Поэтому мы предлагаем внести следующие изменения в общую структуру режима патентного связывания.

Во-первых, осуществить формирование национальной информационной базы фармацев-

тических патентов в отношении действующий веществ, способах их получения, а также дозировку, состав и медицинское применение. В данную базу не должны включаться патенты, связанные с административным обеспечением надлежащего использования лекарственного средства, включая процедуры обучения медицинских работников, организацию медицинского обслуживания, информационно-коммуникационное обслуживание и другие. Далее, для превенции необоснованного продления срока действия патента следует запретить внесение в базу патентов в отношении лекарственных средств, на которые (а) ранее выдано регистрационное удостоверение; (б) ранее выдан патент; (в) по результатам экспертизы установлено, что изменения, произведенные в отношении данного лекарственного средства, существенно не изменяют его состава, фактического медицинского назначения, а равно направлены на необоснованное продление патентной защиты.

Далее, информационная база должна рассматриваться в общем контексте регуляторного законодательства в качестве его неотъемлемого инструмента, обладающего определенными целями. Обязанности по модерированию и формированию указанной базы должны быть, таким образом, возложены на регистрирующий орган, наделенный активными полномочиями. Следует перенять опыт функционирования Евразийского фармацевтического реестра в части обязательной предварительной экспертной оценки каждой заявки на включение в информационную базу. Таким образом, подобный периметр патентной защиты, учитываемой при регистрации лекарственных средств, а равно активная роль регистрирующего органа в формировании и модерировании информационной базы, позволят устранить основные причины злоупотребления правом со стороны производителей оригинальных лекарственных средств.

Во-вторых, надлежит дифференцировать основания регистрации воспроизведенных лекарственных средств, определив основания по

⁶³ Иванов А.Ю., Котова Д.А. Патентная увязка (patent linkage) в России: западный опыт, который не стоит перенимать // Публичное право сегодня. 2022. № 1 (11). С. 87–104.

аналогии с установленными поправками «Хэтча-Ваксмана» следующим образом: регистрация воспроизведенного лекарственного средства, в отношении которого (а) нет действующего патента; (б) нет нарушения исключительных прав; (в) регистрационное удостоверение будет получено после истечения срока действия патента на оригинальное лекарственное средство; (г) действующий патент является недействительным.

Представляется обоснованным обеспечить доказательство оснований (а) и (в) в административном порядке посредством обращения за соответствующим экспертным заключением в регистрационный орган. Уведомление патентообладателя в случае осуществления регистрации на данных основаниях следует признать необязательным.

В свою очередь подтверждение оснований (б) и (г) также могут быть перенесены в административный порядок в рамках отдельного экспертного совета, действующего при регистрационном органе в координации с органом, ответственным за регулирование вопросов интеллектуальной собственности, однако данная новелла требует значительной практической апробации ввиду повышения рисков увеличения срока разрешения споров, повторения неудачного опыта, существующего в Китае.

В-третьих, следует установить период эксклюзивности в отношении лиц, первыми обжаловавшими патент на оригинальное лекарственное средство, равный 12 месяцам со дня получения регистрационного удостоверения на воспроизведенное лекарственное средство. При этом подобных лиц должно быть более одного, первенство должно определяться следующим образом: первыми обжаловавшими патент на оригинальное лекарственное средство являются лица, получившие соответствующее решение компетентного государственного органа в пределах одной календарной недели от момента получения первого решения, подтверждающего обжалование патента на лекарственное средство.

В-четвертых, необходимо сформировать механизм превенции приостановления регистрации воспроизведенного лекарственного средства, обеспечив его посредством соответствующей

административной процедуры, исполняемой с привлечением экспертного совета при регистрирующем органе. Подобный режим должен быть применим по отношению к основаниям (а) и (в). Следует также ограничить период приостановления регистрации до 6 месяцев, а равно связать данный срок с рекомендуемой продолжительностью разрешения спора в административном порядке.

Заключение

Таким образом, изменение парадигмы развития фармацевтической отрасли, ее направление в сторону инновационных фармацевтических технологий актуализирует вопрос об использовании механизма, способного обеспечить корреляцию между возможностью государственной регистрации лекарственного средства и наличием действующих патентов на него, а также устранение необоснованных патентных прав, препятствующих государственной регистрации; а равно – предотвратить выход на рынок воспроизведенных лекарственных средств, нарушающих исключительные права. Китай, находящийся в процессе подобной переориентации фармацевтического сектора, также внедрил в национальную регуляторную систему режим патентного связывания и продолжает его совершенствование, что отражает общую динамику связанности перехода к рынку инновационных лекарственных средств и внедрения режима патентного связывания.

Принимая во внимание недостатки, а равно риски, связанные с применением режима патентного связывания, мы полагаем перспективным его оформление в Российской Федерации с учетом предложенных корректировок. Вместе с тем, по нашему мнению, имплементацию режима патентного связывания следует рассматривать как процесс, связанный с контекстом реформирования регуляторного и охранительного законодательства в целом. Только в подобных условиях режим патентного связывания может быть эффективно адаптирован к социально-экономическому контексту, действительному состоянию фармацевтического рынка Российской Федерации.

Список литературы:

1. *Аверкиев С.Е., Рубайло Д.П.* Фармацевтические реестры: обзор мирового опыта и развитие на Евразийском пространстве // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 2. С. 21–26.
2. *Акулин И.М., Сарана А.М.* Лекарственная безопасность. Правовые и организационные проблемы // Сборник трудов XV ежегодной научно-практической конференции с международным участием «Медицина и право в XXI веке» 22–23 декабря 2023 г. С.-Петербург: ЦСЛК. 2024. С. 9–31.
3. *Борзова М.* Практика защиты исключительных прав в фармацевтическом секторе и тенденция ее развития // Ремедиум. 2019. № 7-8. С. 6–15.
4. Викрам Пуния рассказал о перспективах развития инноваций в российской фармотрасли (Фармацевтический вестник. 2025) // URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/Vikram-Puniya-rasskazal-o-perspektivah-razvitiya-innovacii-v-rossiiskoi-farmotrasli.html> (дата обращения: 3 декабря 2025 г.).
5. *Иванов А.Ю., Котова Д.А.* Патентная увязка (patent linkage) в России: западный опыт, который не стоит перенимать // Публичное право сегодня. 2022. № 1 (11). С. 87–104.
6. *Латынцев А.В.* Соотношение правовых институтов патентного права и регулирование обращения лекарственных средств // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78. № 1 (218). С. 50–58.
7. *Цомартова Ф.В.* Государственные гарантии доступности лекарственных средств в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4 (71). С. 161–170.
8. *Чапленко А.А., Власов В.В., Гильдеева Г.Н.* // Инновационные лекарственные препараты на российском фармацевтическом рынке: ключевые игроки и основные направления разработок. 2020. № 10. С. 4–9.
9. *Alderfer J., Hansen R.A. et al.* Understanding authorized generics – A review of the published clinical data // Journal of Clinical Pharmacy and Therapeutics. 2021. Vol. 46. Iss. 6. P. 1489–1497.
10. *Asano T.* Trends in the U.S. Pro – Patent Policy in the Pharmaceutical and Biotechnology Fields – Focusing on the Hatch-Waxman Act // IIP Bulletin. 2006. P. 166–174.
11. *Bagley M.A.* Patent Term Restoration and Non-Patent Exclusivity in the United States // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. 2011. Vol. 25. P. 1–25.
12. *Carrier M.A., Sooy B.* Five Solutions to the REMS Patent Problem // Boston University Law Review. 2017. Vol. 97. Iss. 5. P. 1661–1707.
13. *Chaplenko A., Gildeeva G., Vlassov V.* The Entry Lag of Innovative Drugs in Russia, 2010–2019 // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. Iss. 10. P. 1–12.
14. *DiMasi J.A., Grabowski H.G., Hansen R.W.* Innovation in the pharmaceutical industry: New estimates of R&D costs // Journal of Health Economics. 2016. Vol. 47. P. 20–33.
15. *Dongdong S.* China’s Plan for the Construction of Drug Patent Linkage System: Theory, Principles and Approach // Science & Technology Progress and Policy. 2022. Vol. 39. Iss. 6. P. 121–129 (苏冬冬; 药品专利链接制度建构的中国方案: 理论、原则与路径).
16. *Du L.* Research on First Pharmaceutical Patent Challenges under the Early Resolution Mechanism for Drug Patent Disputes // Open Journal of Legal Science. 2024. Vol. 12. Iss. 6. P. 4137–4142.
17. *Erçalışkan A., Erdoğan D.S., Eşkazan A.E.* Current evidence on the efficacy and safety of generic imatinib in CML and the impact of generics on health care costs // Blood advances. 2021. Vol. 5. Iss. 17. P. 3344–3353;
18. *Friedman R.S.* Representation in Regulatory Decision Making: Scientific, Industrial, and Consumer Inputs to the F.D.A. // Public Administration Review. 1978. Vol. 38. Iss. 3. P. 205–214.
19. *Fuen Q.* Patent Linkage System in South Korea and Its Enlightenment to China // Electronic Intellectual Property. 2019. Vol. 3. P. 22 (韩国药品专利链接制度介绍及对我国制度的启示 邱福恩).
20. *Fuen Q.* The US Practice of Patent Linkage System and Its Implication to China // Intellectual property rights. 2018. Vol. 12. P. 87 (美国药品专利链接制度实践情况及其启示 邱福恩).

21. *Gandhi K., Joga R., Sowndharya M. et al* Unlocking Generic Market Access: A Retrospective Analysis of USFDA Paragraph IV Filings (2020–2024) (Therapeutic Innovation & Regulatory Science. 2025) // URL: <https://doi.org/10.1007/s43441-025-00831-w> (дата обращения: 03 декабря 2025 г.).
22. *Gothe H., Shall I., Mitrovic M. et al.* The Impact of Generic Substitution on Health and Economic Outcomes: A Systematic Review // *Applied Health Economics and Health Policy*. 2015. Vol. 13. P. 21–33.
23. *Grabowski H., Vernon J.* Longer Patents for Lower Imitation Barriers: The 1984 Drug Act // *The American Economic Review*. 1986. Vol. 76. Iss. 2. P. 195–198.
24. *Grabowski H.G., Vernon J.M.* The Regulation of Pharmaceuticals // *American Enterprise Institute for Public Policy Research*. Washington and London, 1983. P. 81.
25. *Haas. J.S., Phillips A., Gerstenberger E.P. et al.* Potential Savings from Substituting Generic Drugs for Brand-Name Drugs: Medical Expenditure Panel Survey, 1997–2000 // *Annals of Internal Medicine*. Vol. 142. Iss. 11. P. 891–897.
26. *Haoran Zh.* Succession and adjustment of China’s pharmaceutical patent link system in the perspective of competition // *Intellectual property rights*. 2019. Vol. 4. (张浩然; 竞争视野下中国药品专利链接制度的继受与调适); *Dongdong S.* The Legitimacy of the Drug Patent Link System and the Analysis of Institutional Value // *Electronic Intellectual Property*. 2019. Vol. 3. P. 4 p. (药品专利链接制度的正当性及制度价值分析 苏冬冬).
27. *Hemphill C.S., Sampat B.N.* Evergreening, patent challenges, and effective market life in pharmaceuticals // *Journal of Health Economics*. 2012. Vol. 31. № 2. P. 327–339.
28. *Herring E.P.* The Balance of Social Forces in the Administration of the Pure Food and Drug Act // *Social Forces*. 1935. Vol. 13. Iss. 3. P. 358–366;
29. *Ilyu K.* Utilization of Patent information for Human Purpose: Focusing on Technologies in the Public Domain. 2013. Vol. 12. Iss. 2. P. 163–196.
30. *Jong S.J.* Patent litigation in Korea. 2007. Vol. 6. Iss. 2. P. 201–219.
31. *Kesselheim A.S., Darrow J.J.* Do We Need a Re-Designed Approach for the Modern Era? // *Yale Journal of Health Policy, Law, and Ethics*. 2015. Vol. 15. Iss. 2. P. 293–347; *Danzis S.D.* The Hatch-Waxman Act: History, structure, and legacy // *Antitrust Law Journal*. 2003. Vol. 71. Iss. 2. P. 585–608.
32. *Knoben J.E., Scott G.R., Tonelli R.J.* An overview of the FDA publication Approved Drug Products with Therapeutic Equivalence Evaluations // *American Journal of Hospital Pharmacy*. 1990. Vol. 47. Iss. 12. P. 2696–2700.
33. *Lietzan E.* The History and Political Economy of the Hatch-Waxman Amendments // *Seton Hall Law Review*. 2019. Vol. 49. Iss. 1. P. 53–127 (H. Metzenbaum: «by their own admission engage in substantial testing of safety and efficacy to protect themselves against product liability and consumer fraud suits»).
34. *Merril R.A.* The Architecture of Government Regulation of Medical Products // *Virginia Law Review*. 1996. Vol. 82. Iss. 8. P. 1753–1866.
35. *Miller S.* Generic Drugs: A Treatment for High-Cost Health Care // *Missouri Medicine*. 2020. Vol. 117. Iss. 1. P. 12–13.
36. *Morgan D.C.* The Kefauver Drug Hearings in Perspective / *Morgan D.C., Allison S.E.* // *The Southwestern Social Science Quarterly*. 1964. Vol. 45. Iss. 1. P. 59–68.
37. *Naixuan Z., Yanhua Y.* China’s drug patent link system transplantation and innovation from the perspective of double-layer game // *Science and Technology and Law (English)*. 2021. Iss. 6. 65 p. (赵乃瑄; 杨壬淦; 双层博弈视角下的中国药品专利链接制度移植与创新).
38. *Nam B.* The Impact of Drug Approval-Patent Linkage System on Patent Applications: Evidence from the KORUS FTA / *Nam B., Choi C.H.* // *Journal of Korea Trade*. 2023. Vol. 27. Iss. 6. P. 65–80.
39. *Paine M.F.* Therapeutic disasters that hastened safety testing of new drugs // *Drug-Induced Organ Damage*. 2017. Vol. 101. Iss. 4. P. 430–434; а также *Wax P.M.* Elixirs, diluents, and the passage of the 1938 Federal Food, Drug and Cosmetic Act // *Annals of Internal Medicine*. 1995. Vol. 122. Iss. 6. P. 456–461.
40. *Park K.N., Hui J.Y., Lyu E.* South Korea’s Patent-Approval Linkage System // *IP in the life science industries*. 2014. P. 121–124.

41. *Pieltzman S.* An Evaluation of Consumer Protection Legislation: The 1962 Drug Amendments // *Journal of Political Economy*. 1973. Vol. 81. Iss. 5. P. 1049–1091.
42. *Raju K.D.* Patent Linkages and Its Impact on Access to Medicines: Challenges, Opportunities for Developing Countries // *Access to Medicines and Vaccines*. Conference paper. 2021. P. 329–369.
43. *Raley K.T.* The South Korean Patent Linkage System: A Model for Reforming the United States Hatch-Waxman Act // *Emory International Law review*. 2019. Vol. 33. Iss. 3. P. 459–492.
44. *Said M.* Patent linkage, data exclusivity and public health: approaches for reform Open Access (*Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2025) // URL: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpaf057> (дата обращения: 3 декабря 2025 г.).
45. *Sampat B.N., Shadlen K.C.* Secondary pharmaceutical patenting: A global perspective // *Research Policy*. 2017. Vol. 46. Iss. 3. P. 693–707.
46. *Son K.* Patenting and patent challenges in South Korea after introducing a patent linkage system / *Globalization and Health*. 2022. Vol. 18. № 95 // URL: <https://globalizationandhealth.biomedcentral.com/counter/pdf/10.1186/s12992-022-00887-5.pdf>. (дата обращения: 3 декабря 2025 г.).
47. *Son K., Bae S., Lee T.* Does the Patent Linkage System Prolong Effective Market Exclusivity? Recent Evidence from the Korea-U.S. Free Trade Agreement in Korea // *International Journal of Health Services*. 2019. Vol. 49. Iss. 2. P. 306–321.
48. *Son K., Choi N., Lee B.* et al. Patent challenges and factors associated with successful patent challengers under the patent linkage system: recent evidence from South Korea after the Korea United States free trade agreement / *Globalization and Health*. 2021. Vol. 17. № 116 // URL: <https://globalizationandhealth.biomedcentral.com/counter/pdf/10.1186/s12992-021-00765-6.pdf>. (дата обращения: 3 декабря 2025 г.).
49. *Son K., Lopert R., Gleeson D., Lee T.* Moderating the impact of patent linkage on access to medicines: lessons from variations in South Korea, Australia, Canada, and the United States // *Globalization and Health*. 2018. Vol. 14. № 101. P. 1–11.
50. *Songyan R.* Acceptance Conditions for Civil Cases on Drug Patent Linkage // *Intellectual property rights*. 2024. Vol. 7. 98 p. (论药品专利链接民事案件的受理条件 芮松艳).
51. *Su D.D.* China's Plan for the Construction of Drug Patent linkage system theory, principles and approach // *Science & Technology Progress and Policy*. 2022. Vol. 39. Iss. 6. P. 121–129.
52. *Tan R., Hua H., Zhou S., Yang Z.* et al Current landscape of innovative drug development and regulatory support in China // *Signal Transduction and Targeted Therapy*. 2025. Vol. 10. Iss. 220. P. 1–36.
53. *Taussig H.B.* The Thalidomide Syndrome // *Scientific American*. 1962. Vol. 207. Iss. 2. P. 29–35.
54. *Thomas J.R.* Pharmaceutical Patent-Antitrust: Reverse Payment Settlements and Product Hopping // *Congressional research center*. 2015. P. 1–19.
55. *Tousley R.D.* The Federal Food, Drug, and Cosmetic Act of 1938 // *Journal of Marketing*. 1941. Vol. 5. Iss. 3. P. 259–269.
56. *Yao X.* Characteristics and outcomes of the drug patent linkage system in China / *Globalization and Health*. 2024. Vol. 20. № 31. // URL: <https://doi.org/10.1186/s12992-024-01035-x>. (дата обращения: 3 декабря 2025 г.).
57. *Yuan W., Rong Sh.* et al. Strategic Exploration of the Implementation of China's Drug Patent Linkage System in Reference to International Rules // *Chinese Pharmacy*. 2022. Vol. 33. Iss. 21. P. 2566–2571.

Для цитирования:

Четвертакова Е.С. К вопросу о наказании агента, злоупотребившего доверием принципала и присвоившего себе его репутацию и бренды // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2026. Март. № 1 (51). С. 90–120.

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_10

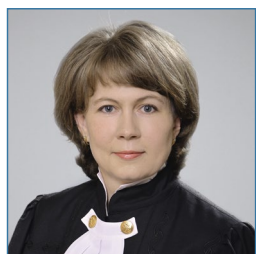
For citation:

Chetvertakova, E.S. On the issue of punishing an agent who has abused the principal's trust and taken over their reputation and brands // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2026. March. N 1 (51). Pp. 90–120. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_10

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_10

К вопросу о наказании агента, злоупотребившего доверием принципала и присвоившего себе его репутацию и бренды



Е.С. Четвертакова,

кандидат юридических наук, доцент,

председатель судебного состава Суда по интеллектуальным правам

В данной статье на примере практики Суда по интеллектуальным правам описана методология применения положений ст. 6.septies Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. и подп. 5 п. 2 ст. 1512 Гражданского кодекса Российской Федерации при оспаривании предоставления правовой охраны обозначению, зарегистрированному в качестве товарного знака (знака обслуживания) на территории Российской Федерации.

Ключевые слова:

доверие; добросовестность; товарный знак; приобретение исключительного права; зарубежный владелец средства индивидуализации; агент; принципал; тождество обозначений; сходство обозначений; однородность товарных (услуговых) позиций

Доверие, оказанное вероломному, дает ему возможность вредить.

Луций Анней Сенека (Сенека младший)

Доверительные отношения между участниками гражданского оборота нередко попадают в поле зрения ученых и практиков, и это не-

случайно [1, 2, 3]. Наряду с доверием важными составляющими взаимодействия деловых партнеров (контрагентов) являются добросовестность,

честность, следование договоренностям, должная осмотрительность и даже заботливость. Но именно доверие в ряде обязательств выступает в качестве основания правоотношения. Как отмечал профессор О.С. Иоффе, доверие составляет необходимый элемент всякой сделки, но есть и такие договоры, существо которых опирается на взаимное доверие их сторон [4, с. 166].

При анализе доверительных (фидуциарных) отношений внимание акцентируется на том, что в них доверие одного участника к другому либо взаимное доверие между ними является мотивом возникновения, существования или прекращения правоотношений [5, с. 96]. Нельзя не согласиться с тем, что добросовестное поведение в интересах доверителя является содержанием любого фидуциарного отношения, а проявление вовне внутренних фидуциарных отношений в негласных доверительных отношениях имеет существенные особенности по сравнению с гласными доверительными отношениями [6, с. 20–25].

Особое значение категория «доверие» получает, когда хозяйственную деятельность осуществляют партнеры, находящиеся на территории разных государств и подпадающие под компетенцию разных юрисдикций. В связи с этим интересным представляется вопрос защиты прав и интересов владельцев товарных знаков, зарегистрированных в странах – участниках Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (далее – Парижская конвенция), образовавших Союз по охране промышленной собственности (далее – Союз), от недобросовестных действий их агентов либо представителей, поставляющих товары владельца товарного знака на рынок Российской Федерации.

На основании подпункта 5 п. 2 ст. 1512 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предоставление правовой охраны товарному знаку (знаку обслуживания) может быть оспорено и признано недействительным в течение всего срока действия исключительного права на товарный знак, если правовая охрана была ему предоставлена на имя агента или представителя

лица, которое является обладателем исключительного права в одном из государств – участников Парижской конвенции, с нарушением требований данной Конвенции.

Согласно пункту 1 ст. 6.septies Парижской конвенции, если агент или представитель того, кто является владельцем знака в одной из стран Союза, подает без разрешения владельца заявку на регистрацию этого знака от своего собственного имени в одной или в нескольких таких странах, владелец имеет право воспрепятствовать регистрации или потребовать ее аннулирования либо, если закон страны это разрешает, переоформления регистрации в свою пользу, если только агент/представитель не представит доказательств, оправдывающих его действия. Владелец знака имеет право, при наличии предусмотренных выше условий, воспрепятствовать использованию знака агентом или представителем, если только он не давал согласия на такое использование.

В силу пункта 2 ст. 6.septies Парижской конвенции владелец знака имеет право при наличии условий, предусмотренных в пункте 1 указанной статьи Конвенции, воспрепятствовать использованию знака агентом или представителем, если только он не давал согласия на такое использование.

По смыслу пункта 1 ст. 6.septies Парижской конвенции «владельцем знака в одной из стран Союза» возможно также признать группу аффилированных лиц, одно из которых является правообладателем товарного знака (знака обслуживания) в стране происхождения товара, а второе – производителем товара, индивидуализируемого таким знаком¹.

В соответствии с пунктом 3 ст. 6.septies Парижской конвенции национальным законодательством может быть установлен справедливый срок, в течение которого владелец знака должен воспользоваться правами, предусмотренными названной статьей Конвенции.

Как определено пунктом 3 ст. 1513 ГК РФ, возращение против предоставления правовой охраны товарному знаку (знаку обслуживания) по основа-

¹ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 25 ноября 2021 г. по делу № СИП-224/2020, от 23 сентября 2022 г. по делу № СИП-225/2020.

нию, предусмотренному подп. 5 п. 2 ст. 1512 этого Кодекса, может быть подано заинтересованным обладателем исключительного права на товарный знак (знак обслуживания) в одном из государств – участников Парижской конвенции.

Целью приведенных норм материального права является предотвращение неправомерного использования более раннего товарного знака (знака обслуживания) агентом или представителем владельца этого знака, так как данные лица могут воспользоваться доверием, знаниями и опытом, приобретенными в ходе деловых отношений с владельцем, и таким образом получить неоправданную выгоду от усилий и инвестиций, сделанных владельцем.

Поскольку возражение против регистрации товарного знака (знака обслуживания) на агента может быть подано только лицом, которое обладает исключительным правом на товарный знак (знака обслуживания) в одном из государств – участников Парижской конвенции, то заинтересованное лицо должно подтвердить факт наличия агентских отношений между ним и лицом, зарегистрировавшим на свое имя спорное обозначение. В данном случае не имеет юридического значения, занимает ли активную позицию правообладатель спорного средства индивидуализации, опровергает он или нет существование таких отношений с принципалом. В любом случае бремя доказывания соответствующих обстоятельств лежит на подателе возражения.

При применении статьи 6.septies Парижской конвенции в практике Суда по интеллектуальным правам сложился подход, заключающийся в расширительном толковании агентских и представительских отношений между правообладателем спорного российского товарного знака (знака

обслуживания) и противопоставленных товарных знаков (знаков обслуживания), зарегистрированных в государстве – участнике Парижской конвенции. Недоказанность названных отношений сама собой исключает вывод о противоречии спорного обозначения нормам подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ и ст. 6.septies Парижской конвенции².

Суд по интеллектуальным правам неоднократно отмечал, что формы сотрудничества между правообладателем спорного товарного знака (знака обслуживания) и его зарубежным партнером включают в себя различные договорные отношения по реализации на территории Российской Федерации товаров, маркированных спорным обозначением. Это могут быть дистрибьюторский и агентский договоры³, договоры комиссии, поручения и т.п. Отношения между принципалом и агентом или представителем отличаются тем, что агент (поверенный) берет на себя обязанность действовать по поручению, от имени, за счет и в интересах принципала. Кроме того, российское лицо и иностранная компания могут иметь организационные связи, обусловленные, например, корпоративными отношениями.

Желая опровергнуть факт существования договорных обязательств между принципалом и агентом, последний нередко ссылается на незаключенность либо на недействительность соответствующей сделки. Вместе с тем для оценки поведения агента по регистрации на свое имя спорного обозначения важно правильно квалифицировать сложившиеся между российским и зарубежным партнером отношения и доказать фактическое исполнение принятых на себя обязательств либо воздержание от нарушения запретов, установленных в оформленных между ними договорах, соглашениях и иных документах⁴.

² Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 6 июня 2024 г. по делу № СИП-821/2023 (определением Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2024 г. № 300-ЭС24-16881 отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации).

³ Постановления президиума Суда по интеллектуальным правам от 29 апреля 2025 г. по делу № СИП-892/2024, от 24 сентября 2025 г. по делу № СИП-1321/2024 (определением Верховного Суда Российской Федерации от 12 января 2026 г. № 300-ЭС25-13799 отказано в передаче кассационной жалобы в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации).

⁴ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 9 июля 2025 г. по делу № СИП-677/2024 (определением Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2025 г. № 300-ЭС25-10328 отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации).

Так, при рассмотрении дела № СИП-180/2022 суд первой инстанции установил, что условиями заключенного между иностранной компанией и правообладателем спорного товарного знака договора дистрибьюции и продаж косметической продукции был предусмотрен запрет для дистрибьютора на регистрацию обозначений, сходных с товарным знаком компании. Поскольку в данном случае дистрибьютор не только нарушил упомянутый запрет, но и направил в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (Роспатент) подложные документы (изготовленное от имени иностранного лица письмо-согласие), суд констатировал наличие в действиях правообладателя спорного средства индивидуализации признаков злоупотребления правом. При таких обстоятельствах суд признал регистрацию спорного товарного знака противоречащей требованиям ст. 10 ГК РФ, а не ст. 6.septies Парижской конвенции⁵.

Соглашаясь с подходом суда первой инстанции, президиум Суда по интеллектуальным правам акцентировал внимание на том, что по смыслу положений ст. 10 ГК РФ для признания действий какого-либо лица злоупотреблением правом судом должно быть установлено, что умысел такого лица был направлен на заведомо недобросовестное осуществление прав, единственной его целью было причинение вреда другому лицу (отсутствие иных добросовестных целей). При этом злоупотребление правом должно носить достаточно очевидный характер, а вывод о нем не должен являться следствием предположений.

Согласно пункту 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

При этом в соответствии со ст. 10.bis Парижской конвенции для квалификации регистрации товарного знака (знака обслуживания) как акта недобросовестной конкуренции оценке подлежит честность такой регистрации, которая не может быть установлена без учета цели регистрации

товарного знака (знака обслуживания). В связи с этим при рассмотрении судом вопроса о добросовестности регистрации товарного знака (знака обслуживания) исследованию могут подлежать как обстоятельства, связанные с самой регистрацией, так и последующее поведение правообладателя, из которого может быть установлена цель такой регистрации.

Исходя из норм пункта 2 ст. 10.bis Парижской конвенции и п. 1 ст. 10 ГК РФ, суд может квалифицировать нечестность поведения лица при приобретении исключительного права на товарный знак (знак обслуживания) с учетом субъективных критериев такого поведения, поскольку суд оценивает все обстоятельства конкретного дела в их совокупности и взаимной связи.

Как разъяснено в абзаце третьем п. 171 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», о недобросовестности может свидетельствовать представление в Роспатент недостоверных документов при подаче заявки на регистрацию товарного знака (знака обслуживания).

Важно подчеркнуть, что описанный случай недобросовестности отличается от иных, для которых нужно устанавливать нечестность поведения заявителя по отношению к конкретному потерпевшему⁶. Напротив, недобросовестность лица, выразившаяся в представлении с заявкой на регистрацию товарного знака (знака обслуживания) недостоверных (подложных) документов, не требует оценки на предмет нарушения прав какого-либо конкретного хозяйствующего субъекта (субъектов) применительно к ст. 10 ГК РФ, поскольку такая недобросовестность, заключающаяся в обмене уполномоченного органа, является поправлением правопорядка как такового⁷.

Не уходя далеко от состава недобросовестности, содержащегося в ст. 10.bis Парижской конвенции, необходимо сделать акцент на отличии

⁵ Решение Суда по интеллектуальным правам от 18 мая 2023 г. по делу № СИП-180/2022.

⁶ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 7 июня 2019 г. по делу № СИП-644/2018.

⁷ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 20 октября 2023 г. по делу № СИП-180/2022 (определением Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2023 г. № 300-ЭС23-25860 отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации).

предмета доказывания, охватываемого данной статьей, от предмета доказывания, подпадающего под нормы ст. 6.septies Парижской конвенции и подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ.

В силу статьи 10.bis Парижской конвенции актом недобросовестной конкуренции считается всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах.

Так, подлежат запрету: 1) все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смещение в отношении предприятия, продуктов или промышленной или торговой деятельности конкурента; 2) ложные утверждения при осуществлении коммерческой деятельности, способные дискредитировать предприятие, продукты или промышленную или торговую деятельность конкурента; 3) указания или утверждения, использование которых при осуществлении коммерческой деятельности может ввести общественность в заблуждение в отношении характера, способа изготовления, свойств, пригодности к применению или количества товаров.

Иными словами, при применении ст. 10.bis Парижской конвенции оценивается честность ведения бизнеса определенным лицом при совершении конкретных действий, и не имеет юридическое значение наличие/отсутствие обязательственных и иных отношений между правообладателем спорного товарного знака (знака обслуживания) и лицом, обратившимся за судебной защитой.

Как отмечено выше, содержание ст. 6.septies Парижской конвенции и подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ предполагает обязательное установление и анализ договорных и/или организационных отношений между принципалом и агентом, недобросовестно зарегистрировавшим на себя спорное обозначение⁸. При этом существенным является наличие таких отношений именно на момент подачи заявки на регистрацию обозначения на территории Российской Федерации.

Согласно выработанному в практике Роспатента и Суда по интеллектуальным правам алгоритму проверки доводов иностранного лица (подателя) о несоответствии предоставления правовой охраны российскому товарному знаку (знаку

обслуживания) требованиям ст. 6.septies Парижской конвенции и подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, подлежат установлению следующие обстоятельства в совокупности:

– наличие у подателя возражения исключительных прав на более ранний противопоставленный товарный знак (знак обслуживания), зарегистрированный в одном из государств – участников Парижской конвенции;

– наличие агентских или представительских отношений между правообладателем спорного товарного знака (знака обслуживания) и иностранным лицом (подателем возражения) либо аффилированными с ним лицами;

– заявка на регистрацию спорного товарного знака (знака обслуживания) должна была быть подана на имя агента или представителя (аффилированного с ними лица) без согласия правообладателя более раннего противопоставленного товарного знака (знака обслуживания), без оправдательных на то причин;

– заявка должна касаться тождественного или сходного по существу с противопоставленным товарным знаком (знаком обслуживания) обозначения.

Доказанность перечисленных обстоятельств позволяет констатировать неправомочность приобретения исключительного права на спорный товарный знак (знак обслуживания) и признать недействительным предоставление ему правовой охраны.

Желая опровергнуть аргументы подателя возражения по поводу тождества либо сходства спорного и противопоставленного товарных знаков (знаков обслуживания), правообладатель российского средства индивидуализации нередко пытается обосновать, что совпадение каких-либо элементов, входящих в композиции сравниваемых обозначений, является случайным или в них заложено разное смысловое значение. Такие доводы правообладателя не заслуживают внимания, поскольку даже если действительно правообладатель спорного средства индивидуализации подразумевал в нем иную идею, правовое значение имеет лишь то, как данное обозначение воспринимает

⁸ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 22 ноября 2024 г. по делу № СИП-1357/2023.

потребитель. Кроме того, исходя из баланса вероятностей, административный орган и суд должны критически оценить, мог ли правообладатель спорного средства товарного знака (знака обслуживания) не знать о том, какие обозначения и каким образом использует в своей деятельности податель возражения⁹.

Вместе с тем еще более важным представляется вопрос о том, в каком объеме подлежит прекращению правовая охрана спорного средства индивидуализации – в полном объеме или только в отношении тех товарных и служебных позиций, которые являются идентичными либо однородными рубрикам противопоставленной регистрации?

С данным вопросом президиум Суда по интеллектуальным правам столкнулся на стадии кассационного обжалования при рассмотрении дела № СИП-1321/2024¹⁰.

Учитывая, что доводы участвующих в названном деле лиц сводились к необходимости установления пределов оспаривания предоставления правовой охраны спорному знаку обслуживания, президиум Суда по интеллектуальным правам усмотрел необходимость направления в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 16 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, запросов ученым, обладающим теоретическими познаниями по существу разрешаемого спора: докторам юридических наук Войниканис Елене Анатольевне, Ворожевич Арине Сергеевне, Мурзину Дмитрию Витальевичу, Орловой Валентине Владимировне, Шебановой Надежде Александровне и кандидату юридических наук Старженецкому Владиславу Валерьевичу¹¹.

Перед учеными были поставлены следующие вопросы применения норм материального права.

1. Необходимо ли для целей применения нормы ст. 6.septies Парижской конвенции устанавливать однородность товаров/услуг, для которых зарегистрированы «старший» товарный знак принципала и «младший» (спорный) товарный знак агента?

Может ли товарный знак агента быть признан «этим знаком» принципала в ситуациях, когда:

– совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют;

– совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют, но отдельные товары/услуги являются однородными?

2. Если необходимо устанавливать однородность товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимым товарным знакам, то если товарный знак агента является в определенной части «этим знаком» принципала, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента – только в отношении однородных товаров/услуг или полностью?

Должен ли подпункт 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ толковаться как не допускающий возможность признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным частично? Если да, то чем оправдано такое ограничение?

3. Если отсутствует необходимость анализа однородности товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимым товарным знакам, и в случае установления их тождества либо сходства, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента?

Нет ли необходимости учитывать какие-либо иные обстоятельства, позволяющие признать товарный знак агента «этим знаком» принципала (по аналогии, например, с подходами, действующими в Европейском союзе), как то:

– способность товарного знака агента восприниматься потребителями как зарегистрированное на основе соглашения с принципалом;

– способность потребителей предположить, что товары или услуги по товарному знаку агента предоставляются самим правообладателем товарного знака принципала;

⁹ Постановления президиума Суда по интеллектуальным правам от 29 апреля 2025 г. по делу № СИП-892/2024, от 7 августа 2025 г. по делу № СИП-900/2024.

¹⁰ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 24 сентября 2025 г. по делу № СИП-1321/2024 (определением Верховного Суда Российской Федерации от 12 января 2026 г. № 300-ЭС25-13799 отказано в передаче кассационной жалобы в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации).

¹¹ Ответы ученых представлены в Приложении 1

– способность товарного знака агента породить препятствия для выхода принципала самостоятельно на рынок Российской Федерации и т.д.

4. В случае признания недействительным предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в полном объеме, притом что объем правовой охраны «старшего» товарного знака принципала является более узким, имеются ли основания для вывода о том, что такой подход является юридической санкцией, предусмотренной в отношении агента за его недобросовестное поведение?

Названные ученые представили в президиум Суда по интеллектуальным правам свои ответы, в которых мнения по заданным вопросам разделились.

Д.В. Мурзин, В.В. Старженецкий и Н.А. Шебанова полагали, что нет необходимости устанавливать однородность товаров/услуг для применения ст. 6.septies Парижской конвенции.

А.С. Ворожеевич солидарна с коллегами, но при условии доказанной недобросовестности правообладателя спорного средства индивидуализации. Наличие признаков злоупотребления правом при приобретении исключительного права на товарный знак (знак обслуживания) является ключевым критерием для признания недействительным предоставления правовой охраны соответствующему обозначению.

С точки зрения А.С. Ворожеевич, Д.В. Мурзина, В.В. Старженецкого и Н.А. Шебановой, из буквального толкования нормы подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ недействительность предоставления правовой охраны товарному знаку (знаку обслуживания) признается в полном объеме.

В свою очередь, Е.А. Войниканис и В.В. Орлова считали оценку однородности товаров/услуг обязательной, опираясь на общую методологию определения вероятности смешения обозначений в гражданском обороте. На основании данного подхода ученые обосновывали допустимость частичного оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны товарному зна-

ку (знаку обслуживания), т.е. только в отношении совпадающих (тождественных) и/или однородных рубрик.

При этом Д.В. Мурзин, А.С. Ворожеевич, В.В. Орлова воспринимали возможность прекращения правовой охраны спорного средства индивидуализации в качестве санкции за недобросовестное поведение, по сути, за злоупотребление агентом доверием, оказанным ему принципалом. Более мягкого подхода придерживались Е.А. Войниканис и В.В. Старженецкий, указывающие на то, что это только мера защиты. В то же время Е.А. Войниканис, А.С. Ворожеевич, В.В. Орлова и В.В. Старженецкий позволяли нарушителю оправдаться за свои действия. Н.А. Шебанова не исключала квалификацию рассматриваемой меры защиты в качестве юридической санкции, но отмечала, что это вопрос для аналитического исследования.

Изучив аргументы участвующих в деле лиц и мнения ученых по поставленным вопросам, президиум Суда по интеллектуальным правам счел, что вывода о несоответствии регистрации спорного знака обслуживания нормам ст. 6.septies Парижской конвенции и подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ достаточно для удовлетворения возражения иностранного лица и признания недействительным предоставления правовой охраны спорному средству индивидуализации полностью, т.е. в отношении идентичных и однородных товарных и служебных позиций, а также для рубрик, не являющихся таковыми.

Важно подчеркнуть, что с этим подходом согласилась и высшая судебная инстанция, отказав в передаче кассационной жалобы на соответствующее постановление президиума Суда по интеллектуальным правам в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Изложенное означает, что для целей применения положений ст. 6.septies Парижской конвенции и подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ нет необходимости исследовать однородность спорных и противопоставленных рубрик¹².

¹² Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 6 июля 2023 г. по делу № СИП-581/2022 (определением Верховного Суда Российской Федерации от 17 октября 2023 г. № 300-ЭС25-20690 отказано в передаче кассационной жалобы в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации).

Для применения ст. 6.septies Парижской конвенции достаточно установления того, что знак посягает на фидуциарные отношения агента и принципала (с учетом их аффилированных лиц) и, как указано выше, дает возможность воспользоваться доверием, знаниями и опытом, приобретенными в ходе деловых отношений с владельцем, и таким образом получить неоправданную выгоду от его усилий и инвестиций, сделанных владельцем, или возможность породить у потребителей ассоциативную связь с принципалом или получить иные преимущества, вопреки тому доверию, которое оказал принципал.

Представляется, что именно такой подход будет стимулировать российское лицо ценить ока-

занное принципалом доверие, добросовестно исполнять принятые на себя обязательства и не допускать по отношению к своему контрагенту неправомерных действий.

На основании пункта 3 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу п. 4 той же статьи Кодекса никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Следовательно, не могут поощряться условия, при которых нарушение закона будет экономически выгоднее, чем его соблюдение.

Список литературы:

1. Буркова Л.Н. К вопросу о фидуциарном (доверительном) характере гражданских правоотношений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 237–243.
2. Трезубов Е.С. О фидуциарности отношений покрытия в поручительстве, или о влиянии перемены лиц на стороне должника на судьбу поручительства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 74–81.
3. Ровный В.В. Заметки о фидуциарном договоре. Fiducia в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2015. № 2 (69). С. 39–51; № 4 (71). С. 61–68.
4. Советское гражданское право. Т. 1 / Под ред. О.С. Иоффе, Ю.К. Толстого, Б.Б. Черепахина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
5. Сырбо В.А. К вопросу о фидуциарном (доверительном) характере гражданских правоотношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 8. С. 94–96.
6. Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Е. Проблема фидуциарности и фидуциарных сделок в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 3. С. 20–25.

Приложение 1

Заключения ученых в ответ на запрос Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-1321/2024

Мнение доктора юридических наук, доцента Войниканис Елены Анатольевны на запрос президиума Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-1321/2024

Вопрос 1. Необходимо ли для целей применения нормы ст. 6.septies Парижской конвенции устанавливать однородность товаров/услуг, для которых зарегистрированы «старший» товарный знак принципала и «младший» (спорный) товарный знак агента?

Может ли товарный знак агента быть признан «этим знаком» принципала в ситуациях:

– когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют;

– когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют, но отдельные товары/услуги являются однородными?

Установление однородности товаров/услуг, для которых зарегистрированы «старший» товарный знак принципала и «младший» (спорный) товарный знак агента, является необходимым для целей применения ст. 6.septies Парижской конвенции.

Поскольку регистрация обозначений в качестве товарных знаков осуществляется в отношении определенных товаров/услуг, анализ сходства товарных знаков осуществляется с учетом товаров/услуг, в отношении которых они зарегистрированы (п. 3 ст. 1484 ГК РФ). Содержание статьи 6.septies Парижской конвенции не противоречит данному общему правилу.

Согласно документам Лиссабонской конференции, по итогам которой в Парижскую конвенцию была включена ст. 6.septies, новая статья дает право первому обладателю товарного знака требовать в другой стране Союза аннулирования

«идентичного или сходного товарного знака», зарегистрированного там его агентом или коммерческим представителем без предварительного разрешения со стороны первоначального обладателя товарного знака¹³. Сходное замечание, учитывающее Лиссабонскую конвенцию, содержится в комментарии ВОИС: «С учетом цели данного положения оно может применяться также в тех случаях, когда знак, в отношении которого агент или представитель подает заявку на регистрацию, не идентичен, а сходен с знаком владельца, на который он подан в собственность»¹⁴.

Поскольку под «этим знаком» в Парижской конвенции понимается как идентичное, так и сходное обозначение, сопоставление «старшего» и «младшего» товарных знаков в случае применения ст. 6.septies осуществляется в тех же целях, что и сопоставление товарных знаков в иных случаях, а именно: вероятность смешения определяется исходя из степени сходства обозначений и степени однородности товаров (абз. 3 п. 162 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», далее по тексту – Постановление № 10). Такой подход подтверждается как практикой Суда по интеллектуальным правам (например, решение Суда по интеллектуальным правам от 30 января 2025 г. по делу № СИП-1196/2023), так и практикой Суда Европейского Союза (Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 11 November 2020, Case C-809/18, EUIPO v John Mills Ltd.).

В соответствии с абз. 4 п. 162 Постановления № 10 однородность товаров устанавливается исходя из принципиальной возможности возникновения у обычного потребителя соответствующего товара представления о принадлежности этих товаров одному производителю. При этом суд учитывает род (вид) товаров; их назначение; вид материала, из которого они изготовлены; условия сбыта товаров; круг потребителей; взаимодополняемость или взаимозаменяемость и другие обстоятельства.

¹³ Actes de la Conférence de Lisbonne, 6–31 octobre 1958. Genève, 1963. P. 681.

¹⁴ Bodenhausen G.H.C. Guide to the Application of the Paris Convention for the Protection of Industrial Property, United International Bureaux for the Protection of Industrial Property, Geneva, 1968. P. 126.

Те же обстоятельства учитываются и в том случае, когда применяется ст. 6.septies Парижской конвенции.

Так, в соответствии с практикой Суда Европейского Союза, при оценке сходства товаров или услуг для целей применения п. 3 ст. 8 Регламента ЕС) 2017/1001 Европейского Парламента и Совета от 14 июня 2017 г. о товарном знаке Европейского Союза (которым в законодательство ЕС была имплементирована ст. 6.septies Парижской конвенции) должны быть приняты во внимание все релевантные факторы, относящиеся к этим товарам или услугам, включая, в частности, «их природу, назначение, метод использования, а также то, конкурируют ли они друг с другом или являются комплиментарными»¹⁵.

По аналогии с товарными знаками, которые могут быть как идентичными, так и сходными, товары или услуги, в отношении которых они зарегистрированы, также могут совпадать или быть однородными.

Особенность применения ст. 6.septies Парижской конвенции состоит в том, что она имеет в виду в первую очередь регистрацию агентом того же самого (тождественного) товарного знака. Соответственно, в этом случае сходный товарный знак имеет не любую степень сходства со знаком принципала, а значительное сходство. Когда в «младшем» знаке отсутствует тот или иной элемент, обеспечивающий различительную способность «старшего» знака; сходство, нарушающее права принципала, маловероятно. Следовательно, речь идет о вероятности смешения в ситуации тождества (или высокой степени сходства) «младшего» товарного знака со «старшим» товарным знаком в сочетании с тождеством или относительно низкой однородности товаров или услуг. Как указывается в абз. 3 п. 162 Постановления № 10, смешение возможно «при низкой степени однородности товаров, но тождестве (или высокой степе-

ни сходства) товарного знака и спорного обозначения».

Если обратиться к практике Европейского Союза, еще одной особенностью применения ст. 6.septies Парижской конвенции является отсутствие необходимости устанавливать вероятность смешения товарных знаков, основываясь на восприятии потребителя¹⁶. Достаточным является установление сходства между товарными знаками и товарами/услугами: «Степень сходства между знаками и товарами или услугами должна быть такой, чтобы гарантировать достижение цели статьи 8(3) EUTMR, а именно предотвращение незаконного присвоения знака агентом»¹⁷.

Вопрос 2. Если необходимо устанавливать однородность товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимым товарным знакам, то в случае вывода о том, что товарный знак агента является в определенной части «этим знаком» принципала, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента – только в отношении однородных товаров/услуг или полностью?

Должен ли подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ толковаться как не допускающий возможность признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным частично? Если да, то чем оправдано такое ограничение?

Буквальное толкование подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ во взаимосвязи с подп. 1, 2, 4, 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что подп. 5 не допускает возможность признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным частично. В.А. Корнеев указывает, что прекращение правовой охраны на основании подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ может быть только полным, поскольку «нарушение требований о субьекте распространяется на весь товарный знак»¹⁸.

¹⁵ См.: EUIPO v John Mills Ltd, Case C-809/18, paragraph 100; The Tea Board v EUIPO, C-673/15 P to C-676/15 P, EU:C:2017:702, paragraph 48/

¹⁶ См. также EUIPO v John Mills Ltd, Case C-809/18, §72, 92–93.

¹⁷ EUIPO, Guidelines for Examination in the Office, Part C Opposition, Section 3 Unauthorised filing by agents of the TM proprietor (Article 8(3) EUTMR), 4.5.1 Protection beyond identical marks and identical goods and services. URL: <https://euiipo01app.sd1.products.com/2302857/1981375/trade-mark-guide/lines/4-5-1-protection-beyond-identical-marks-and-identical-goods-and-services>

¹⁸ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. Е.А. Павлова. – М.: ИЦП, 2018. С. 830.

Данное пояснение, по моему мнению, является правильным. Действительно, суть нормы подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, как и ст. 6.septies Парижской конвенции, состоит не в самих товарных знаках и их функциях, а во взаимоотношениях между определенными субъектами, принципалом и агентом. В дополнение можно сказать, что нарушение доверительных отношений между принципалом, первоначальным обладателем товарного знака, и агентом, который зарегистрировал на свое имя тождественный или сходный товарный знак, является формой недобросовестной конкуренции, что может служить еще одним аргументом, оправдывающим такое ограничение.

С другой стороны, если часть товаров или услуг не являются ни совпадающими, ни однородными, то в отношении этой части также отсутствует недобросовестное поведение со стороны агента. Если следовать данной логике, то предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента следует признавать недействительным только в отношении совпадающих и однородных товаров или услуг. Преимуществом такого подхода является (1) обеспечение защиты обладателя «старшего» товарного знака от недобросовестного поведения агента и (2) применение базовых правил сопоставления товарных знаков, которое позволяет исключить недобросовестность со стороны принципала. Именно такой подход применяется Европейским ведомством¹⁹.

Вопрос 3. Если отсутствует необходимость анализа однородности товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимым товарным знакам, и в случае установления их тождества либо сходства, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента?

Нет ли необходимости учитывать какие-либо иные обстоятельства, позволяющие признать товарный знак агента «этим знаком» принципала (по аналогии, например, с подходами, действующими в Европейском Союзе), как то:

- способность товарного знака агента восприниматься потребителями как зарегистрированного на основе соглашения с принципалом;
- способность потребителей предположить, что товары или услуги по товарному знаку агента предоставляются самим правообладателем товарного знака принципала;
- способность товарного знака агента порождать препятствия для выхода принципала самостоятельно на рынок Российской Федерации и т.д.

Как указывалось в ответе на вопрос 2, подход, действующий в Европейском Союзе, включает в себя анализ однородности товаров/услуг при применении п. 3 ст. 8 Регламента (ЕС) 2017/1001 Европейского Парламента и Совета от 14 июня 2017 г. о товарном знаке Европейского Союза. Как отмечено в п. 4.5.3. Руководства по экспертизе товарных знаков Европейского союза, «имеет значение то, что оспариваемые товары или услуги могут быть восприняты потребителями (public) как предоставленные в результате соглашения между сторонами, и было бы разумно, чтобы первоначальный правообладатель предоставил такие товары или услуги сам с учетом объема охраны старшего (earlier) знака»²⁰.

Если не принимать во внимание подход, действующий в Европейском Союзе, и отказаться от анализа однородности, то перечисленные в вопросе обстоятельства действительно могут помочь в установлении того, что товарный знак агента является «этим знаком» принципала. С другой стороны, не до конца понятны причины, по которым

¹⁹ См. примеры, приведенные в Руководстве по экспертизе товарных знаков Европейского союза. EUIPO, Guidelines for Examination in the Office, Part C Opposition, 4.5.3 Relationship between the goods and services. <https://euipo0lapp.sdlproducts.com/2302857/1981416/trade-mark-guidelines/4-5-1-protection-beyond-identical-marks-and-identical-goods-and-services> STUDIOLINE et al., Case number R2406/2014-5, URL: [https://euipo.europa.eu/eSearchCLW/#basic/*0,3%2F08%2F2010/03%2F08%2F2010/number/1231](https://euipo.europa.eu/eSearchCLW/#basic/*15%2F09%2F2015/15%2F09%2F2015/name/Studioline; BERIK (fig.) / BERIK et al., Case number R1231/2009-2, URL: <a href=).

²⁰ EUIPO, Guidelines for Examination in the Office, Part C Opposition, 4.5.3 Relationship between the goods and services. <https://euipo0lapp.sdlproducts.com/2302857/1981416/trade-mark-guidelines/4-5-1-protection-beyond-identical-marks-and-identical-goods-and-services>

необходимо отказываться от общепринятых правил сопоставления товарных знаков.

Вопрос 4. В случае признания недействительным предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в полном объеме, притом что объем правовой охраны «старшего» товарного знака принципала является более узким, имеются ли основания для вывода о том, что такой подход является юридической санкцией, предусмотренной в отношении агента за его недобросовестное поведение?

Действительно, статья 6.septies Парижской конвенции фактически направлена на пресечение недобросовестного поведения со стороны агента²¹. В Китае, Южной Корее, Японии и Европейском Союзе действия агента или представителя лица, являющегося владельцем товарного знака, по регистрации товарного знака на свое имя рассматриваются как форма недобросовестности²².

Можно ли считать, что признание недействительным предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в полном объеме, притом что объем правовой охраны «старшего» товарного знака принципала является более узким, является юридической санкцией за недобросовестное поведение агента, вопрос спорный.

Следует учитывать, что ст. 6.septies Парижской конвенции специально указывает на то, что агент или представитель вправе представить доказательства, оправдывающие его действие. Таким образом, регистрация агентом товарного знака принципала не является недобросовестной per se. Рикетсон в своем комментарии к статье 6.septies Парижской конвенции отмечает по данному вопросу следующее: «Как представляется, она [ст. 6.septies Парижской конвенции – *E.B.*] выходит за рамки процессуального обязательства по предоставлению правообладателям возможности аннулирования или переуступки прав в том, что требуется, чтобы национальное законодательство обеспе-

чило возможность предоставления агентами или представителями, которые являются ответчиками по таким заявлениям, “обоснований” Какими могут быть эти “обоснования”, по-прежнему будет решаться национальным законодательством...»²³.

Кроме того, пунктом 3 ст. 6.septies Парижской конвенции предусмотрена возможность установления национальным законодательством справедливого срока, в течение которого владелец знака должен воспользоваться правами, предусмотренными в данной статье.

Иными словами, ст. 6.septies Парижской конвенции очевидным образом указывает на недопустимость недобросовестного поведения со стороны агента, который регистрирует на свое имя не принадлежащий ему товарный знак лица, с которым у него сложились доверительные отношения. Однако ничто в содержании нормы ст. 6.septies Парижской конвенции не указывает на то, что установление сходства между товарными знаками агента и принципала должно осуществляться по сниженным стандартам, без учета однородности, и «младший» товарный знак должен быть признан недействительным в полном объеме даже тогда, когда объем правовой охраны «старшего» товарного знака является более узким.

**Мнение доктора юридических наук,
доцента кафедры гражданского права
МГУ имени М.В. Ломоносова
Ворожевич Арины Сергеевны
на запрос президиума
Суда по интеллектуальным правам
по делу № СИП-1321/2024**

Согласно пункту 1 ст. 6.septies Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г.²⁴ (далее – Парижская конвенция), если агент или представитель того, кто является владельцем знака в одной из стран Союза, подает без

²¹ Указывается, в частности, на принцип добросовестности в договорном праве, который в агентских отношениях, которые охватываются статьей 6.septies Парижской конвенции, продолжает действовать в течение разумного периода времени и тогда, когда договор прекращен. См.: Tsoutsanis A. Trade Mark Registrations in Bad Faith. Oxford University Press, 2010. P. 37.

²² Report on “Laws and Examination Guidelines/Practices of the TM5 Offices against Bad-Faith Trademark Filings” (2022) https://tmfive.org/wp-content/uploads/2022/12/setupgraded-report_00-03-chapter1-chapter3.pdf

²³ Ricketson S. The Paris Convention for the Protection of Industrial Property: a commentary. Oxford, 2015. Agents and representatives acting without authority (Article 6septies), 12.68.

²⁴ Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20 марта 1883 г.); (редакция от 2 октября 1979 г.).

разрешения владельца заявку на регистрацию этого знака от своего собственного имени в одной или в нескольких таких странах, владелец имеет право воспрепятствовать регистрации или потребовать ее аннулирования либо, если закон страны это разрешает, переоформления регистрации в свою пользу, если только агент или представитель не представит доказательств, оправдывающих его действие.

В силу пункта 2 ст. 6.septies Парижской конвенции владелец знака имеет право при наличии условий, предусмотренных в п. 1 указанной статьи Конвенции, воспрепятствовать использованию знака агентом или представителем, если только он не давал согласия на такое использование.

Прежде чем дать конкретные ответы на поставленные вопросы, определим, с чем было связано установление подобного основания для оспаривания регистрации товарных знаков.

В комментарии к Парижской конвенции под редакцией Г. Боденхаузена отмечено, что ст. 6.septies Парижской конвенции регулирует особый вопрос – отношения между владельцем товарного знака и его агентом или представителем в части, касающейся регистрации или использования знака последним²⁵.

Для применения настоящего положения в одной из стран Союза необходимо, прежде всего, определить, может ли лицо, подавшее заявку на регистрацию товарного знака от своего имени, рассматриваться в качестве агента или представителя владельца товарного знака в одной из стран Союза. Данное положение должно применяться к тем, кто действовал в качестве распространителя товара, маркированного товарным знаком, и кто подал заявку на регистрацию этого товарного знака от своего имени²⁶.

Одной из особенностей посреднических договоров (агентского договора, договора поручения, комиссии) является их фидуциарный характер. Как отмечают ученые применительно к таким договорам, «фидуциарность отличается от простого доверия контрагенту именно тем, что формируется

персонализированное доверие, устанавливается личная связь между сторонами договора. Высокая степень доверия является отличительным критерием фидуциарности»²⁷.

В доктрине называют следующие признаки фидуциарных обязательств.

1. Критерий осуществления чужого права. Фидуциарное правоотношение – это осуществление чужого права (например, распоряжение правом на чужое имущество при фидуции, агентском договоре, корпоративном управлении).

2. Критерий исполнения обязанности наилучшим для кредитора образом. Прежде всего наличие данного критерия исключает возможность конфликта интересов бенефициара и фидуциара. Помимо этого критерий предъявляет к фидуциару требование повышенного стандарта поведения и отчетности перед бенефициаром²⁸.

3. Высокая степень уязвимости бенефициара перед фидуциаром, критерий юридической необратимости последствий. Все юридические действия фидуциара влекут за собой необратимые юридические последствия (доверитель не может заново предъявить иск, проигранный адвокатом; бенефициар обычно не может расторгнуть, оспорить или просто не исполнять договор, заключенный фидуциаром; при отсутствии определенных оснований для оспаривания договор с генеральным директором юридического лица считается заключенным и действительным даже при превышении им своих полномочий)²⁹.

Рассмотрим с позиции данных признаков отношения правообладателя товарного знака и его агента, представителя, реализующего товары правообладателя на конкретном рынке. Агент (представитель) в таком случае действует в интересах правообладателя. Он должен исполнять свои обязанности наилучшим для правообладателя образом, продвигать его товары на рынке, находить покупателей, способствовать повышению привлекательности бренда и т.п. При этом степень уязви-

²⁵ См.: Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: комментарий / перевод с французского Н.Л. Тумановой, под редакцией проф. М.М. Богуславского. М., 1977. С. 173.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ См.: Гражданское право: учебник: том 4 / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2020. С. 207. (автор главы – Е.А. Суханов).

²⁸ См.: Зикун И.И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность // Вестник гражданского права. 2017. № 3.

²⁹ См.: Там же.

мости правообладателя перед агентом (представителем) высока. От действий агента или представителя (особенно, если речь идет об эксклюзивном агенте) зависит, насколько успешно будут реализовываться товары правообладателя на конкретном рынке; удастся ли его товарам, завоевать рынок; станет ли бренд правообладателя привлекательным на соответствующем рынке.

Агент (представитель) в своей деятельности опирается на репутацию правообладателя, его коммерческий опыт, указания и т.п. Как правило, подобные отношения предполагают, что агенту (представителю) известны подходы правообладателя к ведению бизнеса, к коммерциализации товаров и т.п.

В таком случае попытка агента (представителя) правообладателя зарегистрировать на себя товарный знак правообладателя без согласия последнего будет носить недобросовестный характер. Можно предположить в данном случае, что он рассчитывает начать под товарным знаком собственный бизнес, используя при этом репутацию и бизнес-опыт правообладателя, лишая последнего возможности выйти на рынок со своими товарами с новым агентом (представителем) или без такового (напрямую). При этом речь идет о явном нарушении фидуциарных обязанностей агента (представителя): в данном случае он действует в противоречии с интересами правообладателя, пользуясь высокой уязвимостью последнего.

В таком случае можно заключить, что ст. 6. septies Парижской конвенции служит следующим целям.

Во-первых, недопущению нарушения фидуциарных обязанностей агентами (представителями), злоупотреблениями ими своими правами.

Во-вторых, пресечению попыток недобросовестных агентов (представителей) воспользоваться (паразитировать) знаниями и опытом, приобретенным в ходе деловых отношений с правообладателем, получить несправедливую выгоду от усилий и инвестиций правообладателя, связанных с раскруткой бренда, создания товарораспорядительной сети, организации бизнеса.

Таким образом, необходимо констатировать, что основанием для применения ст. 6. septies Парижской конвенции является частный случай злоупотребления правом со стороны агентов (представителей) правообладателя, нарушения им фидуциарных обязанностей.

В таком случае к рассмотрению условий для аннулирования регистрации товарного знака необходимо подходить именно с позиции того, имело ли место злоупотребление правом или нет.

«Традиционные» относительные основания для отказа в регистрации товарного знака (в частности, подп. 2 п. 6 ст. 1483 ГК РФ) направлены на защиту исключительного права на «старший» товарный знак. При этом границы такого права определяются в том числе совокупностью однородных товаров (услуг), в отношении которых зарегистрирован товарный знак. В таком случае правоприменители должны оценивать однородность товаров, в отношении которых зарегистрированы спорный и противопоставленный товарные знаки. Между тем такое основание для оспаривания регистрации товарного знака, как злоупотребление правом и недобросовестность, может применяться и в тех случаях, когда товары неоднородны.

В общем виде для аннулирования регистрации товарного знака по таким основаниям необходимо, чтобы правообладатель при регистрации товарного знака действовал в целях, противоречащих функциональному назначению товарных знаков, исключительных прав на них. При этом его действия могли причинить вред интересам иных лиц, общества в целом. К недобросовестным целям в контексте регистрации товарных знаков необходимо отнести, прежде всего, цели паразитирования на репутации чужого товарного знака, вложенных правообладателем инвестиций в маркетинг, продвижение бренда. В таком случае однородность товаров может не учитываться. В то же время требуется, чтобы «старший» товарный знак (зарегистрированный в отношении неоднородных товаров) обладал определенной репутацией, известностью среди потребителей (притом, что он может не быть общеизвестным)³⁰.

³⁰ Новоселова Л.А. Паразитический маркетинг: основные симптомы и методы борьбы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. № 8. С. 22-28

Недобросовестной признается также регистрация в качестве товарного знака обозначения, которое ранее использовалось иным лицом, при наличии доказательств известности этого факта, в целях причинения вреда бизнесу такого субъекта, получения конкурентных преимуществ. Доказательствами могут быть сведения о сотрудничестве между правообладателем и изначальным пользователем обозначения; наличии договорных и иных отношений; данные об особенностях узкоспециализированного рынка, где «все друг друга знают»³¹.

Таким образом, недобросовестность, злоупотребление правом в качестве общего основания для оспаривания регистрации товарных знаков не требуют исследования однородности товаров (услуг). При этом предполагается исследование дополнительных обстоятельств, указывающих на противоречие цели регистрации функциям товарного знака. Данный общий вывод применим и к оспариванию регистрации в соответствии с ст. 6. septies Парижской конвенции. При этом в данном случае необходимо учитывать еще и то, противоречат ли действия фидуциарным обязанностям агента (представителя). Для этого также не требуется устанавливать однородность товаров (услуг).

Исходя из изложенного необходимо констатировать следующее.

Для целей применения нормы ст. 6 septies Парижской конвенции не требуется устанавливать однородность товаров / услуг, для которых зарегистрирован «старший» товарный знак принципала и «младший» товарный знак агента. Товарный знак агента может быть признан «этим знаком» принципала в ситуациях, когда товарные знаки (знаки обслуживания) зарегистрированы в отношении неоднородных товаров (услуг).

Данный вывод, однако, не означает, что аннулирована должна быть любая регистрация на агента (представителя), тождественного либо сходного до степени смешения товарного

знака. Важно обосновать, во-первых, наличие в действиях агента (представителя) недобросовестности, в частности, цели паразитирования на репутации товарного знака, использования бизнес опыта правообладателя. Во-вторых, нарушение его действиями правомерных интересов правообладателя, потребителей.

В таком случае могут учитываться, в частности, следующие обстоятельства (по отдельности, не в совокупности):

– степень известности спорного товарного знака, наличие у него репутации (в т.ч. для конкретной небольшой группы потребителей), была ли регистрация товарного знака на агента (представителя) направлена на паразитирование на такой репутации;

– может ли агент (принципал) при использовании товарного знака в отношении неоднородных товаров и услуг опираться на репутацию «старшего» товарного знака правообладателя, опираться на бизнес-опыт правообладателя, полученную от него коммерческую информацию;

– способность товарного знака агента восприниматься потребителями как зарегистрированного на основании соглашения с принципалом;

– способность потребителей предположить, что товары или услуги по товарному знаку агента предоставляться самим правообладателем товарного знака принципала;

– способность товарного знака агента порождать препятствия для выхода принципала самостоятельно на российский рынок.

Признание недействительной регистрации товарного знака на агента (представителя) должно рассматриваться в качестве последствия недобросовестного поведения последнего.

При этом, вероятно, в подобных делах презумпция добросовестности должна рассматриваться в качестве легкоопровержимой. Это связано с тем, что в отношении агента (принципала) в любом случае нельзя сказать,

³¹ Определение ВАС РФ от 09.07.13 № ВАС-8724/13 по делу № А40-25797/2012; постановление СИП от 23 сентября 2022 г. по делу № СИП-1352/2021; решение СИП от 29 декабря 2021 г. по делу № СИП-1143/2021.

что он случайно выбрал соответствующий товарный знак, не зная, что его использует другой субъект.

**Мнение доктора юридических наук,
профессора кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева,
профессора кафедры обязательственного
права Уральского филиала Исследовательского
центра частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации
Мурзина Дмитрия Витальевича
на запрос президиума
Суда по интеллектуальным правам
по делу № СИП-1321/2024**

Вопросы возникли в связи с толкованием норм статьи 6.septies Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (далее – Парижская конвенция), касающихся пределов оспаривания предоставления правовой охраны знаку обслуживания.

В соответствии с п. 1 ст. 6.septies Парижской конвенции, «если агент или представитель того, кто является владельцем знака в одной из стран Союза, подает без разрешения владельца заявку на регистрацию этого знака от своего собственного имени в одной или в нескольких таких странах, владелец имеет право воспрепятствовать регистрации или потребовать ее аннулирования либо, если закон страны это разрешает, переоформления регистрации в свою пользу, если только агент или представитель не представит доказательств, оправдывающих его действие».

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Прежде всего следует определиться с тем, какая правовая цель может преследоваться применением ст. 6.septies Парижской конвенции в национальном (российском) правовом порядке.

Отношения, связывающие агента и принципала, являются фидуциарными. Агент в рамках агентского договора должен действовать строго в интересах и по поручению принципала. В то же время у третьих лиц в отношении агента возникает «видимость полномочий», в связи с чем его действия в нарушение условий агентского договора

способны все же породить правовые последствия. У принципала должна быть возможность противодействовать недобросовестному агенту. Вероятно, эти соображения выступили в свое время мотивами, по которым именно принципалу ст. 6.septies Парижской конвенции предоставляется льгота на подачу возражений.

Но одних мотивов недостаточно для выявления цели и последствий правового регулирования, заложенных в положениях ст. 6.septies Парижской конвенции. Мыслимы две противоположные модели интерпретации этих положений.

Согласно *первой модели (правонаделяющей)*, ст. 6.septies Парижской конвенции дает принципалу право подавать возражения против предоставления правовой охраны своему товарному знаку, заявку на регистрацию которого подает агент без разрешения принципала. Необходимость предоставления принципалу права на возражения объясняется тем, что в той стране, в которой агентом подается заявка, товарный знак принципала не зарегистрирован, из-за чего принципал лишен возможности подать возражения со ссылкой на свой приоритет. В рамках этой концепции рассмотрение возражений принципала не должно отличаться от рассмотрения возражений обычного правообладателя зарегистрированного товарного знака, ссылающегося на свой приоритет. Недобросовестность агента-заявителя понимается в этом случае как заурядное злоупотребление правом.

Согласно *второй модели (правопрекращающей)*, ст. 6.septies Парижской конвенции описывает ситуацию грубейшего злоупотребления правом в форме шиканы, когда нарушение доверительности агентских отношений рассматривается как тяжкий проступок. Вся юридическая конструкция выстроена исключительно на недопущении хоть какого-то поощрения недобросовестных действий агента. В рамках этой концепции удовлетворение возражений принципала является следствием установления судом состава правонарушения, описанного в п. 1 ст. 6.septies Парижской конвенции. Отказ в предоставлении правовой охраны обозначению агента-заявителя выглядит как санкция за его неправомерные действия.

В зависимости от выбора модели ответы на поставленные вопросы будут различными. Казалось бы, духу гражданско-правового регулирования

больше соответствует первая модель. Однако приходится считаться с тем, что Парижская конвенция в сфере средств индивидуализации направлена в целом на борьбу с недобросовестной конкуренцией (ст. 10.bis), в связи с чем и положения ст. 6.septies имеют санкционный уклон.

Наибольшее значение для определения модели интерпретации положений п. 1 ст. 6.septies Парижской конвенции в российском праве имеют нормы п. 2 ст. 1512 ГК РФ.

В большинстве случаев в п. 2 ст. 1512 ГК РФ устанавливается, что предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным полностью или частично. Но для рассматриваемого случая предоставления правовой охраны товарному знаку на имя агента предусматривается только полная недействительность (подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ). Тем самым, последствия такой регистрации для агента-заявителя строже, чем для заявителя, который «присвоил» себе уже зарегистрированный в российском государственном реестре товарный знак правообладателя, с которым он не имел никаких хозяйственных связей (п. 8 ст. 1483 через подп. 1 п. 2 ст. 1512 ГК РФ). Это означает, что российский законодатель отказывается рассматривать возражения принципала на общих основаниях – как возражения обычного правообладателя. Следовательно, отвергается первая модель (модель право-наделения) трактовки положений п. 1 ст. 6.septies Парижской конвенции. Точно так же последствия регистрации чужого товарного знака для агента-заявителя строже, чем для заявителя, действия которого признаны в установленном порядке злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией (подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ). Тем самым, законодатель намерен относиться к недобросовестности агента-заявителя строже, чем к заурядной недобросовестности обычного заявителя. Это означает трактовку положений п. 1 ст. 6.septies Парижской конвенции в духе второй модели (правопрекращающей).

В пункте 2 ст. 1512 ГК РФ предусмотрен еще один случай полной недействительности – случай предоставления правовой охраны товарному знаку, когда ему противопоставляется общеизвестный товарный знак в отношении неоднородных товаров (подп. 4) в отличие от более мягкого режи-

ма в отношении однородных товаров (подп. 3 п. 6 ст. 1483 через подп. 2 п. 2 ст. 1512 ГК). Игнорирование однородности товаров вызвано в этом случае установлением приоритета интересов обладателя права на общеизвестный товарный знак – что может быть экстраполировано и на защиту интересов принципала.

Таким образом, представляется, что российское законодательство склоняется в пользу второй (правопрекращающей) модели интерпретации положений п. 1 ст. 6.septies Парижской конвенции. В соответствии с этим выводом и даются ответы на поставленные вопросы.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

1. Необходимо ли для целей применения нормы ст. 6.septies Парижской конвенции устанавливать однородность товаров/услуг, для которых зарегистрирован «старший» товарный знак принципала и «младший» (спорный) товарный знак агента?

Может ли товарный знак агента быть признан «этим знаком» принципала в ситуациях:

– когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют;

– когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют, но отдельные товары/услуги являются однородными?

Сходство обозначений в товарных знаках – формальный критерий, в силу своей очевидности выступающий внешним признаком смешения двух обозначений. Однородность товаров – критерий, направленный на установление действительной, а не гипотетической вероятности смешения обозначений в глазах потребителей.

Поскольку интерпретация нормы п. 1 ст. 6.septies Парижской конвенции в российском праве предполагает бескомпромиссное пресечение действий агента-заявителя по регистрации товарного знака принципала, однородность товаров не оказывает никакого влияния на оценку действий агента-заявителя.

Соответственно, для целей применения нормы ст. 6.septies Парижской конвенции нет необходимости устанавливать однородность товаров/услуг, для которых зарегистрирован «старший» товарный знак принципала и «младший» (спорный) товарный знак агента.

2. Если необходимо устанавливать однородность товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимаемым товарным знакам, то в случае вывода о том, что товарный знак агента является в определенной части «этим знаком» принципала, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента – только в отношении однородных товаров/услуг или полностью?

Должен ли подпункт 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ толковаться как не допускающий возможность признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным частично? Если да, то чем оправдано такое ограничение?

Буквальное толкование нормы подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ не оставляет сомнений в том, что возможность признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным частично не допускается. Такое ограничение может быть оправдано тем, что законодатель не намеревается каким-то образом легализовывать недобросовестное поведение агента-заявителя и применяет наиболее жесткие последствия такого поведения.

3. Если отсутствует необходимость анализа однородности товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимаемым товарным знакам, и в случае установления их тождества либо сходства, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента?

Нет ли необходимости учитывать какие-либо иные обстоятельства, позволяющие признать товарный знак агента «этим знаком» принципала (по аналогии, например, с подходами, действующими в Европейском Союзе), как то:

– способность товарного знака агента восприниматься потребителями как зарегистрированного на основе соглашения с принципалом;

– способность потребителей предположить, что товары или услуги по товарному знаку агента предоставляются самим правообладателем товарного знака принципала;

– способность товарного знака агента порождать препятствия для выхода принципала на рынок Российской Федерации и т.д.

Вне зависимости от анализа однородности товаров/услуг подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ императивно предусматривает признание предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента недействительным полностью.

Перечисленные обстоятельства учитываются при установлении состава правонарушения, содержащегося в п. 1 ст. 6.septies Парижской конвенции, как позволяющие признать товарный знак агента «этим знаком» принципала.

4. В случае признания недействительным предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в полном объеме, притом что объем правовой охраны «старшего» товарного знака принципала является более узким, имеются ли основания для вывода о том, что такой подход является юридической санкцией, предусмотренной в отношении агента за его недобросовестное поведение?

Все варианты ответов на предыдущие вопросы основываются на правопрекращающей модели интерпретации п. 1 ст. 6.septies Парижской конвенции. Следствием применения этой модели является вывод, что признание недействительным предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в полном объеме, притом что объем правовой охраны «старшего» товарного знака принципала является более узким, является юридической санкцией, предусмотренной в отношении агента за его недобросовестное поведение.

Мнение доктора юридических наук
Орловой Валентины Владимировны
на запрос президиума
Суда по интеллектуальным правам
по делу № СИП-1321/2024

Вопрос 1

Необходимо ли для целей применения нормы ст. 6.septies Парижской конвенции устанавливать однородность товаров/услуг, для которых зарегистрированы «старший» товарный

знак принципала и «младший» (спорный) товарный знак агента?

Может ли товарный знак агента быть признан «этим знаком» принципала в ситуациях:

– **когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют;**

– **когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют, но отдельные товары/услуги являются однородными?**

Ответ

Правовая охрана товарного знака и, соответственно, исключительное право на него действует в отношении тех товаров/услуг, для которых он зарегистрирован. При этом в п. 3 ст. 1484 ГК РФ указывается на недопустимость использования без разрешения правообладателя обозначений, сходных до степени смешения с его товарным знаком, и в отношении однородных товаров (в случае, если в результате такого использования возникает вероятность смешения), т.е. не только в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован. Иными словами, можно говорить о некоем расширении объема/действия правовой охраны товарного знака (некоторая аналогия с распространением правовой охраны общеизвестного товарного знака на неоднородные товары).

С учетом положений закона представляется, что в случае отсутствия в двух знаках (принципала и агента) совпадающих товаров и услуг нельзя признавать товарный знак агента «этим знаком» принципала. В тех ситуациях, когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют, но отдельные товары/услуги представляются однородными, необходимо устанавливать однородность соответствующих товаров/услуг и одновременно оценивать возможность введения потребителя в заблуждение из-за смешения товаров/услуг. Также такая оценка представляется важной/необходимой для определения той части объема правовой охраны товарного знака, предоставление которой может быть признано недействительным в силу нормы ст. 6. septies Парижской конвенции.

Если обратиться к зарубежной практике применения ст. 6. septies Парижской конвенции, то можно отметить, что однородность товаров/услуг доказывается в той мере, в которой это влияет на право принципала и восприятие потребителей.

Вопрос об однородности рассматривается, если существует риск смешения или введения потребителей в заблуждение. При этом, например, в Германии требуется комплексный анализ однородности с учетом особенностей рынка и каналов сбыта. Во Франции однородность рассматривается в контексте потенциального введения потребителей в заблуждение, поэтому оценивается близость товаров/услуг по потребительским свойствам. В США необязательно доказывать однородность товаров/услуг в узком смысле – важна идентичность или сходство товарных знаков и факт «подделки прав» принципала. Законодательство и судебная практика ориентируются на защиту правообладателя (его прав) от злоупотребления доверием в агентских отношениях. В КНР однородность признается важным фактором, но решающим все-таки является злоупотребление агентом, в т.ч. регистрация «этого знака» принципала на свое имя без разрешения принципала.

Вопрос 2

Если необходимо устанавливать однородность товаров /услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимым товарным знакам, то в случае вывода о том, что товарный знак агента является в определенной части «этим знаком» принципала, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента – только в отношении однородных товаров/услуг или полностью?

Должен ли подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ толковаться как не допускающий возможность признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным частично? Если да, то чем оправдано такое ограничение?

Ответ

Норма подпункта 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ указывает на признание предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным **полностью**. При этом в данной норме содержится указание на то, что лицо, которое [дела, интересы которого] представлялось агентом или иным представителем, является обладателем **этого исключительного права** в одном из государств-членов Парижской конвенции по охране промышленной собственности.

Исходя из содержания этой нормы правовая охрана товарного знака, зарегистрированного на имя агента, должна быть признана недействительной полностью применительно к тем товарам/услугам, которые являются тождественными товарам/услугам, в отношении которых зарегистрирован товарный знак принципала в одном из государств-членов Парижской конвенции.

Вместе с тем выше (в ответе на вопрос 1) говорилось об объеме правовой охраны товарного знака и о допустимости, на наш взгляд, некоего расширения объема/действия правовой охраны товарного знака (по аналогии с распространением правовой охраны общеизвестного товарного знака на неоднородные товары). Также указывалось на подходы зарубежной практики, в рамках которой при рассмотрении споров, связанных с применением ст. 6. septies Парижской конвенции, во внимание принимаются не только тождественные товары/услуги сравниваемых товарных знаков, но и однородные товары/услуги в целях определения объема правовой охраны, которая должна быть признана недействительной.

Представляется, что подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ не должен толковаться как не допускающий возможность признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительной частично, поскольку правовая охрана спорному товарному знаку может быть предоставлена и в отношении товаров/услуг, которые являются тождественными товарам/услугам товарного знака принципала, и в отношении товаров/услуг, которые не являются тождественными и/или однородными по отношению к товарам/услугам товарного знака принципала, и при этом установленная однородность не приводит к смешению и введению потребителей в заблуждение.

Вопрос 3

Если отсутствует необходимость анализа однородности товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравниваемым товарным знакам, и в случае установления тождества либо сходства, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента?

Нет ли необходимости учитывать какие-либо иные обстоятельства, позволяющие признать

товарный знак агента «этим знаком» принципала (по аналогии, например, с подходами, действующими в Европейском Союзе), как то:

– способность товарного знака агента восприниматься потребителями как зарегистрированного на основе соглашения с принципалом;

– способность потребителей предположить, что товары или услуги по товарному знаку агента предоставляются самим правообладателем товарного знака принципала;

– способность товарного знака агента порождать препятствия для выхода принципала самостоятельно на рынок Российской Федерации и т.д.

Ответ

Ответ на первую часть вопроса 3 был дан выше.

Да, при рассмотрении вопроса об объеме правовой охраны товарного знака агента, которую следует признать недействительной, следует принимать во внимание следующие обстоятельства.

Способность товарного знака агента восприниматься потребителями как зарегистрированного на основе соглашения с принципалом.

Способность товарного знака агента восприниматься как зарегистрированного на основе соглашения с принципалом (т.е. как легитимного, а не «украденного») формируется через комплекс информации и действий, как имевших место ранее, так и актуальных.

Например, (1) если из открытых источников информации известно о ранее высказанном намерении агента и принципала сотрудничать в сферах, связанных с рассматриваемыми товарами/услугами, (2) об имевшем место сотрудничестве агента и принципала, (3) о совместном участии агента и принципала в проводившихся ранее тематических выставках.

На формирование восприятия потребителей оказывает воздействие поведение агента – если он ведет себя как официальный и авторизованный представитель, он создает у потребителя ложное впечатление законности, что затрудняет принципалу доказывание «недобросовестности» регистрации.

На формирование восприятия потребителей также оказывают воздействие: (1) коммуникация и позиционирование на рынке (маркетинг и PR);

прямые указания на официальный статус путем использования формулировок – «Официальный дистрибьютор [Название бренда [товарного знака] принципала] в [России/регионе]», «Эксклюзивный представитель [Название бренда [товарного знака] принципала]», «Авторизованный партнер», «Лицензиат [Название бренда [товарного знака] принципала]» (если лицензии на самом деле нет); (2) использование глобального брендинга принципала – агент не просто использует логотип [товарный знак], а полностью копирует стиль коммуникаций принципала: те же слоганы, те же рекламные кампании, тот же тон голоса в соцсетях, что создает полную иллюзию, что это сам принципал говорит с потребителем; (3) упоминание принципала в корпоративных материалах – размещение логотипов принципала на своем сайте, в витринах магазинов, в рекламных буклетах рядом со своим собственным названием, но с акцентом на бренд принципала.

Не остается в стороне и воздействие визуальных идентификаторов (внешний вид товара и точек продаж): (1) идентичная или практически неотличимая упаковка. Так, например, если агент производит товар на территории охраны товарного знака или переупаковывает импортный, но использует упаковку, дизайн которой на 100% совпадает с оригинальной упаковкой принципала, потребитель физически не видит разницы; (2) единообразии фирменного стиля точек продаж (мерчандайзинг) – оформление магазина, стендов, униформа сотрудников, ценники – все выполнено в фирменном стиле принципала; (3) использование оригинальной маркировки продукции – размещение на товаре или упаковке всех тех же маркировок, что и у принципала (например, серийные номера, специальные знаки качества, логотипы технологий).

Еще один индикатор – использование агентом деловых практик принципала и характерных черт взаимодействия с клиентами – предоставление гарантий от имени принципала. Например, если в гарантийном талоне или на сайте указано, что гарантию предоставляет [Имя принципала], а не агент, это явный сигнал для потребителя о том, что принципал полностью стоит за этим продуктом и ручается за него.

На восприятие потребителя оказывает воздействие использование единой системы каче-

ства и сервиса принципала – агент сознательно поддерживает те же стандарты обслуживания, что и принципал по всему миру (например, сроки возврата, условия ремонта, программа лояльности). Это создает у потребителя ощущение, что он имеет дело с глобальной компанией, а не с локальным посредником. Интеграция с глобальными системами принципала – упоминание агентом на своем сайте, что товар можно зарегистрировать на глобальном сайте принципала или что он участвует в международных акциях принципала.

Среди факторов воздействия – сохранение ценового позиционирования принципала. Например, продажа агентом товара по ценам, аналогичным или очень близким к ценам принципала в других странах (премиум-сегмент). Это усиливает восприятие товара как «настоящего» и «официального». Резкое снижение цены, наоборот, могло бы вызвать подозрения в контрафакте.

Агент для сохранения якобы легитимности своего товарного знака всячески старается скрыть конфликт с принципалом. Он избегает публичных упоминаний о споре с принципалом. Как следствие, потребитель не видит конфликта и считает ситуацию нормальной. Агент стремится создать видимость деловых отношений в период конфликта, и если на момент регистрации знака агент еще реально был партнером и продолжал поставлять товары, потребитель никак не мог догадаться о готовящемся или уже состоявшемся конфликте.

Способность потребителей предположить, что товары или услуги по товарному знаку агента предоставляются самим правообладателем товарного знака принципала.

Да, такое обстоятельство должно учитываться. Потребители могут предположить, что товары или услуги, предлагаемые под товарным знаком агента, фактически предоставляются самим правообладателем (принципалом) на основании ряда действий и визуальных признаков. Эти признаки связаны с единообразием брендинга, прозрачностью коммуникации и поведением агента на рынке. Такое восприятие, в частности, могут формировать следующие факторы.

1. Единообразие брендинга и дизайна – использование агентом товарного знака, логотипа, цветовой гаммы, упаковки или дизайна, которые идентичны или чрезвычайно схожи с теми, что

использует принципал в других странах; использование надписей «Официальный дистрибьютор», «Авторизованный партнер»; использование логотипов принципала на вывесках, упаковке или в рекламе.

2. Прямые указания в рекламе и коммуникациях, – агент может явно или косвенно указывать на связь с принципалом в рекламных материалах, на сайте или в соцсетях. Например, фразы: «Мы представляем [бренд принципала] в России», «Товары поставляются напрямую от [имя принципала]»; использование слоганов или названий рекламных кампаний, которые используются принципалом глобально.

3. Информация на упаковке и в сопроводительных документах – на упаковке, в инструкциях или на этикетках указаны реквизиты принципала (например, адрес headquarters, контакты оригинального производителя), а не агента; также может быть указано: «Произведено для [принципал] по лицензии» или «Дистрибуция осуществляется [агентом]».

4. Поведение агента при взаимодействии с клиентами. Например, (а) агент не скрывает свою посредническую роль, но при этом позиционирует товары как продукцию принципала, потребители могут воспринимать агента как «продолжение» принципала; (б) консультанты в магазинах говорят: «Мы работаем с [брендом]», «Это оригинальный товар от [принципал]»; (в) агент использует те же стандарты обслуживания, что и принципал (например, гарантийные условия, сервисное обслуживание).

5. Единые каналы поддержки и обратной связи – агент, для направления жалоб, вопросов или просьб о поддержке, перенаправляет потребителей к принципалу или использует единые глобальные сервисы (например, общий call-центр, форму обратной связи на сайте принципала), это усиливает впечатление, что за продуктом «стоит» принципал.

6. Отсутствие четкого разграничения в договорах и отчетности. В некоторых случаях агентский договор может предусматривать, что агент действует от имени принципала (а не от своего имени). Это может привести к тому, что в сделках с третьими лицами права и обязанности возникают непосредственно у принципала, это может стать известно потребителям.

Способность товарного знака агента породить препятствия для выхода принципала самостоятельно на рынок Российской Федерации и т.д.

Да, такое обстоятельство должно учитываться.

1. В качестве возможного препятствия можно назвать саму регистрацию товарного знака в патентном ведомстве, и если принципал не отслеживает официальные публикации, то регистрация на основании поданной заявки может состояться. Агент может использовать зарегистрированный знак для блокирования импорта товаров принципала. Агент, зарегистрировавший знак, может внести его в таможенный реестр (см. например, практику Германии). Это позволяет таможене задерживать товары принципала на границе по обвинению в контрафакте. Даже если принципал доказывает право по ст. 6.septies Парижской конвенции, соответствующий процесс потребует значительного времени и ресурсов. В США после решения Supreme Court по делу *Abitron Austria GmbH v. Hetronic International* (2023) применение Закона Лэнхэма ограничено территорией США. Если агент зарегистрировал знак в США, а принципал ввозит товары из-за рубежа, агент может требовать их изъятия на основании нарушения своих прав.

2. Препятствие принципалу со стороны агента может осуществляться посредством создания правовой неопределенности через судебные иски.

Например, в Германии агент может подать иск о нарушении прав на товарный знак, даже если [его] регистрация спорная. Например, в деле *Deutsche Telekom v. Telefónica* (2022) суд Гамбурга признал, что подача заявки [принципалом] сама по себе создает угрозу нарушения, что позволяет агенту инициировать судебный процесс и затягивать выход принципала на рынок.

В США агент может использовать процедуру оппозиции после публикации сведений о товарном знаке принципала. Если принципал подает заявку на регистрацию, агент (как третье лицо) может подать соответствующее возражение, что задерживает регистрацию на месяцы или даже годы.

3. Препятствием может послужить требование выкупа (предложение о выкупе) прав или предложение о заключении невыгодных соглашений. Например, из практики Германии известны требования агентов о выкупе принципалом права на то-

варный знак по завышенной цене. В Германии это особенно распространено в случаях, когда агент заранее зарегистрировал товарный знак в ключевых классах МКТУ (например, 35 класс МКТУ для маркетинговых услуг). В практике США известны случаи, когда агент предлагает принципалу соглашение о сосуществовании, но на условиях, ограничивающих географию или каналы сбыта принципала. Если принципал отказывается, агент угрожает судебным преследованием.

4. В качестве препятствия может служить использование особенностей национального права. Например, в Германии регистрация знака агентом может быть основана на формальном соблюдении всех требований национального законодательства к охраноспособности товарного знака (например, использование знака в коммерческой деятельности до подачи заявки). Принципалу придется доказывать недобросовестность агента через сложный процесс оппозиции или аннулирования. В США агент может воспользоваться системой «use in commerce»: если он использует знак первым на территории США (даже в небольшом объеме), его права могут получить приоритет над правами принципала из другой страны. Это подтверждается практикой патентного ведомства США.

Вопрос 4

В случае признания недействительным предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в полном объеме, притом, что объем правовой охраны «старшего» товарного знака принципала является более узким, имеются ли основания для вывода о том, что такой подход является юридической санкцией, предусмотренной в отношении агента за его недобросовестное поведение?

Ответ

Да, такой подход можно рассматривать как юридическую санкцию, которая предусматривает последствия нарушения правовой нормы, определяет вид и меру юридической ответственности для нарушителя правовой нормы.

Санкция, элемент логической структуры правовой нормы, указывающий на неблагоприятные последствия совершения лицом неправомерного деяния (правонарушения), неправомерного юридического факта, на который указывает гипотеза

охранительной нормы. Известно, что в научной литературе в качестве особого рода санкций выделяют санкции ничтожности (недействительности), заключающиеся в признании правового акта недействительным или несовершенным, если не выполнены все требования, необходимые для его вступления в силу или совершения. Такие санкции называются также неполными в том смысле, что они не связаны непосредственно с применением мер принуждения к правонарушителю, а выражаются в том, что, если лицо не соблюдает требования диспозиции, то в силу этого не наступают те юридические последствия, к которым стремилось лицо, совершая определенные действия.

Прекращение правовой охраны товарного знака, зарегистрированного агентом на свое имя без разрешения принципала, в российском праве действительно можно рассматривать как санкцию. Эта санкция направлена против недобросовестного поведения агента и является мерой защиты нарушенного права принципала.

С формально-юридической точки зрения, прекращение правовой охраны товарного знака по ст. 1514 ГК РФ – это прежде всего мера защиты нарушенного права принципала, а не мера юридической ответственности (санкция) в чистом виде. Однако в правовой доктрине и практике меры защиты часто обладают признаками санкций, поскольку они: (а) применяются против нарушителя (агента) по инициативе потерпевшего (принципала), (б) влекут для нарушителя неблагоприятные последствия (аннулирование регистрации, утрата исключительного права, финансовые потери на регистрацию и защиту товарного знака), (в) носят восстановительный характер, направленный на приведение положения потерпевшего в состояние, существовавшее до нарушения права.

Таким образом можно утверждать, что хотя в строгой терминологии это мера защиты, ее функционально-правовая сущность соответствует признакам санкции.

Законодатель прямо указывает, что регистрация агентом товарного знака принципала без согласия – это нарушение, влекущее строгое последствие – полное признание недействительным предоставления правовой охраны.

Регистрация товарного знака агентом вопреки интересам принципала квалифицируется как

злоупотребление правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ) и недобросовестная конкуренция (ст. 14.2 Федерального закона «О защите конкуренции»). Пункт 6 ст. 1512 ГК РФ прямо допускает оспаривание предоставления правовой охраны, если действия правообладателя признаны злоупотреблением правом или недобросовестной конкуренцией.

В этом контексте прекращение правовой охраны выступает как санкция за недобросовестное поведение с точки зрения своей сущности и правовых последствий в российском законодательстве. Это неблагоприятное последствие для нарушителя (агента), наступающее за его неправомерные действия, мера, применяемая уполномоченным органом (Роспатент/Суд по интеллектуальным правам) по иску или возражению потерпевшего. Цель – защита нарушенного права принципала, восстановление законности и пресечение недобросовестной конкуренции.

**Мнение кандидата юридических наук,
доцента факультета права национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Старженецкого Владислава Валерьевича
на запрос президиума
Суда по интеллектуальным правам
по делу № СИП-1321/2024**

Вопрос 1

Необходимо ли для целей применения нормы ст. 6 septies Парижской конвенции устанавливать однородность товаров/услуг, для которых зарегистрированы «старший» товарный знак принципала и «младший» (спорный) товарный знак агента? Может ли товарный знак агента быть признан «этим знаком» принципала в ситуациях, (i) когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют; (ii) когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют, но отдельные товары/услуги являются однородными?

Так как Парижская конвенция об охране промышленной собственности (далее – Конвенция) является международным договором, то при ответе на поставленные вопросы следует руководствоваться объектом и целью данного международного соглашения (к которым согласно ст. 1 Конвенции

относятся защита товарных знаков и пресечение недобросовестной конкуренции), а также принимать во внимание иные взаимосвязанные положения Конвенции (в частности положения ст. 10.bis Конвенции).

Статья 6.septies Конвенции предусматривает специальное регулирование для ситуации регистрации товарного знака агентом или представителем владельца товарного знака без разрешения последнего. Ключевой особенностью данных правоотношений является то, что стороны (владелец товарного знака, принципал, с одной стороны, и агент, представитель, с другой стороны) находятся в лично-доверительных отношениях, и агент в отношениях с третьими лицами может действовать от имени и в интересах владельца товарного знака. Из-за данной особенности стороны этих отношений зачастую воспринимаются широкой публикой потребителями в качестве одного источника происхождения товаров и/или услуг или как аффилированные друг с другом лица.

В контексте законодательства о товарных знаках это влечет за собой дополнительные риски введения потребителей в заблуждение, смешения в отношении предприятия, продуктов или промышленной, торговой деятельности конкурентов, так как зачастую «старший» товарный знак принципала и «младший» (спорный) товарный знак агента могут восприниматься как имеющие единое происхождение даже при отсутствии однородности товаров.

«Старший» товарный знак в силу более длительного присутствия на рынке и приобретенной репутации будет по определению обладать более широкой известностью и различительной способностью. В связи с этим выход на рынок «младшего» (спорного) товарного знака агента может вызывать смешение в глазах потребителей, создать ложные ассоциации, привести к нарушению принципа добросовестности, так как с большой вероятностью будет создаваться впечатление, что «младший» (спорный) товарный знак принадлежит тому же производителю/услугодателю, что и «старший» товарный знак, или что между ними существует тесная связь.

В контексте данной особой ситуации ст. 6.septies Парижской конвенции не предусматривает требование однородности товаров или услуг, что

выглядит вполне логично во взаимосвязи с другими положениями Конвенции, в частности, ст. 10.bis Конвенции.

Данный тезис подтверждается судебной практикой. В решении Суда по интеллектуальным правам от 27 апреля 2024 г. по делу № СИП-499/2023 Суд отметил, что *«в ситуации, когда старший товарный знак обладает широкой известностью, популярностью, высокой репутацией, а младший – нет, вероятность того, что младший товарный знак будет восприниматься потребителем как принадлежащий тому же производителю (в качестве маркирующего самостоятельную линейку товаров того же производителя), увеличивается».*

В другом решении от 24 апреля 2025 г. по делу № СИП-1321/2024 Суд по интеллектуальным правам указал, что целью ст. 6.septies Парижской конвенции является защита первоначального владельца знака от недобросовестной регистрации такого обозначения агентом (представителем) в любой стране – участнице Парижской конвенции, независимо от того, использовался ли знак в этой конкретной стране. В данном Решении Суд также отметил, что *«по смыслу указанной нормы <ст. 6.septies Парижской конвенции> установление однородности перечней товаров и услуг, содержащихся в регистрациях спорного и противопоставленных товарных знаков, не является обязательным для применения предусмотренных ею последствий»*, аргументируя это тем, что *«введение критерия однородности товаров и услуг при применении ст. 6.septies Парижской конвенции противоречило бы самой цели данной нормы – пресечению недобросовестных действий агентов, поскольку такое толкование создало бы легальную возможность обхода запрета путем регистрации товарного знака в отношении неоднородных товаров и услуг».*

На основании вышеизложенного следует признать, что для целей применения ст. 6.septies Конвенции однородность товаров/услуг двух спорных товарных знаков не играет ключевой роли. Товарный знак агента может быть признан «этим знаком» принципала как в случае, если совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют, так и в случае, если совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют, но отдельные товары/услуги являются однородными.

Вопрос 2

Если необходимо устанавливать однородность товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимым товарным знакам, то в случае вывода о том, что товарный знак агента является в определенной части «этим знаком» принципала, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента, – только в отношении однородных товаров/услуг или полностью?

Должен ли подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ толковаться как не допускающий возможность признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным частично? Если да, то чем оправдано такое ограничение?

Как уже было указано выше, однородность товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана конкурирующим товарным знакам, не оказывает влияния на квалификацию отношений. Предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в любом случае следует признать недействительным в полном объеме. Именно такие правовые последствия предусмотрены подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ: *«Предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным полностью».*

Регистрация товарного знака агентом без разрешения владельца товарного знака считается нарушением, затрагивающим весь спектр товаров и услуг, а не только некоторые из них. Довольно часто такая регистрация является следствием недобросовестных действий со стороны агента, что отмечается и в судебной практике. Так, в постановлении от 29 апреля 2025 г. по делу № СИП-892/2024 президиум СИП указал, что *«целью данного положения <подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ> является предотвращение неправомерного использования более раннего товарного знака агентом или представителем владельца этого торгового знака, поскольку названные лица могут воспользоваться знаниями и опытом, приобретенными в ходе деловых отношений с владельцем, и таким образом получить неоправданную выгоду от его усилий и инвестиций, вложенных владельцем».*

Вопрос 3

Если отсутствует необходимость анализа однородности товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравниваемым товарным знакам, и в случае установления их тождества либо сходства, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента?

Нет ли необходимости учитывать какие-либо иные обстоятельства, позволяющие признать товарный знак агента «этим знаком» принципала (по аналогии, например, с подходами, действующими в Европейском Союзе), как то: (i) способность товарного знака агента восприниматься потребителями как зарегистрированного на основе соглашения с принципалом; (ii) способность потребителей предположить, что товары или услуги по товарному знаку агента предоставляются самим правообладателем товарного знака принципала; (iii) способность товарного знака агента порождать препятствия для выхода принципала самостоятельно на рынок Российской Федерации и т.д.

Текст статьи 6.septies Конвенции не устанавливает каких-либо дополнительных требований к ее применению, помимо: (i) наличия у подателя возражения исключительного права на более ранний товарный знак, зарегистрированный в одном из государств – участников Парижской конвенции; (ii) наличия агентских или представительских отношений между правообладателем спорного товарного знака и подателем возражения (см. постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 25 ноября 2021 г. по делу № СИП-224/2020).

Однако это само по себе не означает, что отсутствует необходимость учитывать какие-либо иные обстоятельства, позволяющие признать товарный знак агента «этим знаком» принципала. Полагаем, что комплексный анализ складывающихся правоотношений с точки зрения добросовестности/недобросовестности сторон, а также восприятия ис-

пользования обозначения в глазах потребителей является вполне логичным и разумным.

Как отмечается в авторитетном комментарии к Конвенции под редакцией Боденхаузена³², участники Лиссабонской Конференции, на которой было принято решение о включении ст. 6.septies, намеревались придать указанному положению определенную гибкость, когда агент мог бы оправдать свои действия, например, в случае прямого отказа владельца товарного знака или отсутствия интереса владельца товарного знака в охране прав в той или иной стране.

С учетом этого следует признать, что правило ст. 6.septies не носит абсолютного характера и теоретически возможны особые обстоятельства, которые могли бы оправдать действия агента.

Вопрос 4

В случае признания недействительным предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в полном объеме, притом что объем правовой охраны «старшего» товарного знака принципала является более узким, имеются ли основания для вывода о том, что такой подход является юридической санкцией, предусмотренной в отношении агента за его недобросовестное поведение?

Признание недействительным предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в полном объеме, даже если объем правовой охраны «старшего» знака принципала является более узким (например, охватывает меньшее количество классов МКТУ или товаров/услуг), на наш взгляд, будет скорее рассматриваться как мера защиты владельца товарного знака/принципала, нежели как юридическая санкция за недобросовестное поведение агента.

В доктрине указывается, что под способами защиты интеллектуальных прав понимают предусмотренные законом меры принудительного характера, с помощью которых производится признание либо восстановление права и пресечение действий, нарушающих право³³.

³² Guide to the Application of the Paris Convention for the Protection of Industrial Property (G.H.C. Bodenhause), [Geneva, Switzerland] : [World Intellectual Property Organization], 1968. P. 120.

³³ «Право интеллектуальной собственности. Общие положения» (том 1) (Под общ. ред. Л.А. Новоселовой) («Статут», 2017).

Полагаем, что признание недействительным предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в полном объеме действительно является одним из способов защиты интеллектуальных прав, так как оно в большей степени направлено на восстановление нарушенного права, нежели чем на наказание агента/привлечение его к ответственности.

**Мнение доктора юридических наук, доцента,
профессора кафедры интеллектуальных прав
МГЮА имени О.Е. Кутафина
Шебановой Надежды Александровны
на запрос президиума
Суда по интеллектуальным правам
по делу № СИП-1321/2024**

Вопросы носят правовой характер и касаются пределов оспаривания предоставления правовой охраны знаку обслуживания по основанию, предусмотренному положениями ст. 6.septies Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (далее по тексту – Парижская конвенция).

Как следует из представленного запроса, совокупное толкование п. 1, 2, 3 статьи 6.septies Парижской конвенции и подп. 5 п. 2 ст. 1512 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) с целью их применения на практике вызывает следующие вопросы.

1. Необходимо ли для целей применения нормы статьи 6.septies Парижской конвенции устанавливать однородность товаров/услуг, для которых зарегистрированы «старший» товарный знак принципала и «младший» (спорный) товарный знак агента?

Может ли товарный знак агента быть признан «этим знаком» принципала в ситуациях:

– когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют;

– когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют, но отдельные товары/услуги являются однородными?

2. Если необходимо устанавливать однородность товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимым товарным знакам, то в случае вывода о том, что товарный знак агента является в определенной части «этим знаком»

принципала, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента – только в отношении однородных товаров/услуг или полностью?

Должен ли подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ толковаться как не допускающий возможность признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным частично? Если да, то чем оправдано такое ограничение?

3. Если отсутствует необходимость анализа однородности товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимым товарным знаком, и в случае установления их тождества либо сходства, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента?

Нет ли необходимости учитывать какие-либо иные обстоятельства, позволяющие признать товарный знак агента «этим знаком» принципала (по аналогии, например, с подходами, действующими в Европейском Союзе), как-то:

– способность товарного знака агента восприниматься потребителями как зарегистрированными на основе соглашения с принципалом;

– способность потребителей предположить, что товары или услуги по товарному знаку агента предоставляются самим правообладателем товарного знака принципала;

– способность товарного знака агента порождать препятствия для выхода принципала самостоятельно на рынок Российской Федерации и т.д.

4. В случае признания недействительным предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в полном объеме, притом что объем правовой охраны «старшего» товарного знака принципала является более узким, имеются ли основания для вывода о том, что такой подход является юридической санкцией, предусмотренной в отношении агента за его недобросовестное поведение?

При подготовке настоящего заключения использованы положения действующих международных соглашений, международных документов по вопросам выработки положений междуна-

родных соглашений, ГК РФ, комментарии специалистов.

Статья 6.septies была включена в текст Парижской конвенции по результатам состоявшейся в 1958 г. Лиссабонской конференции. Необходимость появления данной статьи разъяснена в отчетных документах конференции: «Факты, лежащие в основе этого вопроса, следующие: владелец товарного знака продает свою продукцию за рубежом через агентов или представителей, не зарегистрировав свой товарный знак за рубежом. Может случиться, что с разрешения или по собственному желанию владельца представитель регистрирует товарный знак на свое личное имя. В этом случае владелец должен быть защищен, чтобы по истечении срока действия соглашений, связывающих обе стороны, товарный знак не стал собственностью представителя. Может также случиться, что представитель регистрирует товарный знак на свое имя без ведома владельца, и последний узнает об этом только постфактум, что может потребовать довольно длительного периода времени между подачей заявки и получением информации. Следовательно, владелец должен иметь возможность в этом случае возбудить дело против представителя, не поднимая вопроса о пропущенном сроке»³⁴.

Как было отмечено в заключительных документах конференции, «новая статья 6.septies требует лишь нескольких комментариев. Эта статья предоставляет первому владельцу товарного знака исключительные средства правовой защиты от неправомерных действий его агента или представителя в других странах Союза, позволяя ему возражать против использования или регистрации товарного знака, а также требовать аннулирования зарегистрированного товарного знака. Это, несомненно, детальное положение, включение которого в Конвенцию Союза вызвало некоторые сомнения, но практическое значение которого неоднократно подчеркивалось»³⁵.

Обращает на себя внимание формулировка цели статьи: предоставление владельцу товар-

ного знака исключительных средств правовой защиты от неправомерных действий его агента или представителя. То есть, спорные отношения возникли в гражданско-правовой сфере и, соответственно, носят гражданско-правовой характер.

В появившемся вскоре после внесения изменений в Парижскую конвенцию комментарии Г. Боденхаузена акцент сделан на том, что «настоящая статья регулирует особый вопрос – отношения между владельцем знака и его агентом или представителем в части, касающейся регистрации или использования знака последними. Во многих случаях эти отношения регулируются вполне адекватно договором, но иногда договора нет, или же договор имеется, но он не регулирует или недостаточно четко регулирует эти вопросы. Кроме того, иногда владелец знака заинтересован в том, чтобы его агент или представитель в данной стране предпринимал по своей инициативе необходимые меры для охраны знака путем его регистрации или чтобы он использовал знак в связи с тем, что возможное использование обязательно в этой стране. Но серьезные затруднения могут возникнуть в отношении исключительного права использовать знак, а именно когда указанные отношения по представительству прекратятся»³⁶.

Таким образом, Г. Боденхаузен также обращает внимание на то, что данная статья регламентирует отношения между агентом и принципалом гражданско-правового характера, особо подчеркивая, что, в первую очередь, все вопросы должны быть урегулированы в договорном порядке. Обращение к статье имеет место при ненадлежащем исполнении обязательств. Именно оценка правомерности действий агента и право принципала требовать, чтобы все действия агента осуществлялись только с его ведома и разрешения, составляют содержание анализируемой статьи. Непосредственно из текста статьи не следует, что при ее применении для разрешения судебного спора требуется установление каких-либо обстоятельств администра-

³⁴ ACTES DE LA CONFÉRENCE RÉUNIE A LISBONNE DU 6 AU 31 OCTOBRE 1958 GENÈVE BUREAU DE L'UNION INTERNATIONALE POUR LA PROTECTION DE LA PROPRIÉTÉ INDUSTRIELLE 1963.

³⁵ Ibid.

³⁶ Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий. Перевод с французского Тумановой Н.Л. С. 172–173.

тивного характера, связанных с объемом охраны товарного знака, заявленного на регистрацию.

Особенностью норм международных соглашений является их единообразное толкование во всех странах, ратифицировавших эти соглашения.

Зарубежная практика

В материалах по изучению Парижской конвенции, размещенных в **eGyanKosh**³⁷, содержится следующее толкование анализируемой статьи:

«Статья 6.septies Конвенции **регулирует отношения** между владельцем товарного знака и его агентом или представителем **по поводу регистрации или использования товарного знака** последним. Эта статья регулирует те случаи, когда агент или представитель лица, являющегося владельцем товарного знака, подает заявку на регистрацию товарного знака от своего имени, или получает ее, или использует товарный знак без разрешения владельца. В таких случаях статья 6.septies предоставляет владельцу товарного знака право возражать против регистрации или требовать аннулирования регистрации или, если это допускается национальным законодательством, требовать уступки регистрации в его пользу. Кроме того, статья 6.septies предоставляет владельцу товарного знака право возражать против несанкционированного использования товарного знака его агентом или представителем, независимо от того, была ли подана заявка на регистрацию товарного знака или была ли выдана его регистрация³⁸.

Вопрос несанкционированной подачи заявки агентом проанализирован в рамках исследований, проводимых Институтом Макса Планка (Германия). Так, отмечено, что «статья 6.septies Парижской конвенции рассматривает проблему, заключающуюся в том, что лица, состоящие в договорных отношениях с иностранным владельцем товарного знака, например, в качестве уполномо-

ченных дилеров, могут поддаваться искушению зарегистрировать знак на свое имя, чтобы получить прибыль от деловой репутации, которую товары или услуги могли приобрести на внутреннем рынке. В ответ на такое поведение Парижская конвенция устанавливает, что если заявка на регистрацию подана без разрешения лицом, являющимся агентом или представителем владельца этого товарного знака в одном или нескольких (других) государствах-членах Парижского союза, владелец имеет право подать возражение или потребовать аннулирования знака, а также запретить его использование, если агент или представитель не обоснует правомерность своих действий.

Кроме того, владелец может также требовать перерегистрации прав на себя, при условии, что это разрешено внутренним законодательством страны, где испрашивается охрана. Это требование действительно только в отношении товарного знака принципала, т.е. оно применяется только к идентичным знакам и не распространяется на знаки, которые лишь схожи со знаком владельца.

Применение этого правила, по всей видимости, не вызвало серьезных проблем или дискуссий на международном уровне. Ничего не было добавлено к нему в Соглашении ТРИПС или Рекомендациях ВОИС³⁹.

Не возникло вопросов о необходимости оценки объемов охраны товарных знаков и при проведении регионального семинара по интеллектуальной собственности для судей и государственных служащих, организованного ВОИС, где было сформулировано толкование содержания ст. 6.septies Парижской конвенции как регулирующей случаи, при которых агент или представитель лица – обладателя товарного знака подают заявку и регистрируют товарный знак на свое имя или используют товарный знак без разрешения его владельца. В таких случаях владелец товарного знака имеет

³⁷ **eGyanKosh – национальный цифровой репозиторий** для хранения, индексации, сохранения, распространения и обмена цифровыми образовательными ресурсами, разработанными учреждениями открытого и дистанционного обучения Индии.

³⁸ UNIT 6 The Paris Convention, the agreement on trade related aspects of intellectual property rights, p.81 <https://egyankosh.ac.in/bitstream/123456789/51596/1/Unit-6.pdf> (дата обращения: 3 сентября 2025 г.).

³⁹ Kur, Annette, Not Prior in Time, But Superior in Right: How Trademark Registrations Can be Affected by Third Party Interests in a Sign (May 24, 2013). IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law, 2013 Vol. 44, Issue 7, pp 790–814, Max Planck Institute for Intellectual Property & Competition Law Research Paper No. 13-10, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2253888> (дата обращения: 3 сентября 2025 г.)

право препятствовать регистрации или требовать аннулирования регистрации, или, если национальное законодательство позволяет, требовать перевода прав на себя. Кроме того, эта статья наделяет владельца товарного знака правом препятствовать использованию товарного знака без разрешения агентом или представителем вне зависимости от того, была ли подана заявка на регистрацию товарного знака или была ли предоставлена такая регистрация⁴⁰.

Как видно из представленных исследований, вопросы частичной отмены регистрации, равно как и вопросы исследования объемов охраны товарного знака при толковании положений данной статьи не рассматриваются.

Законодательство Российской Федерации

Положения статьи 6.septies Парижской конвенции по охране промышленной собственности в России были имплементированы в российское законодательство. Это подпункт 5 п. 2 ст. 1512 «**Основания оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку**» Гражданского кодекса Российской Федерации:

«2. Предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным...

5) полностью в течение всего срока действия исключительного права на товарный знак, если правовая охрана была ему предоставлена на имя агента или представителя лица, которое является обладателем этого исключительного права в одном из государств – участников Парижской конвенции по охране промышленной собственности, с нарушением требований данной Конвенции».

Анализ статьи 1512 ГК РФ позволяет заключить, что в результате оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку правовая охрана может быть отменена полностью или частично.

Возможность признания предоставленной правовой охраны недействительной частично закреплена в подп. 1, 2, 6, 7 п. 2 ст. 1512. **В подп. 4 и интересующем нас подп. 5 ст. 1512 императивно закреплено, что предоставленная правовая охрана в случае признания ее недействительной должна быть отменена полностью.** Как отмечено в комментарии к данному подпункту «нарушение требований о субъекте распространяется на весь товарный знак»⁴¹.

Не оспаривая данного утверждения, считаю необходимым добавить следующее. Анализ нарушений требований Парижской конвенции в данном случае предполагает не оценку объекта – товарного знака, а оценку действий субъекта: если они незаконны, нарушают договорные условия, то нарушенное право принципала возможно восстановить, только вернув стороны в исходное положение, т.е. при полной отмене незаконных действий. В данном случае приоритетом является оценка надлежащего исполнения обязательства агентом (действия с разрешения принципала, в рамках договорных условий), а не оценка объекта охраны.

В подтверждение данного вывода можно обратиться к комментарию Г. Боденхаузена, в котором определены основные обстоятельства, подлежащие установлению в случае применения анализируемой статьи:

если применения настоящего положения требуют в одной из стран Союза, компетентные органы этой страны должны прежде всего определить, может ли лицо, подавшее заявку на регистрацию знака от своего имени, рассматриваться в качестве агента или представителя владельца знака в одной из стран Союза;

второй вопрос, который следует изучить компетентным органам страны, где испрашивается применение положения, – это вопрос о том, представлена ли заявка на регистрацию агентом или представителем «того, кто является владельцем знака в одной из стран Союза»;

⁴⁰ Seminario regional sobre propiedad industrial para jueces y fiscales de America Latina (OMPI) Madrid, 18 a 22 de noviembre de 2002, P. 8.

https://www.oepm.es/cs/OEPMSite/contenidos/ponen/sem_jueces_02/modulos/M_ALEMAN_1.pdf (дата обращения: 03 сентября 2025 г.).

⁴¹ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. Е.А. Павлова. М.: ИЦЧП имени. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018, С. 830.

настоящее положение применяется только в случае, если агент или представитель заявили о регистрации знака без разрешения владельца. При наличии разрешения вопрос должен регулироваться в соответствии с договором, в частности и о прекращении отношений между сторонами.

Интересно отметить, что вопросы применения судом ст. 6.septies Парижской конвенции по охране промышленной собственности в России уже были предметом обсуждения, однако и тогда в перечень возникших вопросов не вошли проблемы оценки объема охраны товарного знака, ограничившись проблемами субъектного характера⁴².

На основании вышеизложенного ответы на поставленные вопросы следующие.

1. Необходимо ли для целей применения нормы ст. 6.septies Парижской конвенции устанавливать однородность товаров/услуг, для которых зарегистрированы «старший» товарный знак принципала и «младший» (спорный) товарный знак агента?

– **НЕТ (последующие вопросы отпадают).**

Может ли товарный знак агента быть признан «этим знаком» принципала в ситуациях:

– когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют;

– когда совпадающие товары/услуги в двух знаках отсутствуют, но отдельные товары/услуги являются однородными?

2. Если необходимо устанавливать однородность товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимаемым товарным знакам, то в случае вывода о том, что товарный знак агента является в определенной части «этим знаком» принципала, в каком объеме следует признать действительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента – только в отношении однородных товаров/услуг или полностью?

ПОЛНОСТЬЮ

Должен ли подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ толковаться как не допускающий возможность призна-

ния предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным частично? Если да, то чем оправдано такое ограничение?

ДА (положения Парижской конвенции и ГК РФ, в котором это прямо закреплено).

3. Если отсутствует необходимость анализа однородности товаров/услуг, для которых предоставлена правовая охрана сравнимаемым товарным знаком, и в случае установления их тождества либо сходства, в каком объеме следует признать недействительным предоставление правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента?

В ПОЛНОМ

Нет ли необходимости учитывать какие-либо иные обстоятельства, позволяющие признать товарный знак агента «этим знаком» принципала (по аналогии, например, с подходами, действующими в Европейском Союзе), как-то:

– способность товарного знака агента восприниматься потребителями как зарегистрированными на основе соглашения с принципалом;

– способность потребителей предположить, что товары или услуги по товарному знаку агента предоставляются самим правообладателем товарного знака принципала;

– способность товарного знака агента порождать препятствия для выхода принципала самостоятельно на рынок Российской Федерации и т.д.

НЕТ, эти обстоятельства, по всей вероятности, устанавливаются при иных спорных отношениях.

4. В случае признания недействительным предоставления правовой охраны «младшему» (спорному) товарному знаку агента в полном объеме, притом что объем правовой охраны «старшего» товарного знака принципала является более узким, имеются ли основания для вывода о том, что такой подход является юридической санкцией, предусмотренной в отношении агента за его недобросовестное поведение?

МОЖЕТ БЫТЬ, это вопрос для аналитического исследования.

⁴² *Робинов А., Колесов Е.* Особенности применения статьи 6.septies Парижской конвенции по охране промышленной собственности в России» <https://www.aippi.org/news/the-specifics-of-the-application-of-article-6-septies-of-the-paris-convention-for-the-protection-of-industrial-property-in-russia/> (дата обращения: 3 сентября 2025 г.).

Для цитирования:

Гуцин Н.В., Капырина Н.И., Кольздорф М.А., Мелкумян Р.А. Обзор ключевых позиций президиума Суда по интеллектуальным правам № 4/2025 (июль–декабрь 2025) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2026. Март. № 1 (51). С. 121–135.

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_11

For citation:

Gushin, N.V., Kapryrina, N.I., Kolzdorf, M.A., Melkumyan, R.A. Review of key issues in IPC Presidium's ruling № 4/2025 (July–December 2025) // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2026. March. N 1 (51). Pp. 121–135. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_11

DOI: 10.58741/23134852_2026_1_11

Обзор ключевых позиций президиума Суда по интеллектуальным правам № 4/2025 (июль–декабрь 2025)

Н.В. Гуцин,

магистрант Российской школы частного права

Н.И. Капырина,

PhD, доцент кафедры интеграционных процессов, МГИМО (у) МИД России, ID РИНЦ 1110305

М.А. Кольздорф,

LLM, старший преподаватель НИУ ВШЭ, ID РИНЦ 1035397

Р.А. Мелкумян,

помощник судьи Суда по интеллектуальным правам

В обзоре представлены ключевые позиции из постановлений президиума Суда по интеллектуальным правам, опубликованных в июле – декабре 2025. Президиум Суда по интеллектуальным правам рассматривает кассационные жалобы на решения суда первой инстанции, в частности, по делам, связанным с регистрацией объектов интеллектуальных прав и с оспариванием их правовой охраны. Соответственно, данный обзор преимущественно посвящен вопросам охраноспособности объектов патентных прав и средств индивидуализации, досрочного прекращения правовой охраны товарных знаков, а также отдельным процессуальным аспектам деятельности Роспатента и Суда по интеллектуальным правам.

В данном обзоре рассмотрены вопросы, связанные с правовой охраной товарных знаков, с патентами, а также с недобросовестной конкуренцией.

Ключевые слова:

Интеллектуальная собственность: интеллектуальные права; товарные знаки; недобросовестная конкуренция; патенты

I. СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

1. Основания отказа в регистрации

1.1. О природе проверки на «био»

Постановление президиума СИП от 15.10.2025 по делу № СИП-178/2025

При регистрации обозначений, включающих словесный элемент «Bio», проверка соответствия продукции требованиям законодательства об органической продукции Роспатентом не осуществляется

Общество обратилось в Роспатент с заявкой на регистрацию товарного знака, включающего элемент «BIO», в отношении товаров 33 класса МКТУ. Отказывая в регистрации знака, Роспатент исходил из того, что словесный элемент «BIO» в переводе с английского языка означает использование природных органических веществ или живых организмов в составе продукции. С учетом этого заявленное обозначение характеризует товары, описывая их свойства. Поскольку общество при подаче заявки не представило необходимые документы, подтверждающие соответствие продукции требованиям Закона № 280-ФЗ¹, Роспатент пришел к выводу, что включение в состав заявленного обозначения словесного элемента «BIO» свидетельствует о введении потребителя в заблуждение относительно свойств/качеств испрашиваемых товаров (пп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ).

СИП отменил решение Роспатента, поскольку тот факт, что заявитель не представил доказательства соответствия фактически произведенной продукции требованиям Закона № 280-ФЗ, сам по себе не свидетельствует о возможности введения потребителя в заблуждение в отношении товара или его качества по смыслу пп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ. Соблюдение Закона № 280-ФЗ проверяется при нанесении обозначения на упаковку, а не при регистрации товарного знака.

В отличие от пп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, не предполагающего проверку фактического использования обозначения, требования Закона № 280-ФЗ (в том числе в редакции Закона № 367-ФЗ) направлены на регулирование отношений, связанных

с производством органической продукции, имеющей свои особенности, и с размещением единого установленного графического изображения (знака) на такой продукции.

Соблюдение этого закона проверяется не в момент регистрации товарного знака, а в момент фактических действий по размещению обозначения на упаковке, потребительской и (или) транспортной таре органической продукции или на прикрепленных к ней либо помещенных в нее иных носителях информации. Именно к этому моменту названная продукция должна соответствовать определенным требованиям.

Товарные знаки зачастую регистрируются в Российской Федерации до начала фактического использования, поскольку до вложения ресурсов в продвижение определенного обозначения предприниматели хотят убедиться в том, что Роспатент предоставит ему правовую охрану. Такое поведение соответствует требованиям разумности.

Обзор подготовлен М.А. Кольддорф

1.2. Пируэты в падеде

Постановление президиума СИП от 16.09.2025 по делу № СИП-1318/2024

Для применения пп. 2 п. 1 ст. 1483 ГК РФ требуется установить, что спорное обозначение является точным названием строго определенного понятия и не допускает его иного понимания (термин).

Гражданин обратился в Роспатент с возражением против предоставления правовой охраны знаку обслуживания, содержащему словесный элемент «Падеде». Роспатент отказал в удовлетворении возражения, посчитав, что указанные в возражении ссылки на словари, в которых приведены слова «па-дэ-дэ», «па-де-де», «Pas de deux», «па де де», не подтверждают, что входящий в состав спорного знака обслуживания словесный элемент «падеде» является общепринятым термином в области обучения классическому танцу и балету. Роспатент также отклонил как неподтвержденный довод подателя возражения об утрате обозначением

¹ Федеральный закон от 03.08.2018 № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

«пададе» различительной способности в связи с его частым упоминанием в средствах массовой информации, в специальной литературе, в названии музыкальных произведений.

Суд первой инстанции частично удовлетворил заявление гражданина, признав решение Роспатента недействительным в части отказа в дискламации словесного элемента «пададе» спорного обозначения, не усмотрев при этом оснований для прекращения правовой охраны спорного знака обслуживания в целом.

Президиум СИП данные выводы поддержал.

В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 1483 ГК РФ не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, являющихся общепринятыми символами и терминами.

Указанные элементы могут быть включены в товарный знак как неохранные элементы, если они не занимают в нем доминирующее положение.

Термин – это слово или словосочетание, призванные обозначить понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы. Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями характерных для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. Они существуют лишь в рамках определенной терминологии. Основным источником, позволяющим отнести обозначение к общепринятому термину, являются терминологические словари и специализированная литература.

Норма пп. 2 п. 1 ст. 1483 ГК РФ предполагает наличие у слова точного, однозначного смысла определенного понятия для адресной группы потребителей.

Термины, в отличие от слов общей лексики, зачастую многозначных и связанных с контекстом, в пределах сферы применения точно и однозначно именуют понятие какой-либо специальной области науки, техники, искусства и т.п. Иными словами, термин является точным названием строго определенного понятия и не допускает его иного понимания.

При анализе спорного знака обслуживания суд первой инстанции установил, что в области клас-

сического танца, балета существует термин «Pas de deux», означающий балетную форму и имеющий значение «дуэтный танец», т.е. танец двух танцовщиков, чаще балерины и первого танцовщика. В силу исторических причин использование французской терминологии является характерной для указанной сферы.

Обзор подготовлен М.А. Кольздорф

1.3. Сплошной стресс

Постановление президиума СИП от 12.09.2025 по делу № СИП-1077/2024

При оценке описательности обозначения (пп. 3 п. 1 ст. 1483 ГК РФ) учитывается не только его семантика, но и правдоподобность выявленной ассоциации в отношении конкретных товаров и услуг.

Обществу отказали в регистрации, затем в удовлетворении возражения против отказа в регистрации для широкого перечня товаров обозначения «Для снятия стресса». По мнению административного органа, обозначение характеризует все эти товары, указывая на их свойство и назначение. СИП признал решение Роспатента методологически неверным и несоответствующим норме п. 1 ст. 1483 ГК РФ, обязав административный орган повторно рассмотреть возражение заявителя.

Суд согласился с выявленной административным органом описательной семантикой заявленного обозначения, но критически отнесся к тому, что Роспатент не оценил на предмет правдоподобности возникающие у потребителя ассоциации применительно к каждому заявленному товару или группам товаров.

Оставляя решение суда первой инстанции в силе, президиум СИП напомнил методологию оценки п. 1 ст. 1483 ГК РФ и поддержал несогласие суда с выводом административного органа, что спорное обозначение может являться описательным само по себе для любых товаров и услуг.

В пунктах 34 и 37 Правил № 482² перечислены некоторые обозначения, которые неохотно способны сами по себе (простые геометрические

² Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утвержденных приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482.

фигуры, слова, написание которых нарушает правила орфографии, и др.).

Однако для описательных обозначений норма абзаца 7 п. 34 Правил № 482 ориентирует на то, что не допускаются к регистрации обозначения, характеризующие товар – т.е. конкретный спорный товар.

К тому же для ряда заявленных товаров, таких как похоронные урны или ручки для чемоданов, ассоциация с возможностью ими снимать стресс признана судом неочевидной...

Поскольку в решении Роспатента была установлена предполагаемая ассоциация (товары для снятия стресса), но отсутствовали суждения о правдоподобности такой ассоциации применительно к конкретным спорным товарам и услугам, методология применения п. 1 ст. 1483 ГК РФ была нарушена.

Обзор подготовлен Н.И. Капыриной

1.4. «Говоришь на меня – переводишь на себя»

Постановление президиума СИП от 29.07.2025 по делу № СИП-1428/2024

Вывод об отсутствии у обозначения различительной способности может быть сделан в том числе в случае, если такое обозначение обладало первоначальной различительной способностью, однако вследствие его широкого и длительного использования разными производителями утратило способность индивидуализировать товары конкретного производителя в отношении идентичных или однородных товаров.

Противоречивой является позиция заявителя, который с одной стороны, настаивал на описательности обозначения, с другой стороны, сам подал заявку на регистрацию сходного обозначения, утверждая, что оно приобрело различительную способность вследствие использования им самим.

Общероссийская общественная организация «Союз женщин России» (далее – Союз) обратилась в СИП с заявлением о признании недействительным решения Роспатента об отказе в удовлетворении возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку «Женщины России». Товарный знак был зарегистрирован по заявке

Фонда поддержки национальной женской премии в отношении перечня товаров 16-го класса и услуг 35, 36, 41, 45-го классов МКТУ.

При первом рассмотрении возражения Союза Роспатент его удовлетворил на основании несоответствия обозначения норме пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, отклонив иные доводы. В результате судебного оспаривания решение Роспатента было отменено (дело № СИП-266/2023).

При повторном рассмотрении возражения, проверяя спорный товарный знак на соответствие нормам абз. 1 и пп. 3 п. 1 ст. 1483 ГК РФ, Роспатент отклонил доводы об описательном характере обозначения и об отсутствии различительной способности.

Кроме того, Роспатент отметил противоречивость позиции подателя возражения: Союз ссылается и на изначально описательный характер спорного обозначения, и на использование словесного обозначения «Женщины России» иными хозяйствующими субъектами в гражданском обороте, что приводит к отсутствию различительной способности, а также на противоречие такого обозначения общественным интересам. В то же время он является правообладателем товарного знака, включающего в себя охраняемый словесный элемент «ЖЕНЩИН РОССИИ».

С Роспатентом согласились суд первой инстанции и президиум СИП.

Президиум СИП согласился с выводами Роспатента и суда первой инстанции о том, что товарный знак «Женщины России» обладает различительной способностью, указав, что вывод об отсутствии различительной способности может быть сделан в случае, если это обозначение как таковое не обладает различительной способностью по отношению к приведенным в регистрации спорного товарного знака товарам, а также в случае, если такое обозначение обладало первоначальной различительной способностью, однако вследствие его широкого и длительного использования разными производителями утратило способность индивидуализировать товары конкретного производителя в отношении идентичных или однородных товаров.

Вместе с тем, ссылки подателя возражения на включение в состав наименований различных юридических лиц и общественных организаций

обозначения «Женщины России» недостаточно ввиду отсутствия доказательств, подтверждающих осуществление такими лицами фактической деятельности.

В отношении довода об описательном характере спорного обозначения президиум СИП согласился с выводом о том, что товарный знак «Женщины России» является фантазийным, а его смысл требует домысливания. Обозначение не представляет собой прямую характеристику рассматриваемых товаров и услуг, а требует домысливания и построения ассоциативного ряда.

Президиум СИП также отклонил довод об ошибочном применении судом принципа эстоппель. Президиум СИП признал противоречивой позицию заявителя, который с одной стороны, настаивал на описательность обозначения, с другой стороны, сам подал заявку на регистрацию сходного обозначения, утверждая, что оно приобрело различительную способность вследствие использования им самим.

Обзор подготовлен Н.В. Гуциным

1.5. Пружина описательности

Постановление президиума СИП от 29.07.2025 по делу № СИП-560/2023

Пп. 3 п. 1 ст. 1483 ГК РФ содержит разные характеристики товара (вид, качество, количество, назначение), которые позволяют квалифицировать обозначение как описательное, вследствие чего исключение судом одной из таких характеристик не свидетельствует об изменении основания для признания правовой охраны спорных товарных знаков недействительной.

В Роспатент было подано возражение против предоставления охраны товарным знакам «пружинный узел» и «Пружинный узел СИЛА» ввиду нарушения требований пп. 1–3 п. 1 ст. 1483 ГК РФ.

Роспатент установил, что словосочетание «пружинный узел» с очевидностью ориентирует в отношении свойств и назначения товара и является их характеристикой, в связи с чем по пп. 3 п. 1 ст. 1483 ГК РФ в правовой охране должно быть отказано. В отношении товарного знака «Пружинный узел СИЛА» Роспатент счел наличие охраноспособности у индивидуализирующего элемента «СИЛА». Суд первой инстанции согласился с выводами Роспатента.

При направлении дела на новое рассмотрение президиум СИП указал, что суд первой инстанции дал неверную оценку охраноспособности словосочетания «пружинный узел», поддержав вывод Роспатента, разбившего обозначение на отдельные словесные элементы: нельзя говорить о том, что одно слово указывает на свойство товара, а второе – на его назначение.

Решением СИП заявление оставлено без удовлетворения.

Оставляя решение в силе, президиум СИП подчеркнул, что для установления (подтверждения) того, что элемент является описательным, можно использовать любую информацию, касающуюся семантики анализируемого словесного элемента: энциклопедии, справочники, в том числе и специальную, в частности техническую, литературу, толковые и другие словари, сведения, полученные из баз данных, сети Интернет.

При этом следует учитывать, что пп. 3 п. 1 ст. 1483 ГК РФ содержит разные характеристики товара (вид, качество, количество, назначение), которые позволяют квалифицировать обозначение как описательное, вследствие чего исключение судом одной из таких характеристик не свидетельствует об изменении основания для признания правовой охраны спорных товарных знаков недействительной. Иными словами, характеристики пп. 3 п. 1 ст. 1483 ГК РФ носят альтернативный характер.

В кассационной жалобе заявитель ссылался на наличие множества смысловых значений у словосочетания «пружинный узел», в связи с чем оно не способно напрямую характеризовать товары 6-го класса МКТУ. Вопреки указанному доводу, как подчеркивает президиум СИП, при оценке смыслового значения входящих в обозначение элементов подлежат учету те варианты, которые коррелируются с заявленным перечнем товаров, поскольку потребители будут воспринимать обозначение применительно к тем товарам, для индивидуализации которых обозначение используется. Приведенные заявителем кассационной жалобы возможные значения названного словосочетания не учитывают конкретный перечень товаров, в отношении которых следует установить восприятие потребителями данного обозначения.

Обзор подготовлен Н.В. Гуциным

1.6. Короткая река – лимонадные берега?

Постановление президиума СИП от 08.08.2025 по делу № СИП-89/2025

Для выявления способности обозначения восприниматься в качестве места производства товара требуется установить не только наличие или отсутствие географического объекта, название которого воспроизведено в обозначении, но также его известность для адресной группы потребителей (шаг 1) и способность этого названия восприниматься рядовым, средним потребителем как место производства конкретного товара / оказания конкретных услуг (шаг 2).

Индивидуальному предпринимателю отказали в удовлетворении возражения против отказа в регистрации обозначения «CEYDON» в качестве товарного знака для «лимонадов» 32-го класса МКТУ. По мнению Роспатента, заявленное обозначение отсылает к названию географического объекта Цейдон – реки на территории Северной Осетии, в связи с чем объект является неохраняемым по смыслу пп. 3 п. 1 ст. 1483 ГК РФ, так как характеризует место производства товаров.

Суд первой инстанции удовлетворил требование заявителя об оспаривании решения Роспатента, обязав административный орган зарегистрировать товарный знак по спорной заявке.

Оставляя в силе решение суда первой инстанции, президиум СИП напомнил, что в практике при оценке конкретного географического наименования сложился двухшаговый подход.

На первом шаге необходимо определить, воспринимается ли адресной группой потребителей конкретный элемент как географическое наименование. При этом по общему правилу, не запрещается регистрация географических наименований, не известных разумно информированной адресной группе потребителей (а не географам).

На втором шаге определяется, указывает ли обозначение на место, ассоциирующееся с заявленными товарами или услугами, или разумно ли предположить, что обозначение будет ассоциироваться с этими товарами или услугами в будущем, или может ли оно, с точки зрения потребителей, указывать на место происхождения этой категории товаров или услуг (т.е. данная проверка

проводится в отношении конкретных заявленных товаров и услуг).

Оценка обозначения на соответствие требованиям упомянутых положений п. 1 ст. 1483 ГК РФ производится исходя из восприятия этого обозначения рядовыми, средними потребителями – адресатами товаров, для индивидуализации которых испрашивается правовая охрана обозначению, в отношении конкретных товаров, и осуществляется на дату подачи заявки.

Способность названия географического объекта восприниматься рядовым, средним потребителем как место производства конкретного товара зависит от того, возникают ли у потребителей какие-либо ассоциативные связи между конкретным товаром и конкретным обозначением.

При отсутствии сведений о восприятии спорного обозначения потребителями товаров, для индивидуализации которых испрашивается правовая охрана обозначению, как топонима, указывающего именно на место происхождения товара или место нахождения его производителя, обозначение может восприниматься потребителем как имеющее фантазийное происхождение, что не препятствует его охране.

В связи с изложенным не каждое географическое наименование только по факту своего нахождения на географической карте или в источниках, посвященных географии России, настолько известно адресной группе потребителей, что воспринимается как название географического объекта.

Поддерживая решение суда первой инстанции, президиум СИП отметил, что на первом шаге суд установил: река под названием Цейдон или Цейдон слабо известна среднему (рядовому) потребителю лимонадов в России, а поскольку по правилам транслитерации данные названия не соотносятся с заявленным обозначением «CEYDON», потребители, которые знают о существовании реки Цейдон/Цейдон, совершенно необязательно узнают ее название в заявленном обозначении. Соответственно, на втором шаге, суд признал неразумным предположение о том, что заявленное обозначение будет ассоциироваться с лимонадами настолько, что будет указывать на местонахождение производителя или на источник воды для создания лимонада.

Обзор подготовлен Н.В. Гуциным

1.7. Зеленый свет трехмерной форме

Постановление президиума СИП от 05.08.2025 по делу СИП-992/2024

Само по себе то, что форма автомобиля может использоваться для изготовления игрушек не свидетельствует о традиционности формы конкретного обозначения и, соответственно, не является основанием для вывода об отсутствии у этого обозначения различительной способности.

Роспатент отказал в регистрации модели автомобиля «Чайка» в качестве товарного знака для товаров 28-го класса МКТУ (автомобили [игрушки], модели транспортных средств и др.). Помимо отсутствия различительной способности (абз. первый п. 1 ст. 1483 ГК РФ) эксперт установил, что обозначение указывает на конкретный вид заявленных товаров (пп. 3 п. 1 ст. 1483 ГК РФ).

Отказывая в удовлетворении возражения заявителя, Роспатент напомнил, что формы масштабных моделей автомобилей, повторяющих форму транспортных средств в полномасштабной величине, традиционно используется различными изготовителями игрушек. Поэтому обозначение, являющееся реалистическим изображением товара, не в состоянии выполнять отличительную функцию и не обладает различительной способностью, а также представляет собой функциональную форму изделия (пп. 4 п. 1 ст. 1483 ГК РФ).

Отменяя решение Роспатента, СИП установил, что спорная форма не является функциональной и безальтернативной, выявил характерные уникальные детали «Чайки», формирующие в сознании потребителя ее образ и ассоциативный ряд, связанный с ним: кузов лимузинного типа с обобщенной решеткой радиатора с клетчатым рисунком, оформление хвостовой части с V-образными в профиль фонарями, имеющими горизонтальные секции поворотников, и т.д.

Оставляя решение в силе, президиум СИП напомнил, что если форма обозначения определяется исключительно или главным образом функциональностью, является традиционной и безальтернативной для изделий такого же назначения, обозначение нецелесообразно признавать обладающим различительной способностью.

При этом само по себе то обстоятельство, что форма масштабных моделей автомобилей может

использоваться для изготовления игрушек, на что ссылался Роспатент, не свидетельствует о традиционности формы именно спорного обозначения и, соответственно, не является основанием для вывода об отсутствии у этого обозначения различительной способности.

Суд обратил внимание на существование множества альтернативных форм выполнения спорных товаров 28-класса МКТУ, на узнаваемость и уникальность деталей спорного обозначения, присущих изначально конкретной модели легкового автомобиля, благодаря которым на дату подачи спорной заявки у потребителя сформировался конкретный образ обозначения и ассоциативные связи в отношении заявителя по заявке или аффилированных с ним лиц.

Аналогичные позиции выражены в делах СИП-990/2024 (ГАЗ-М20 «Победа»), СИП-998/2024 (Кав3-651), СИП-990/2024 (ГАЗ-21 «Волга»).

Обзор подготовлен Н.И. Капыриной

1.8. Коммерческое обозначение vs товарный знак

Постановление президиума СИП от 15.10.2025 по делу № СИП-159/2025

Для применения п. 8 ст. 1483 ГК РФ необходимо установить, что на определенную дату имелся конкретный объект недвижимости, и именно с деятельностью через этот объект недвижимости обозначение стало ассоциироваться.

Индивидуальный предприниматель обратился с заявлением о признании недействительным решения Роспатента, принятого по результатам рассмотрения возражения против предоставления правовой охраны знаку обслуживания.

Роспатент счел недоказанным несоответствие регистрации спорного средства индивидуализации п. 8 ст. 1483 ГК РФ. Изучив представленные подателем возражения документы в целях применения положений п. 8 ст. 1483 ГК РФ, административный орган пришел к выводу о том, что индивидуальный предприниматель не доказал, что ему принадлежит имущественный комплекс (объект недвижимости), в целях индивидуализации которого он использовал коммерческое обозначение до даты приоритета спорного знака обслуживания.

Суд первой инстанции признал решение Роспатента законным и обоснованным, а президиум СИП поддержал его выводы.

Суд первой инстанции отметил, что фактическое оказание услуг под определенным обозначением (например, использование обозначения на страницах сайта в сети Интернет или в рекламе) само по себе не порождает исключительного права на коммерческое обозначение, поскольку такое использование не позволяет установить ту деятельность, которая осуществлялась в помещении, находящемся в аренде у индивидуального предпринимателя, а также не подтверждает наличие ассоциативной связи между обозначением и деятельностью через конкретный объект недвижимости.

Президиум СИП напомнил, что с учетом положений ст. 1538 ГК РФ для существования обозначения в качестве коммерческого обозначения необходимо установить, что на определенную дату имелся конкретный объект недвижимости и именно с деятельностью через этот объект недвижимости обозначение стало ассоциироваться.

Обзор подготовлен Р.А. Мелкумян

1.9. Карлсон вполне здоров

Постановление президиума СИП от 12.08.2025 по делу № СИП-62/2023

Положение пп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ применяется не только в случае использования в товарном знаке обозначения, тождественного произведению (его части), но и в случае использования произведения в переработанном виде.

Роспатент аннулировал товарный знак «Лекарство для Карлсона», зарегистрированный в отношении товара 30-го класса «мороженое», поскольку правообладатель спорного товарного знака не заручился согласием правообладателя аудиовизуальных произведений, упоминающих персонаж в своих названиях (Малыш и Карлсон (1968 г.) «Карлсон вернулся» (1970 г.)). СИП оставил решение в силе.

Суд напомнил, что норма пп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ направлена на пресечение неправомерного использования объектов авторского права в товарных знаках. Потребители товара 30-го класса МКТУ «мороженое» будут связывать обозначение «Лекарство для Карлсона» именно с известными

ими названиями аудиовизуальных произведений, а также с персонажем этих произведений: Карлсон являлся любителем всего сладкого, следовательно, в отношении названного товара возникают ассоциации именно с этим объектом авторского права.

В отношении довода о создании советских мультфильмов с возможным нарушением прав автора литературных произведений СИП отметил, что в любом случае факт создания производного произведения с нарушением прав авторов оригинального произведения не лишает правообладателя производного произведения права на защиту (с учетом постановления КС РФ от 16.06.2022 № 25-П). Правообладатель использованного произведения вправе самостоятельно определять, защищать ли ему свое право.

Правом на подачу возражений против представления правовой охраны товарному знаку по пп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ обладают только правообладатели произведений, их правопреемники, исключительный лицензиат, чьи полномочия по использованию объекта авторского права затронуты регистрацией спорного товарного знака,

Суд отметил, что в применимой редакции пп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ было указано на недопустимость тождества товарного знака части произведения.

Вместе с тем понятие тождества в данном случае определяется с учетом объекта защиты: указанная норма имеет целью пресечь неправомерное использование в товарных знаках объектов авторского права.

Как подчеркнуто в абзаце четвертом п. 82 Постановления № 10, охрана авторским правом персонажа произведения предполагает, в частности, что только автору или иному правообладателю принадлежит исключительное право использовать персонаж любым способом, в том числе путем его воспроизведения или переработки (пп. 1 и 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ).

В отношении довода о нарушении процедуры рассмотрения возражения в Роспатенте СИП отметил, что до принятия решения Роспатентом заключение коллегии Палаты по патентным спорам это проект решения, отсутствует обязанность ознакомить с ним участвующих в деле лиц и довести до их сведения причины отклонения заключения руководителем Роспатента.

Обзор подготовлен М.А. Кольддорф

2. Досрочное прекращение охраны

2.1. Все под контролем

Постановление президиума СИП от 24.09.2025 по делу № СИП-64/2024

Для целей применения положений п. 2 ст. 1486 ГК РФ воля иностранного правообладателя должна быть направлена на использование товарного знака на территории Российской Федерации.

Общество обратилось в СИП с иском о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в отношении товаров 34-го класса МКТУ (снюс, папиросы, сигареты, табак, табачные изделия) вследствие его неиспользования.

При первом рассмотрении дела СИП удовлетворил исковые требования полностью. Президиум СИП поддержал выводы суда первой инстанции в отношении товаров «снюс, папиросы, сигареты», но отменил решение в части выводов о недоказанности использования спорного товарного знака под контролем правообладателя в отношении товаров «табак и табачные изделия». Президиум СИП исходил из того, что вывод суда первой инстанции о недоказанности факта использования спорного товарного знака в отношении этих товарных позиций покупателем по договору поставки является преждевременным и сделанным без оценки имеющихся в материалах дела доказательств.

При этом президиум СИП отметил, что контроль со стороны правообладателя может быть различным для случая, когда товарный знак используется иным лицом при производстве товара (контроль качества товара, объемов производства и реализации и пр.), и для случая импорта оригинального товара и его дальнейшей реализации. В последнем случае необходимость в дополнительном контроле качества и объемов производства товара отсутствует. Следовательно, отсутствие у соглашения квалифицирующих признаков дистрибьютерского договора само по себе не свидетельствует об отсутствии контроля по п. 2 ст. 1486 ГК РФ.

В связи с этим при повторном рассмотрении дела, оставляя в силе решение об отказе удовлетворении требований, президиум СИП подчеркнул, что для целей применения положений п. 2 ст. 1486 ГК РФ воля иностранного правообладателя долж-

на быть направлена на использование товарного знака на территории Российской Федерации.

Суд первой инстанции признал наличие воли правообладателя на попадание товара, маркированного спорным товарным знаком, на рынок Российской Федерации (при этом оригинальности товара достаточно для целей контроля). О воле правообладателя свидетельствовали следующие обстоятельства: иностранная компания заключила договор с российским обществом, по условиям которого определялись необходимые требования к качеству поставляемых товаров, к наличию нормативной документации Российской Федерации, к маркировке акцизными марками, к изложению информации для потребителей на русском языке.

Суд также установил, что соответствующий товар фактически доведен до российского потребителя, до лиц, не являющихся аффилированными с правообладателем.

Обзор подготовлен Н.В. Гуциным

2.2. Обеспечительные меры

Постановление президиума СИП от 31.07.2025 по делу № СИП-436/2025

Суд может в деле о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака принять обеспечительные меры в виде запрета Роспатенту рассматривать возражение против товарного знака истца, поданного ответчиком-правообладателем неиспользуемого товарного знака. Роспатент не рассматривает возражение по частям, поэтому суд не может в качестве обеспечительной меры приостановить рассмотрение возражения в части, в том числе в отношении одного из оснований оспариваний или каких-то товаров и услуг.

Общество обратилось в СИП с иском о досрочном прекращении правовой охраны двух товарных знаков ответчика вследствие их неиспользования. При этом истец запросил в качестве обеспечительной меры запрет Роспатенту совершать действия по рассмотрению возражения, поданного ответчиком против регистрации товарного знака общества, до принятия судом решения по делу о досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков ответчика.

СИП удовлетворил требование истца о принятии обеспечительных мер, а также отказал ответчику

в отмене этих мер, посчитав это преждевременным и не направленным на обеспечение баланса интересов сторон.

Президиум СИП поддержал определение об отказе в отмене данных мер.

Суд руководствовался разъяснениями в п. 58 Постановления № 15³, в котором даны совокупные условия для принятия предварительных обеспечительных мер в виде запрета Роспатенту выносить решение по результатам экспертизы заявленного в качестве товарного знака обозначения со ссылкой на планируемое в соответствии со ст. 1486 ГК РФ предъявление иска о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака иного лица, препятствующего регистрации обозначения.

Президиум СИП указал, что при наличии аналогичных условий может быть удовлетворено заявление о принятии обеспечительных мер, поданное по делу о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

По делу, возбужденному по исковому заявлению о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, может быть также удовлетворено ходатайство о принятии обеспечительных мер в виде запрета Роспатенту принимать решение по результатам рассмотрения поданного в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 1248 ГК РФ, возражения на решение об отказе в регистрации товарного знака по основаниям, предусмотренным п. 6 ст. 1483 названного Кодекса, по собственной заявке, поданной истцом, при наличии аналогичных условий.

Президиум СИП отметил, что такой же правовой подход может быть применен и в случае противопоставления неиспользуемого товарного знака товарному знаку заявителя.

Президиум СИП также указал, что с учетом разъяснений в п. 162 Постановления № 10, в случае удовлетворения иска по основному делу прекращение судом правовой охраны спорных товарных знаков не только выражается во внесении таких сведений в Государственный реестр товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации, но и влечет за собой необходимость учета

факта неиспользования этих знаков при определении вероятности смешения.

Следовательно, несмотря на то что правовым последствием досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием будет прекращение исключительного права на этот товарный знак на будущее, неиспользование товарного знака способно повлиять на выводы в отношении вероятности смешения сравниваемых обозначений.

Президиум СИП также отклонил довод о том, что возражение подано не только на основании пп. 2 п. 6 ст. 1483 ГК РФ, но и по иным основаниям, и спорные товарные знаки противопоставлены и в отношении иных услуг: Роспатент не рассматривает возражения по частям, соответственно, суд первой инстанции лишен возможности приостановить рассмотрение возражения лишь в пересекающейся с предметом настоящего спора части. Удовлетворение же требований по настоящему делу может повлиять на результат рассмотрения возражения в целом.

Обзор подготовлен М.А. Кольцдорф

II. ПАТЕНТЫ

3. Патенты на изобретения

3.1. Эксперимент эксперименту рознь, даже на крысах

Постановление президиума СИП от 12.11.2025 по делу № СИП-1284/2024

При сравнении экспериментальных данных, необходимо удостовериться, что они получены в сопоставимых условиях.

В результате рассмотрения возражения В Роспатенте действие евразийского патента на группу изобретений «δ-кристаллическая форма осимертиниба мезилата, способ ее получения (варианты) и применение для лечения онкологических заболеваний» было аннулировано в России из-за отсутствия изобретательского уровня.

Роспатент установил, что технический результат изобретений по спорному патенту направлен на решение задачи расширения арсенала

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты».

известных полиморфных форм указанного вещества, которые могут быть использованы для лечения онкологических заболеваний. Из описания к группе изобретений следовало, что новая кристаллическая форма вещества проявляет по сравнению с уже известными формами свойства улучшенной биологической доступности и терапевтической эффективности. На основе противопоставленных источников информации, в частности исследования биодоступности вещества на крысах и исследования терапевтической эффективности на ксенотрансплантатных моделях *in vivo*, административный орган сделал вывод, что проявленные спорной кристаллической формой результаты находятся в уже известных пределах значений. Так, Роспатент пришел к выводу об очевидности для специалиста как самой кристаллической формы, так и ее способов получения (независимые пункты 4 и 5).

СИП оставил заявленные патентообладателем требования без удовлетворения, но президиум СИП решение отменил и принял новый судебный акт, в результате которого действие евразийского патента восстановлено. В своем постановлении президиум СИП подробно остановился на специфике полиморфизма, определяющей особенности методологии проверки изобретательского уровня кристаллической формы вещества. Несмотря на то что в целом Роспатент и суд выбрали верную методологию, президиум СИП нашел основания для удовлетворения кассационных жалоб в части ее неверного применения.

Обращаясь к вопросу оценки технического результата (улучшенной биодоступности и терапевтической эффективности вещества), президиум СИП обратил внимание на то, что сравнение данных между разными кристаллическими формами необходимо проводить с учетом требования сопоставимости условий эксперимента.

В данном случае этого выполнено не было: в описании группы изобретений по спорному патенту были приведены данные биодоступности, полученные от исследования, проведенного на крысах-самцах, а исследование в противопоставленном источнике проводилось на крысах обоих полов. При этом отмечалось разное действие вещества на самок и самцов крыс.

Соответственно, обобщенная информации о действии вещества на крыс обоих полов (при известности разного действия на крыс каждого из полов) не позволяет достоверно опорочить информацию, приведенную в описании группы изобретений по спорному патенту и касающуюся только действия на крыс-самцов.

Аналогичным образом президиум СИП отметил, что не могут быть признаны сопоставимыми данные о терапевтической эффективности из описания группы изобретений по спорному патенту и из информационного источника, поскольку в последнем было указано об использовании свободного вещества, а не конкретной соли.

Обзор подготовлен Н.И. Капыриной

4. Полезная модель

4.1. Специалист поймет и без лишних описаний!

Постановление президиума СИП от 29.07.2025 по делу № СИП-999/2024

Если влияние признака на технический результат очевидно для специалиста (исходя из общих знаний), этого достаточно для признания достаточного раскрытия полезной модели. Признак, выраженный процентным соотношением, не считается «интервалом значений» в смысле строгих требований к заявке – для него достаточно одного примера реализации.

Общество обратилось в СИП с заявлением о признании недействительным решения Роспатента об отказе в удовлетворении возражения против выдачи патента Российской Федерации на полезную модель «Головка блока цилиндров двигателя внутреннего сгорания с жидкостным охлаждением».

По мнению заявителя, полезная модель не соответствует условию патентоспособности «новизна», поскольку все существенные признаки полезной модели известны из уровня техники (источники информации 1–4: альбомы чертежей двигателей «Волга», каталоги деталей, видео на YouTube). Кроме того, в описании отсутствуют примеры реализации для всех значений признаков, выраженных диапазонами, и не раскрыты методы определения параметров, что свидетельствует о недостаточном раскрытии сущности полезной модели (п. 2 ст. 1376 ГК РФ).

Оставляя решение в силе, суд первой инстанции исходил из того, что технический результат, на достижение которого направлена спорная полезная модель, сформулирован с учетом недостатков, выявленных в техническом решении, раскрытом в источнике информации 2 и указанном в описании полезной модели по спорному патенту в качестве прототипа. Суд установил наличие в описании полезной модели сведений, подтверждающих достижение такого технического результата за счет признака, характеризующего «площадь выпускных каналов меньше впускных на 18–37%», и согласился с позицией административного органа, состоящей в том, что данный технический результат фактически достигается за счет названного признака.

Таким образом, суд констатировал, что в описании спорной полезной модели содержатся сведения о заявленном техническом результате, а также о возможности его достижения признаками формулы этой полезной модели с приведением одного примера ее осуществления. Описание технического решения раскрывает его сущность с полнотой, достаточной для осуществления специалистом в соответствующей области техники с достижением заявленного технического результата.

С учетом осуществленного анализа суд не согласился с доводами подателя возражения о том, что спорная полезная модель не соответствует требованию раскрытия ее сущности для осуществления специалистом в соответствующей области.

Суд также признал верными выводы о новизне полезной модели: признак «по привалочной плоскости площадь отверстий выпускных каналов меньше площади отверстий впускных каналов на 18–37%», отличающий ее от устройства, известного из источника информации 2, является существенным, а иные противопоставленные технические решения не обладают всей совокупностью существенных признаков спорной полезной модели.

При этом суд рассмотрел и отклонил аргумент подателя возражения о несущественности названного признака, указав на очевидность для спе-

циалиста влияния этого признака на заявленный для полезной модели технический результат.

При рассмотрении кассационной жалобы президиум СИП напомнил, что для подтверждения возможности достижения технического результата, не всегда требуется специальное указание в описании технического решения. Причинно-следственная связь между конкретным признаком и техническим результатом может следовать из общих знаний специалиста в соответствующей области (например, из общего курса по данной дисциплине). При этом признаки определяются исходя из их сущности, а разница в примененной терминологии не учитывается.

Кроме того, президиум СИП отметил, что признак, выраженный соотношением величин (процентное соотношение), не является «интервалом непрерывно изменяющихся значений параметра» в смысле пп. 3 п. 38 Требований № 701⁴. Суд разъяснил, что соотношение площадей (процентное отношение одной площади к другой) – это не параметр в чистом виде, а расчетная величина. Следовательно, строгие требования пп. 3 п. 38 Требований № 701 (примеры для всего интервала) к таким признакам не применяются. Достаточно одного примера, демонстрирующего работу устройства в рамках заявленного диапазона.

Отклоняя ссылку заявителя на пп. 4 п. 38 Требований № 701, согласно которому для признаков, выраженных параметрами, нужно раскрывать методы их определения, президиум СИП указал, что метод вычисления соотношения двух площадей (деление одной величины на другую) является общеизвестным из школьного курса математики. В связи с этим предполагается, что специалисту он известен, и раскрывать его в описании патента не требуется.

По методологии оценки новизны суд напомнил, что существенность признака определяется его влиянием на технический результат, а не наличием в уровне техники. Суд подтвердил, что признак «площадь выпускных каналов меньше впускных на 18–37%» является существенным, так как именно он обеспечивает достижение заявленного технического результата (оптимальный газо-

⁴ Требования к документам заявки на выдачу патента на полезную модель, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 30.09.2015 № 701.

обмен, снижение нагрева, уменьшение деформаций). Даже если все остальные признаки известны из уровня техники, наличие этого отличительно-го существенного признака обеспечивает новизну полезной модели.

Обзор подготовлен Р.А. Мелкумян

III. НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

5. Приобретение и использование товарного знака

5.1. О Парке Горького

Постановление президиума СИП от 13.11.2025 по делу № СИП-1091/2024

Регистрация комбинированных обозначений со словесными элементами «Парк Горького» и «Gorky park» не признана актом недобросовестной конкуренции по отношению к истцам, поскольку последние и так не могли использовать охраняемые авторским правом логотипы

Белов А. Н., Миньков А. В. и Львов А.Н. обратились к Микояну А.А. (Стасу Намину) и к АНО «Центр Стаса Намина» с иском о признании приобретения и использования комбинированных товарных знаков актом недобросовестной конкуренции.

СИП отказал в удовлетворении требований исходя из следующего.

Вопрос о добросовестности регистрации в качестве товарного знака названия музыкального коллектива зависит:

– от обстоятельств создания музыкального коллектива, его продвижения на начальном этапе и восприятия этого коллектива публикой (или для целей регистрации товарного знака – адресной группой потребителей). Так, существуют музыкальные коллективы, известные публике конкретными исполнителями, музыкальные коллективы, известные публике продюсерами (со сменным коллективом исполнителей), музыкальные коллективы, известность которых обусловлена видными публике действиями и исполнителей, и продюсера. При этом на протяжении существования музыкального коллектива отнесение его к одной из этих групп может меняться;

– от обстоятельств дальнейшей деятельности группы вплоть до даты подачи заявки на спорный товарный знак и от того, использовалось ли

название группы на эту дату кем-либо (в том числе бывшими членами музыкального коллектива, бывшим продюсером), сохранились ли у адресной группы потребителей какие-либо ассоциативные связи с названием музыкального коллектива на указанную дату.

Суд установил, что в период 1987–1990 годов название музыкального коллектива «Парк Горького» стало известным благодаря деятельности продюсера – Микояна А.А. (Стаса Намина).

Истцы в подтверждение деятельности коллектива именно под таким названием на территории России после 1990 г. доказательства не представили.

Суд учел, что «создателями и авторами логотипа и соответственно товарного знака «Парк Горького» являются Микоян Анастас Алексеевич и художник Павел Шегерян», им принадлежит исключительное авторское право на логотип, включающий стилизованное написание слов «Парк Горького» и «Gorky park» и изображение с буквосочетанием «GP», который и был зарегистрирован в качестве товарных знаков.

Исходя из заявленного предмета спора, должна оцениваться добросовестность приобретения правовой охраны на конкретные комбинированные обозначения, а не добросовестность регистрации теми или иными лицами названия музыкального коллектива «Парк Горького».

Наличие авторского права на логотипы и без их регистрации в качестве товарных знаков препятствует третьим лицам их использовать без согласия правообладателя (ст. 1270 ГК РФ). Пункт 74 Постановления № 10 определяет порядок сосуществования объектов авторского права и товарных знаков, охраняющих одно обозначение.

Предоставление правовой охраны конкретным комбинированным обозначениям в режиме товарных знаков само по себе не является направленным против истцов, которые и до этого не могли эти обозначения использовать без согласия правообладателей в режиме объектов авторского права. Соответственно, сами по себе действия по регистрации спорных товарных знаков не могли иметь направленность запретить истцам использовать конкретные логотипы, которые они и без такой регистрации использовать не могли.

В качестве дополнительного аргумента, основанного на положениях п. 9 Обзора от 15.11.2023,

суд первой инстанции учел и два товарных знака, «вклинившихся» между датой возникновения авторского права на логотипы и датой подачи заявок на спорные товарные знаки. Суд отметил, что в отношении этих «промежуточных» знаков, которые были зарегистрированы на аффилированное с Микояном А.А. лицо, о недобросовестности предоставления им правовой охраны не заявлялось.

Обзор подготовлен М.А. Кольцдорф

6. Иные составы недобросовестной конкуренции

6.1. НДКоврик

Постановление президиума СИП от 21.07.2025 по делу № СИП-1262/2024

Границы антимонопольного нарушения следует определять с учетом того, в каких пределах (в том числе товарных) предполагаемый нарушитель может извлекать преимущества при осуществлении предпринимательской деятельности по отношению к потерпевшему, и того, в каких пределах (в том числе товарных) действия предполагаемого нарушителя могут причинить убытки потерпевшим или наносить вред их деловой репутации.

Спор о признании действий по приобретению и использованию промышленных образцов недобросовестной конкуренцией не относится к компетенции СИП.

Общество обратилось в СИП с иском о признании действий ответчика по приобретению и использованию исключительного права на промышленный образец актом недобросовестной конкуренции. Спорный промышленный образец охраняет рисунок для печатной продукции «Шестиугольник».

СИП отказал в удовлетворении требований, оценив действия ответчика на предмет соответствия положениям ст. 14.8 Закона о защите конкуренции. Обе стороны продают коврики (объемные изделия из листов этиленвинилацетата (ЭВА)), при этом поскольку печатная продукция, для которой предназначен спорный промышленный образец, и названные коврики не взаимозаменяемые това-

ры, стороны не являются конкурентами на рынке печатной продукции.

Суд также учел, что при рассмотрении возражения истца на решение о выдаче спорного патента Роспатент не признал отсутствия «новизны» и «оригинальности», поскольку рисунок печатной продукции и объемные изделия из листов этиленвинилацетата (ЭВА) не являются изделиями сходного внешнего вида и назначения.

Отменяя решение суда, президиум СИП подчеркнул, что конструктивным элементом состава правонарушения (наличие акта НДК) является факт осуществления хозяйствующим субъектом действий, способных оказать влияние на состояние конкуренции (п. 30 Постановления Пленума ВС РФ № 2⁵). Суд также напомнил различия между делами об охране объектов и о недобросовестной конкуренции.

Президиум СИП отметил, что хотя спорный промышленный образец не дает право запрещать использовать изделие, не являющееся печатной продукцией, ответчик направлял письма-претензии контрагенту истца, что повлекло отказ со стороны контрагента от сотрудничества и прекращение поставок товаров истца для реализации в крупную торговую сеть.

При этом суд напомнил, что недобросовестность может следовать из фактического поведения правообладателя, основанного на принадлежащем ему исключительном праве на промышленный образец, в том числе в ситуациях, когда правообладатель действует явно за пределами принадлежащего ему исключительного права, используя видимость нарушения и пользуясь тем, что участники гражданского оборота не являются квалифицированными правоприменителями и им безопаснее прекратить правоотношения с потенциальным нарушителем права, чем принять на себя возможный риск взыскания компенсации.

Так, при рассмотрении дел о НДК следует:

– установить, для каких целей ответчик осуществил регистрацию промышленного образца в отношении внешнего вида товаров конкретного

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства».

назначения; такая цель может быть видна по его фактическому использованию;

– учесть случаи, когда НДК на одном товарном рынке (рынке товаров) неминуемо окажет влияние на конкурентные условия на смежном товарном рынке.

Суд подчеркнул, что несмотря на отсутствие сформированной судебной практики по вопросу о признании действий по приобретению и использованию промышленных образцов актом НДК, отсутствие в Законе о защите конкуренции и в ГК РФ правовых последствий констатации данного правонарушения, закрепление в ст. 1398 Кодекса исчерпывающего перечня оснований, по которым патент может быть признан недействительным, и отсутствие в данном перечне недобросовестности правообладателя, суд не должен оставлять без внимания ситуации очевидно недобросовестного

поведения участников предпринимательских отношений в силу общего принципа гражданского права: никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Президиум СИП направил дело на новое рассмотрение в арбитражный суд по месту нахождения ответчика, так как спор не связан с прекращением правовой охраны результата интеллектуальной деятельности, не относится к компетенции СИП (ч. 4 ст. 34 АПК РФ). Суд напомнил: в отношении изобретений, полезных моделей и промышленных образцов недобросовестность патентообладателя не указана в качестве основания для аннулирования патента, как это установлено для товарных знаков (пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ).

Обзор подготовлен Н.И. Капыриной

Novoselova, Lyudmila Alexandrovna

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Intellectual Rights at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Applying the exclusive right model to the protection of a person's image

The traditional view of personal non-patrimonial assets as objects excluded from circulation has recently faced attempts at revision, primarily within the framework of the theory of their commodification. While not subscribing to its core tenets regarding the inclusion of these assets in circulation, one must acknowledge the growing trend toward the commercialization of specific aspects, primarily those related to the human personality. A particular role in this shift is played by the proliferation of AI-driven "deepfake" technology.

This paper examines legal issues in the classification of relations arising when the holder of a non-patrimonial asset grants consent for its use by third parties. Using the right to a name as an example, the author demonstrates the inadequacy of current regulations in protecting personal non-patrimonial rights and personal data. It is proposed to recognize the existence of independent proprietary rights derived from the subject's personal non-patrimonial rights and to apply the "exclusive right" model to them.

Keywords: deepfake; personal non-patrimonial rights; non-material assets; right to voice; right to image; personal data; commodification; exclusive right

Kalyatin, Vitaly Olegovitch

Ph. D., Associate Professor, Professor of Department of Intellectual Property Rights
Of The Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev,
Associate Professor of Department of Digital Technology and Bio Law of National Research University 'Higher School of Economics'

On Certain Aspects of Defining the Subject of Intellectual Property Created with the Use Artificial Intelligence

Active use of artificial intelligence complicates the system of persons involved in creating an intellectual property and alters their roles in producing the intellectual property. The article examines how the composition of participants in the creation of such objects is changing, what practical challenges arise, and what possible solutions exist. This may involve rethinking the creativity criterion, developing a rights model for the resulting intellectual property, and other approaches. At present, the search for optimal legal and conceptual models is still ongoing.

Keywords: intellectual property; author; copyright; creativity; editorial work; artificial intelligence; prompt

Rozhkova, Marina Alexandrovna

Holder of a Higher Doctorate in Law, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, IP CLUB President
journal editorial policies

Deepfakes in the Context of Intellectual Property Law

This article examines the phenomenon of deepfakes in comparison with the broader concept of fakes and provides a comprehensive analysis of their legal nature. The author consistently distinguishes between the deepfake technology itself and the results produced through its use, demonstrating their differing legal significance. It is argued that a deepfake, as false information disseminated under the guise of authenticity, primarily affects the sphere of personal non-property rights and requires a regulatory framework distinct from that applicable to ordinary fakes.

Special attention is given to the applicability of intellectual property legislation to works modified through deepfake technologies and to AI-generated deepfakes. Drawing on judicial practice, the article shows that transforming a protected work using deepfake technology does not deprive it of its status as an object of copyright. At the same time, the article emphasizes the fundamental non-protectability of AI-generated outputs as results of an automated process, which excludes them from the scope of copyright and supports their classification under the category of informational products.

Keywords: deepfake; fake; generative artificial intelligence; AI-generated content; copyright; personal non-property rights; image of an individual; false information; informational product; synthetic content; intellectual property rights; deepfake technologies

Sevastyanova, Anna Vladislavovna

Self-employed

The nuances of the draft law on the development and distribution of video games in the Russian Federation

This article examines the key issues arising from the definitions presented in the draft law "On the Development and Distribution of Video Games in the Russian Federation." The relevance of this topic lies in the fact that, as of 2025, the Russian Federation has not developed a unified legislative approach to regulating video games, although various approaches are being developed. While the draft law, considered in this article, is a relevant attempt to resolve an unresolved issue, it has, in the author's opinion, several obvious shortcomings that could lead to numerous legal challenges in the future. The author suggests paying close attention to the proposed definition of a video game, as well as a number of other aspects, such as the labeling of video games and their expert review.

Keywords: video games; computer games; video game legislation; video game labeling; video game expertise

Bratus, Dmitry Aleksandrovich

Ph.D. in Law, Associate Professor

Associate Professor of the Department of Civil Law at the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Roman Traces of Copyright: The Birth of the Idea of Protection

Civil law theory consistently denies the ancient roots of copyright. The rare voices of legal scholars (N.L. Duvernois, S.A. Belyatskin, and others) who have argued the opposite have remained unheard. An attempt to understand the history of this issue leads to the conclusion that a single authoritative academic school dominates. In reality, the “young” institution is not copyright as a whole, but rather exclusive rights. The practical significance of this issue (no more, no less) lies in the attribution of personal non-property relations to copyright regulation and in the determination of adequate restrictions on the commercialization of the creative subsector. Recently published large and important comprehensive works [23; 41], in which the ancient Roman aspects of copyright are unfairly ignored or illuminated from the perspective of this particular school, encourage a return (with new arguments) to this topic.

Keywords: author; copyright; moral rights; exclusive right; copyright protection; Hellenes; antiquity; Roman private law

Eremin, Daniil Sergeevich

HSE University

Criteria for the Protection of Computer Program Preparatory Design Material under Russian and European Union Law

The author analyzes the legislation and jurisprudence of Russia and the European Union to identify approaches to the legal regulation of preparatory design material for computer programs. The relevance of the study stems from the existing gap between the technical processes of software development and formal requirements of the law.

The paper critically examines restrictive trends in jurisprudence identified by the author (referred to in the article as the “mechanical translation test”). Based on this analysis, it is proposed to consider preparatory materials as an independent form of expression of a computer program and to apply a three-level abstraction system developed by the author for their legal qualification.

Keywords: computer programs; preparatory design material; software architecture; technical documentation; pseudocode; originality criterion

Kucheruk, Irina Vladimirovna

Doctor of Cultural Studies

Head of the Department of Design and Architecture at Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Kozlov, Dmitry Viktorovich

Executive Director of the Research Institute for Intellectual Property Protection (NII ZIS)

Martyanova, Daria Mikhailovna

Executive Director of the Research Institute for Intellectual Property Protection (NII ZIS)

Criteria for the protectability of architectural works: theoretical and legal analysis

The article is devoted to the theoretical and legal analysis of the criteria for the protectability of architectural works within the framework of current legislation and judicial practice. Particular attention is paid to distinguishing an architectural project as a technical solution from an architectural work as a subject matter of copyright protection. Based on the analysis of legal acts, international agreements, scholarly approaches, and the practice of forensic examinations, the key characteristics indicating the presence of copyright protection are identified. The study emphasizes the need for further development of the legal framework and expert evaluation methodology, including in the context of disputes concerning the modification of architectural objects. The research findings can be used to improve judicial practice in the field of intellectual property and to support forensic examinations of architectural works. The analysis contributes to a deeper theoretical understanding of the legal nature of architectural works and to the formation of consistent approaches to their legal protection.

Keywords: forensic examination; copyright; architectural work

Darkov, Aleksey Nikolaevich

Verba Legal (Moscow Bar Association «Verba»)

Kolobova, Karina Aleksandrovna

Verba Legal («Verba Legal» LLC)

Baspanov, Alan Ruslanovich

Verba Legal («Verba Legal» LLC)

Problems with the Current Regulation of Compulsory Licensing in the Pharmaceutical Industry

The article examines current issues in regulation of compulsory licensing, as established by the current version of cl. 1 of the art. 1362 of the Civil Code of the Russian Federation, addressing the issuance of a compulsory license based on the copyright holder’s insufficient use of a patent, resulting in an insufficient supply of goods, works, or services. The authors analyze regulatory acts and law enforcement practice and offer proposals for counteracting the current regulatory challenges in relation to the disputes between pharmaceutical companies. The article’s relevance stems from the sharp increase in disputes over compulsory licensing of pharmaceutical patents in Russia. The article’s novelty lies in the authors’ proposal of specific methods for defining criteria that require court evaluation when considering a claim for a compulsory license. Approaches to defining such criteria have not been sufficiently detailed in previous legal studies.

Keywords: compulsory license; patent; exclusive right; medicine; shortage of medicine

Romanov, Mikhail Evgenievich

St. Petersburg State University

On the nature of the patent linkage regime

The article examines the patent linkage regime in the context of reforming the regulatory system of the United States of America, and examines the conditions and prerequisites for the adoption of the Hatch-Waxman Act. The features of the implementation of the patent linkage regime in the national legal systems of the Republic of Korea and the People's Republic of China are considered. Based on the studied material, conclusions are drawn about the prospects of introducing the patent linkage regime into the legal system of the Russian Federation in the context of the innovative development of the domestic pharmaceutical industry. A model of the patent linkage regime is proposed, based on the relevant legislative experience of the Republic of Korea, which assumes, in particular, the formation of a database of pharmaceutical patents, actively moderated by the registration authority, legislative consolidation of differentiated grounds for registration of reproduced medicines, and an increase in the duration of the exclusivity period for the person who first appealed the patent to 12 twelve months. It is concluded that it is necessary to reform regulatory and protective legislation in order to form a legislative infrastructure for the registration of reproduced medicines that can ensure the effectiveness of the patent linkage regime.

Keywords: patent linkage regime; Hatch-Waxman Act; registration of medicines; registration of reproduced medicines; availability of medicines, circulation of medicines

Chetvertakova, Elena Sergeevna

Candidate of Legal Sciences, docent; the Intellectual Property Rights Court, judge, the chairman of the judicial composition

On the issue of punishing an agent who has abused the principal's trust and taken over their reputation and brands

This article describes the methodology of applying the provisions of Article 6.septies of the Paris Convention for the Protection of Industrial Property of 20 March 1883 and Subparagraph 5 of Paragraph 2 of Article 1512 of the Civil Code of the Russian Federation when challenging the granting of legal protection to a designation registered as a trademark (service mark) in the Russian Federation.

Keywords: trust; good faith; trademark; acquisition of an exclusive right; foreign owner of a means of individualization; agent; principal; identity of designations; similarity of designations; homogeneity of product (service) positions

Gushin, Nikita Vadimovich

Master student at the Russian School of Private Law

Kapyrina, Natalia Igorevna

PhD, assistant professor at the department of integration studies, MGIMO MFA Russia

Kolzdorf, Maria Aleksandrovna

LLM, Senior Lecturer at the National Research University Higher School of Economics

Melkumyan, Roza Ambartsumovna

judicial assistant, Intellectual property court

Review of key issues in IPC Presidium's ruling № 4/2025 (July–December 2025)

This comment reviews key positions in the rulings of the Presidium of the Russian Intellectual Property Court (IPC) issued in July–December 2025. This Chamber hears cassation appeals against the decisions of the IPC first instance and deals primarily, but not only, with matters of registration and validity of industrial property rights. Therefore, this review predominantly covers substantive requirements for patent and trademark protection, trademark cancellation, as well as procedural issues both in the administrative adjudicating mechanism at the Patent office (Rospatent) and at the IPC itself. The current review encompasses a variety of related to trademark, patent law and unfair competition.

Keywords: intellectual property; trademarks; validity; unfair competition; patents